

МАКС ВЛАДИ

ЧУДЕСНЫЙ
ДЕНЬ

роман-комедия

18+

Макс Влади

Чудесный день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612537

SelfPub; 2023

Аннотация

Ток-шоу так стремительно ворвалось в нашу жизнь, что мы не заметили, как стали непосредственными участниками событий, а наши офисы превратились в студии, где разворачиваются настоящие реалити-шоу. Вы только представьте, к чему может привести вражда директоров двух компаний, где один руководит фирмой, опираясь на астрологические прогнозы, а другой – заставляет сотрудников соблюдать правила Фэн-шуй. И в этот кипящий бульон, приправленный тимбилдингом, добавляем историю бывшего депутата, с которой мы знакомимся в телевизионных ток-шоу и со страниц журналов. Начальники используют любые методы борьбы, принося в «жертву» не только своих сотрудников, но и жизнь всего офисного комплекса.

Содержание

Краткая историческая справка	5
Часть первая.	11
Глава 1 Утро Верочки	11
Глава 2 Добро пожаловать	23
Глава 3 Сказочный офис	29
Глава 4 Начало работы	34
Глава 5 Система штрафов и доставки	43
Глава 5 Счастье отвернулось	55
Глава 6 Бухгалтерия и кадры	68
Глава 7 Бревно тимбилдинга	70
Глава 8 Иван Иванович	76
Глава 9 Пётр Петрович	96
Глава 10 Три корочки хлеба	103
Глава 11 План нападения	116
Глава 12 Жилищная контора «Дворянское гнездо» накануне чудесного дня	124
Глава 13 Чёрный квадрат Сорнякова – Водкина	135
Глава 14 Плюс на минус	145
Глава 15 Видение в розовом	151
Глава 16 Литературный кружок на крыше	164
Глава 17 Апокалипсис	173
Глава 18 Реквием по унитазу	192

Часть вторая.	200
Глава 1 Конец прогрессивного человечества	200
Глава 2 Трубопровод	214
Глава 3 Кабинет Петра Петровича	218
Глава 4 Село слезам не верит	232
Глава 5 Инспектор	248
Глава 6 Тимбилдинг	258
Глава 7 Коммунальное хозяйство Амстердама	274
Глава 8 Робинзон и Чарка	285
Глава 9 Галантный прапорщик	292
Глава 10 Крах Млечного пути	305
Глава 11 Ожидание бури	328
Глава 12 Учения	337
Глава 13 По закону первобытного племени	341
Глава 14 У разбитого корыта	357
Глава 15 Конец	365
Говорю спасибо, не изменяя законам жанра	372

Макс Влади

Чудесный день

Краткая историческая справка

Ток-шоу так внезапно вломилось к нам в дом, что от подобного нахальства мы просто опешили, не оказав ни малейшего сопротивления. А ведь несколько десятилетий назад никто слыхом не слыхивал, что существует на свете такая передача.

Просто в один чудесный день мы включили телевизор да так и остались у голубого экрана.

Яркие огни студий, великолепные ведущие и невероятные по накалу страстей темы приковали нас к креслу. Что бы мы не включили: радио, телевизор или уют где нас встречает ток-шоу. С ток-шоу мы не расстаёмся ни утром, ни днём, ни ночью.

Действительно. Очень интересно узнать, кто кому приходится родственником, например, в селе Малые Тараканы, в котором безвременно почившая тётушка забыла оставить завещание на свою единственную корову. Теперь малотаракановцы в полном составе сидят на диванах и, вместо того, чтоб заниматься хозяйством, спорят о том, у кого право первой руки подоить бурёнку? А может бурёнка ваша сдох-

ла давно? Кормить-то её некому – село пустое. Наследники дружно со всей страной изучают малотаракановское генеалогическое древо.

Ток-шоу захватило нашу жизнь решительно и бесповоротно, не оставляя возможности для отступления. Сейчас любой уважающий себя телеканал имеет своё ток-шоу и даже не одно. Социальные, политические, спортивные, о здоровье. В любое время берёшь пульт, нажимаешь на кнопку, и! – здравствуйте, дорогие телезрители, приветствуем вас в студии! Всё. Садимся, наливаем чай. Нас больше нет. Пока не узнаем подробности, как вылечить чуму двадцатого века в домашних условиях, обратно не ждите.

Можно даже не включать телевизор. Просто отправляемся на работу и становимся непосредственным участником грандиозных событий. Мы лучше любого телеканала умеем превращать свою жизнь в шоу. У вас разве не так? Если нет, то чем вы вообще занимаетесь на своей работе? Ну не работаете же в самом деле?

Настоящий руководитель должен организовать работу таким образом, чтобы работа сама «работалась» без его участия. Так, вроде, звучит народная мудрость? А если не может, значит, не настоящий руководитель и не способен подумать о главном.

Хотя, что может быть важнее на работе, чем сама работа, автор не знает? Так что давайте оставим «подумать о главном» на усмотрение народной мудрости.

Извините, немного отвлеклись от основной темы.

Вернёмся к настоящим руководителям или, если больше нравится, – топ-менеджерам.

Сначала настоящий владелец компании нанимает руководителя, затем руководитель выстраивает работу, перепоручая всё замам. Те, в свою очередь, делегируют полномочия начальникам отделов. Но начальники-то тоже не топором рубленые! Настоящие начальники знают не понаслышке, как надо всё организовать. Ну, и в самом низу руководящей цепочки у нас – обычный менеджер. Ему деваться некуда.

Пока руководящее звено размышляет о главном, менеджер, так сказать, осуществляет операционную деятельность. Он стоит стеной на переднем крае, неся все тяготы и лишения. Битва там идёт насмерть, потери огромные. Постоянно требуется пополнение.

Открываем поиск работы, и, вуаля! Требуется, требуется, требуется...

В Москве куда не плюнь, попадёшь в менеджера – настоящего или бывшего.

Должность давно переросла себя и превратилась в престижную профессию, а может, и образ мысли.

– Кем ты хочешь стать?

– Менеджером.

Точка. Занавес опускается.

Не правда ли, амбициозно? А какой стремительный ка-

рьерный рост! От менеджера до топ менеджера всего три буквы. Впечатляющий рывок. Одна ступенька, и ты уже солидный человек, можешь идти брать кредит и сидеть размышлять о главном.

Желание стать космонавтом давно покрылось пыльной конструкцией обязательных знаний. Это сколько надо учиться? Голова начинает болеть только от перечисления этих необходимых знаний. Если записать столбиком всё, что надо знать и уметь, то столбик превысит Останкинскую башню, а может, и не одну. А время? А риск? Нет, не там наверху, а здесь, внизу. Вдруг не возьмут в космонавты, а у тебя уже борода седая.

Сложное время требует сложных решений. Ускорение такое, что ждать нельзя, иначе безнадёжно отстанешь в гонке за место под солнцем.

Выбор очевиден – с профессией определились.

Теперь место. Где должен сидеть менеджер? Что Вы говорите? Не сидеть, а работать? Нет-нет, всё нормально, ваше негодование понятно. На работе работают, на стуле сидят. Но вот вопрос! Что делают в офисе? Не торопитесь с ответом, иногда под простыми вопросами скрывается нечто большее, чем простые ответы.

Но вернёмся к самому месту. Офис! Чувствуете, как звучит? Настоящая музыка успеха. Сколько раз вы повторяете это слово в течение дня?

Я сегодня в офисе. Надо заехать в офис. Позвоните, когда

я буду в офисе. После упоминания одного только этого слова вы как-бы становитесь выше в глазах собеседника. Правда бывает и так: «Я с утра в офис потом на работу» или «Давай займемся делом, потом в офис заедем». Но это так, к слову, не обращайтесь внимание.

Улицы Москвы с утра заполняются бесконечными потоками людей и машин. Всё, что движется – движется в офис. Великое переселение менеджеров. С утра в офис, вечером – обратно.

Чувство долга и колоссальной ответственности перед страной целый день держит менеджеров и служащих за холодными окнами бездушных офисов. Частных и государственных, больших и маленьких, акционерных и не очень. Сотрудники старательно носят на подпись ответственные документы, слушают предложения снизу и указания сверху, совещаются по наболевшим вопросам, отклоняют, принимают, соглашаются и отчаянно спорят. Вся деятельность менеджера нацелена на результат. Результат, который в масштабах страны мы гордо называем – внутренний валовый продукт.

Если посмотреть на график ВВП, например, в пятилетнем или лучше в десятилетнем периоде, мы увидим плавный стабильный рост. Здесь понятно. А если расширить график до года или квартала? Посмотрите, как меняется картинка. Кривая графика стала нервная, угловатая. Рост, падение; падение, рост. А если взять отдельный месяц? Отдельный район? Нет, давайте возьмём сразу отдельный день в отдельном

офисе. Статистика нам таких данных не предоставляет. Но к черту статистику, мы и без неё лучше всех знаем, как обстоят дела.

Но на всякий случай, давайте убедимся в этом ещё разок и заглянем в гости к нашим героям!

Часть первая.

Глава1 Утро Верочки

Верочка хотела стать знаменитой. Нет, не поп-звездой и не актрисой, вы чего там сразу представили? Как будто знаменитой можно стать только на экране. Верочка мечтала сделать деловую карьеру, забраться на самый верх и когда-нибудь собирать стадионы, рассказывая желторотым юнцам, как добиться успеха. Она так ярко видела себя на подиуме с гарнитурой в ухе, что мечта поглотила её полностью, мешала дышать и даже думать о чём-либо, кроме карьеры. Ради великой мечты Верочка принесла в жертву своё личное время и высшее образование. Амбиции не позволяли тратить драгоценные минуты на второстепенные вещи. Во-первых, многие успешные люди не учились в университетах, а во-вторых, для её профессии требовалось воображение, а не математика.

Верочка хотела сплачивать коллектив в единое и нерушимое – тимбилдинг в простонародье по-новому, и коллективизация в официальной формулировке по-старому.

Сказать, что Верочка совсем не училась мы не в праве. Девушка регулярно посещала тренинги личностного роста, покупала билеты на выступления знаменитых коучей, про-

ходила обучение у знаменитых в узких кругах гуру, читала специфическую литературу и взахлёб смотрела видео-семинары, развивающие воображение.

Мы не знаем, какая Верочка была раньше, но сейчас; уверенность в себе и правильно поставленный голос превратили Верочку в железную леди тимбилдинга, а развитое воображение легко заменило все тяготы образования.

Сегодня Верочка встала рано. Ночью совсем не спалось. До рассвета гул пьяных разговоров не давал уснуть. Местные алкоголики обсуждали последние политические инициативы и мировые новости: катастрофическое снижение цен на нефть, расширение НАТО на восток, нехватку санкционного Рокфора на полках магазинов и, что Алла в конце концов бросит Максима. А Верочка пила воду и думала о первом рабочем дне. В понедельник у Верочки начинался испытательный срок.

Промахнувшись мимо плюшевых тапок-собак, Верочка босиком по старому паркету проскрипела в ванную, забежав на кухню поставить чайник. Горячую воду отключили, но в такую жару в ней не было нужды, к тому же, в стояках труб холодная вода оставалась тёплой до тех пор, пока соседи не начинали просыпаться. Приняв душ, Верочка напялила длинную белую футболку с надписью «Королева бензоколонки» и посмотрела в зеркало. Сходство с героиней фильма оказалось прямое. Вся жидкость, которую Верочка выпила ночью, стекла на лицо. Под глазами вздулось, пухлые щёки

увеличились в размерах, даже уши и те превратились в две пельмешки. Стало очевидно, лицу требовалось время, чтобы оно «отвиселось» и приняло привычную форму, безусловно в рамках разумной погрешности.

Но это ещё полбеды – лицо потом натянется, а вот сочный прыщ с белой головкой, чуть выше кончика носа торчал совершенно некстати. Верочка смотрела на своё отражение и пыталась сообразить: что делать? Пудрой не закроешь, давить страшно. Пластырь? Но это же кошмар! Как она будет выглядеть? И всё это в первый рабочий день. Встречают-то всегда по «одежке». От бессилья девушка топнула ногой и села на край ванны. На ум ничего не приходило, а из кухни раздался свист кипящей воды, приглашающий на завтрак.

Черт с ним, пойду пока кофе налью.

В трёхкомнатной Верочкиной хрущёбе на последнем этаже стояла невыносимая духота. Зимой в холода квартирка выстывала, не помогал ни ковер на стене, ни поролон, забитый в щели старых деревянных окон, ни старенький масляный обогреватель. А летом становилось жарко. Свежий воздух с трудом продирался через рваную москитную сетку – позволял дышать, но не приносил облегчения. Полностью окна не открывали, иначе комары превращали ночь в танец-самопляс, со звонким похлопыванием ладони по «угадай в каком ухе у меня жужжит».

Окнами квартирка выходила на дорогой квартал «Дворянское гнездо». Вид чужого благополучия не давал жите-

лям пятиэтажки забыть, что инопланетяне, живущие напротив, вероятно не имеют совести и своим забором отхапали незаконную территорию, которая ранее находилась в общем пользовании.

Мусолили больную тему давно, лет, наверное, двадцать. Когда «гнездо» только строилось, и на стенах хрущёвской оттепели стали появляться трещины, местный депутат Свинобоков попросил не волноваться, убрать транспаранты и разойтись. Обещал, что в течение года их переселят в такие же точно дома, здесь, неподалёку, а на месте их старенького квартала появится город-сад.

Слух разошёлся быстро, и квартирки сразу взлетели в цене. Те, кто были порасторопней, даже успели продать родное жилище. Остальные же собрали ценные вещи и уселись на авоськах в ожидании переезда. Годы шли, город-сад действительно появился, только его обнесли оградой, а старожилам строго запретили пересекать стальную границу. Свинобоков ушёл вверх по государственной лестнице, после чего даже стал выступать в различных ток-шоу, в основном, как эксперт по строительной части. Содержимое узелков разобрали и снова попрятали по шкафам, но на соседей затаили обиду, которая вылезала гнилостным червем в любых разговорах обитателей старых домов.

Родители Верочки копали грядки на даче, и девушка в одиночестве сидела у окна и дула на блюдце, в котором дымилось кофе. Конечно, моветон, но расстаться с вредной

привычкой не получалось.

Кухонька была малюсенькой, а основой её служил старый гарнитур в «жуткую розочку», который лет тридцать назад стоял у каждой третьей советской семьи. Не вставая из-за стола, Верочка легко дотягивалась до любой полки или холодильника.

Глаза Верочка постоянно скашивала в центр, для удобства приподнимая голову. Выглядело так, словно дрессировщик положил собаке кусочек сахара на нос, а есть запретил. Собака смотрит на лакомство, слюни текут, но сделать ничего не может. Пальцы методично ощупывали пространство рядом с прыщом, дико хотелось нажать, и дело с концом. Чтобы как-то отвлечься, Верочка протянула руку к телевизору, включила его и убрала звук, боясь разбудить соседей.

На экране завершалось ток-шоу о здоровье «Их уже не спасти».

В центре ослепительной студии, напротив зрителей стоял как раз тот самый бывший местный депутат Свинобоков. Его штаны опустились до пят и внизу играли гармошкой. От коленок до груди Свинобокова закрывала метровая ширма на металлических стойках. Между штанами и нижним краем ширмы белели гладкие пухлые ноги.

Позади, правее бывшего депутата находился огромный плакат – мужское тело с содранной кожей в боковом и фронтальном разрезе. Отовсюду в центр изображения шли стрелочки с указанием органов. На другом плакате, слева от Сви-

нобокова, в замедленном старте, начиная с доисторической обезьяны, поднимались наши плосколобые предки, представляя собой тысячелетнюю эволюцию человека согласно теории Дарвина. Все представители человеческой династии, кроме первого, держали в руках разнообразные орудия труда: палки, камни, дубинки и копья, один даже нёс факел. Над каждым из предков стояло имя Хомо и фамилия согласно периоду. Последнего представителя династии закрывал сам Свинобоков, являя собой венец развития человечества. Над ним также крупным шрифтом стояло имя Хомо. В левой руке Хомо Свинобоков держал баночку с жёлтой жидкостью, а в правой большой градусник. Зрителей в зале венец развития человечества оглядывал по-царски – сверху вниз.

Верочка затаила дыхание и на секунду забыла о своих неприятностях.

Ведущая в белом халате и медицинской косынке носилась между фронтальным разрезом и венцом творения. Она отчаянно жестикулировала, тыкала указкой в плакат и указывала ей на Свинобокова. Набегавшись, ведущая обратилась к залу, приложила обе руки к впалым щекам и сокрушённо покачала головой.

Рядом с ведущей спиной к экрану стоял мужчина также в белом халате. Все огни студии отражались в его лысом черепе. На спине горел красный крест и надпись «Доктор на час». Верочка не раз смотрела передачу и знала, что это приглашённый специалист. Он мял лицо правой рукой и пожи-

мал плечами. Царила атмосфера напряженности и предельного внимания.

Ведущая и доктор встали перед камерой, заслонив Свинобокова от Верочки, и принялись что-то горячо обсуждать. Микрофон передавался из рук в руки с невероятной быстротой. Не оставалось сомнений – специалистам есть, что сказать. Видимо, не достигнув согласия, они обернулись к венцу творения. Выражение царского превосходства на его лице сменил первобытный ужас. Губы смыкались и размыкались, бывший депутат что-то спрашивал. Приглашённый Специалист в белом халате покачал головой, подошёл к нему с правой стороны и наклонился, скрывшись по пояс за ширмой. Свинобоков озабоченно моргал глазами, прижав банку с градусником к груди.

Как будто в руках кукловода Доктор на час выскакивал из-за ширмы, что-то говорил и опять скрывался за ней. Кукольный театр продолжался пару минут, после чего приглашённый специалист поднялся, отрицательно покачал глянцевою головой и похлопал Свинобокова по плечу. Он скинул белый халат и, защищаясь руками от кого-то невидимого, стал пятиться назад. Специалист мотал головой до тех пор, пока не пропал из кадра, а Свинобоков начал беззвучно орать, указывая градусником в зал. Камера сместилась на зрителей и выхватила женщину в одежде гейши. Ассистент подал микрофон, на экране загорелась надпись – Лидер движения «За права валютных дольщиков» Снежана Монетки-

на. Лидер движения не проявила никакого интереса к открытому рту бывшего депутата, скривила губы и показала рукой замысловатую фигуру.

Камера вернулась обратно к Свинобокову, который маленькими шажками бежал из-за ширмы в сторону зала. В центре его фигуры появились размытые квадратики. Опомнившись, бывший депутат развернулся и засеменял обратно за ширму, где передал ведущей свои символы царской власти. Он быстро нагнулся, и под ширмой возникли руки в дорогих часах, которые схватили штаны и потащили их наверх.

На ходу застёгивая ремень, бывший депутат опять устремился в зал, но подоспевшие помощники принялись его успокаивать. Свинобоков отчаянно сопротивлялся, и на него пришлось надеть смирительную рубашку. Затем, извивающиеся тело бывшего народного избранника вынесли из студии.

Камера снова выхватила ведущую, которая с улыбкой рекламировала какие-то пилюли. Верочка даже прибавила звук, но программа подошла к концу. На экране потемнели огни, в полумраке заиграла медленная музыка. Зрители начали выходить на середину студии, разбиваться по парам и танцевать. Снежана Монеткина танцевала одна. Пошли титры.

Верочка стряхнула с себя лечебное воздействие передачи, положила блюдо в мойку и выключила телевизор.

– Всё, хватит! Новая жизнь. Я самая лучшая! Я справлюсь, – отдала приказ себе Верочка, в точности как учили многочисленные коучи, которых она посещала. Девушка вернулась в ванную и решительным движением сдавила нос с двух сторон. Прыщ взорвался, как растение «недотрога». Помяв проблемное место ещё немного, Верочка смазала ранку перекисью водорода и залепила малюсеньким кусочком пластыря телесного цвета, а сверху наложила грим.

– Пора одеваться! – опять скомандовала она.

На двери висел розовый костюм, который девушка подготовила ещё с вечера. Не надо забывать, что Верочке предстояло трудиться на должности человека, который сплачивает коллектив, а внешний вид – визитная карточка работников данной отрасли. Так что прочь сомнения.

Верочка встала у зеркала и навела последние штрихи на первое впечатление. Девушка расчесала платиновые волосы, припудрила круглые щёки, а красной помадой увеличила и без того пухлые губы. Закончив косметические процедуры, она придиричиво осмотрела кончик носа. Вроде не видно. Довольная своим отражением Верочка привычным движением поправила вверх обширный бюст и вышла в рассветный сумрак ещё спящего города, распугав подвальных кошек своим ярким розовым светом.

* * *

Жара в городе держалась вторую неделю. Даже утром градусники показывали больше тридцати. За короткую ночь

Москва не успевала остыть. Синоптики новостных программ, устав от монотонных предсказаний, наперебой раздавали советы, как не сойти с ума и остаться в живых. Пить побольше, ходить поменьше, алкоголь не употреблять, без надобности на солнце не стоять.

Проходя мимо стальной ограды, символом разделяющей жизнь на инопланетную и земную, Верочка встретила сантехника Оберзяева, который числился в «Дворянском гнезде» и жил по соседству. Оберзяев был пьян и еле держался на ногах. Взявшись за стальные прутья обеими руками, сантехник стоял с закрытыми глазами и справлял нужду на забор.

– Что, Оберзяев, новую работу обмываешь? – съязвила Верочка, не останавливаясь.

Сантехник приоткрыл глаза.

– Да-а, – протянул он пьяным голосом, ничуть не смущаясь. – Теперь я старший сантехник. Карьерный рост едрён-батон. Правда, не рассчитали с пивом, – Оберзяев звонко отрыгнул. – Жара едрён-батон.

– Смотри, не затопи, а то и тебя на кого-нибудь поменяют, – съязвила Верочка ещё раз, заворачивая за угол.

Тема во дворе обсуждалась несколько дней. Оберзяев недавно занял место старшего в бригаде, которая трудилась в управляющей конторе «Дворянского гнезда». Коллектив бригады насчитывал всего два человека, но и здесь нашлось место для карьерного роста. Петрович, бывший бригадир, неделю возился в подвале, проверил и подготовил систему

к отопительному сезону, пока подчиненный Оберзьев отсутствовал по причине жутких головных болей. Закончив работу, Петрович уехал навестить маму в Тверь. Оберзьев же ночью пробрался в подвал и немного ослабил вентили, что так заботливо установил бригадир. К утру подвал затопило. Усталый Ханырин – директор управляющей компании, уже с утра истерзанный жильцами «Дворянского гнезда», вызвал Оберзьева с больничного. Тот героически всё починил и доложил наверх, мол, Петрович давно замечен за употреблением на работе, да и невозможно с мутным глазом находиться на таком ответственном посту. Петровича никто слушать не стал, и с вещами попросили на выход.

– Нет, ну а как он хотел? – развел руками директор управляющей компании после того, как за бывшим бригадиром захлопнулась дверь.

Оберзьева же поблагодарили и назначили старшим.

Небольшой шажок человека, но какой привычный шаг для всего человечества.¹

Верочка прошла мимо входа в метро. Времени оставалось достаточно, хотелось прогуляться и избавиться от волнения. К тому же, по совету синоптиков горожане много пили, активно потели и в вагонах метро пахло, как в борцовском зале во время тренировки. Но и идти оказалось непросто – улицы не остыли за ночь, от асфальта парило.

Не торопясь и покачивая бёдрами, Верочка шла, обдумыва-

¹ Аллюзия на слова астронавта Нила Армстронга.

вая грядущий день. Она оставляла позади себя лавочки с пустыми бутылками, помойные баки, дышавшие смрадом, мусоровозы, пыхтящие черным выхлопом. Верочка шла вперёд. Мимо людей, с которых жара сбросила припоздавшие остатки весенней скромности, мимо богатых витрин, мимо рекламных щитов, что предлагали все виды современного благополучия. Мимо старых пятиэтажек и дорогих новостроек, которые вместе толкались в тесных дворах. Мимо влюблённых парочек, что бежали с Воробьёвых гор взявшись за руки.

Настроение переливалось радостным звоном. Верочка шла, размышляя о будущей карьере, о деньгах, о мире у её ног. Верочка шагала навстречу мечте.

В эти утренние часы, когда солнце ещё скрывало свой горячий оскал в болотах Шатуры, а ночь, так и не познав полной власти, не оглядываясь, бежала к истокам Москвы-реки, Верочка шла по тротуарам, мокрым после поливальных машин, не замечая, как сначала серыми островками, а потом и солнечным светом в отражениях одиноких луж начинался чудесный июльский день.

Глава 2 Добро пожаловать

«Добро пожаловать в дурдом!!!» – встречала надпись на бетонном заборе. Красные буквы с кровавыми подтёками плясали на четырех ромбовидных секциях. Художник подошел к созданию бессмертных строк с азартом и вдохновением.

Первую букву создатель нанёс на забор широко, высоко и старательно. По мере написания вдохновение покидало руку творца или, скорее всего, количество алкоголя не вязалось с масштабом работы. Буквы потихоньку уменьшались и, ускоряясь, сползали вниз. Три восклицательных знака, параллельных земле, кроме как лёжа, написать художник уже не мог. Там же, под восклицательными знаками, валялась пустая бутылка водки. Рядом пестрели надписи менее талантливых мастеров заборного жанра, оставленные подручными средствами: кирпичом, мелом или углём. Призывали надписи не «в», а «на», и в абсолютно невежливой форме.

Человек в спецовке с разноцветными пятнами уже приступил к работе, и буквы одна за другой исчезали под слоями белой масляной краски.

За забором возвышалось трёхэтажное здание из белого кирпича, разделённое на две части стеклянной галереей. Яркий солнечный свет отражался от окон галереи. На голубом прозрачном небе не наблюдалось ни облачка.

Опять обещали жару.

Перед зданием шныряли менеджеры в костюмах всех оттенков серого. Постоянно въезжали автомобили и, несмотря на вместительное пространство, на парковке становилось тесно. Объезд вокруг здания и справа, и слева перекрывали полосатые строительные конусы.

Верочка стояла на проходной, а пожилой небритый охранник с биркой «ВАСИЛЬ. ЧОП «ЧЕСТЬ и ПЛАМЕНЬ» искал в записях совпадение с данными Верочкиного паспорта.

– Чёт я не найду!

– Повнимательней, пожалуйста, в пятницу я уже привозила свои вещи. Должны были оставить информацию, – холодно сказала Верочка.

– Чёт нет.

– Ну так ищите.

Мимо постоянно проходили люди, толкали Верочку в спину и говорили «Привет, Василь», прикладывая пропуск к валидатору.

Василь тем временем изучал ворох бумаг, а Верочка смотрела в окно.

Справа, недалеко от входа, большая группа в серых костюмах исследовала машину, облепив её как стайка обезьян в сафари зоопарке. Марку автомобиля узнать не представлялось возможным, а в очертаниях угадывался внедорожник. Все двери, капот и багажник были открыты. На каждом сиденье кто-нибудь сидел, несколько человек били ногами по ко-

лёсам, несколько заглядывало под капот, два человека качали машину, пара сидела в багажнике, двое на карачках смотрели под машину, четверо заглядывало в раскрытые двери, остальные ходили вокруг по часовой стрелке то приседая, то наклоняясь. Все серые костюмы сотрясали воздух своими мнениями. У одних на лице выражалось пренебрежение вперемешку с завистью, у других зависть вперемешку с безнадёжностью, у некоторых просто зависть ни с чем не смешанная. Вместе с группой в костюмах ходили голуби, что-то курлыкая на своём языке, и отрешенно клевали асфальт.

Около машины, выражая полное превосходство, стоял законный владелец. Волосы зачесаны назад, щёки и подбородок покрыты идеальной бородкой. Владелец пожёвывал сигарету, а обе руки прятал в карманах. Периодически он вытаскивал правую, когда кто-нибудь подходил выразить восхищение – руку крепко жали и энергично трясли. Затем он брал сигарету, сбрасывал пепел и прятал руку обратно в карман. Серый пиджак был расстёгнут, галстук ослаблен, на руке блестели часы размером с блюдце. Штаны трубочки доходили до щиколоток, носки ботинок красиво закруглялись к солнцу. Вид владельца говорил о достатке и благополучии.

– Вован, круто! Поздравляю.

– Тачка огонь!

– Класс ваще!

– Сколько?

Вован громко объяснял, что стоит всего три, отдал пять-

сот, остальные в кредит – потихоньку отдаст. На сомнения в том, что зарплата вроде не тянет, возражал, что тачка зверь, на дороге все уважают, что поживет пока у родителей, но статус надо держать и что выпросил зимнюю резину, а первая мойка бесплатно.

Далее шли разговоры, как в детской поликлинике.

Что ест? Как часто? Как много? Капризничает ли? Бывают ли неожиданности?

И плавно перетекали на «я вот слышал» «у знакомого такая же» и «я узнавал». Некоторые говорили, что дорогая, но на самом деле дерьмо. Вован обижался и горячо спорил.

Неподалёку стояла стайка офисных девиц, облаченных в единый корпоративный стиль: в одинаковую одежду, в одинаковую причёску и в одинаковое выражение лица. Девушки слюнявили сигареты, красиво выставляли то одну, то другую ногу, поправляли огрехи в корпоративном стиле и громко разговаривали, привлекая внимание владельца авто. Но предмет вожделения не привлекался. Обитатели сафари зоопарка сбились вокруг Вована в серую стаю и требовали угощение. Ответ требовал от владельца авто полной концентрации, поэтому, согласно правилам русской речи, он выдавал бессвязные слова, не имеющие никакого смысла. Проставляться Вован не хотел.

Ближе ко входу разыгрывалась шекспировская трагедия.

Он и Она, молчаливые и печальные – Она в белой рубашке, Он в сером пиджаке, стояли в пол-оборота, спиной друг

к другу. Курили. Она бросала украдкой взгляд, Он отвечал. Тогда Она отворачивалась, гордо поднимала голову и делала затяжку. Он вздыхал, затягивался и пытался взять её руку. Она одёргивала. Он прикладывал руку к сердцу, Она отворачивалась совсем. Он обижался и отворачивался от неё. Тогда Она брала его руку, а Он зло вырывался из её объятий. Оба вздыхали.

Так они и стояли, вздыхали и затягивались. Печали не было конца.

Рядом с ними стоял огромный, в два метра ростом, бородатый мужик с косматой головой. Единственный, кто был без костюма и не курил. Мужик держал двумя руками телефон и одновременно ел гамбургер, капая соусом на футболку.

Группа в костюмах, изучавшая автомобиль, преступила к памятным съёмкам на его фоне. Менеджеры по очереди садились на переднее сиденье, надевали тёмные очки и делали лицо суперагента, выставляя локоть левой руки в окно.

В эту секунду недовольный голос охранника Василя возвратил Верочку из сафари зоопарка обратно на проходную.

– О! Чёт нашёл! Всё, верно. Сразу бы сказали, что первый день на работу идете.

Верочка состроила недовольную мину, забрала молча паспорт и вышла на территорию парковки.

Как розовый ледокол Верочка раздвинула серые полярные льды. Она шла сквозь них, гордо подняв голову. На по-

люсе стало напряженно-тихо. Никого не интересовала машина Вована, голуби прекратили ворковать, девицы перестали теревить свои причёски, а влюблённые открыли рты. Бородач уронил смачный кусок котлеты на футболку и начал чертыхаться.

Верочка подошла ко входу, обернулась, и затем корма, упакованная в розовый панцирь, скрылась в дверях.

Секундная тишина заполнилась обсуждением корпуса и механизмов ледокола. На трибуну поднялись специалисты со знанием дела и терминологии. Он и она отвернулись друг от друга и тяжело вздохнули. Группа в серых костюмах, отчаянно жестикулируя, показывала особо заметные части корабля. Даже голуби задорно махали крыльями. К сожалению, рабочий день уже начинался, и, раскидав бычки вокруг урны, серые льды устремилась за ледоколом.

Глава 3 Сказочный офис

Как и в первый раз, офис поразил Верочку своим убранством. Она открыла дверь в общий холл и сразу споткнулась об огромную статуэтку бронзового мужика. Мужик сидел на куче монет прямо при входе и ржал над ней во всё горло. Он поджимал короткие ноги под огромное брюхо, а большие бронзовые уши развесил на своих плечах. На толстой шее висело ожерелье с клыками. Короткие руки весёлый мужик сложил вдоль блестящего бронзового пуза. Через правое плечо он перебросил мешок, а в левой руке держал чашу с крупной жемчужиной.

От его довольного вида на душе у Верочки потеплело, и напряжение стало спадать.

Если бы не лягушка, которая расположилась рядом и смотрела на Верочку недоверчивым алчным глазом напряжение ушло бы совсем. Земноводная держала во рту монетку, а лапы растопырила на целом резервном фонде и, видимо, серьёзно опасалась, что Верочка умыкнёт парочку золотых. Казалось, что лягушка сейчас кинется на непрошенную гостью, защищая своё богатство.

Около стойки администратора стоял большой аквариум, где плавали диковинные рыбки изумительных расцветок. Самого администратора на месте не было.

Верочка обошла весёлого мужика с недоверчивой ля-

гушкой и открыла первую дверь в коридор, который вел в небольшой, но зато свой личный кабинет с тремя стеклянными перегородками до потолка. Когда она устраивалась на работу, эти перегородки стали решающим аргументом, и Верочка согласилась, хотя зарплату на испытательный срок предложили мизерную.

На светло-голубых стенах коридора висели картины с золотыми рыбками, большими цветами и ярким солнцем. В воздухе разливалась спокойная китайская музыка, на потолках плавно качались золотые трубочки. Когда дверь открылась, от потока воздуха трубочки начали издавать переливчатый звон.

В коридоре Верочка встретила администраторшу, которая зажигала дымные палочки. Девушка вспомнила, что в первое посещение количество дыма в офисе поразило воображение, с непривычки она громко раскашлялась, но быстро взяла себя в руки, а впоследствии даже привыкла. Видимо, утренний поджог входил в обязанности администраторши.

– Добрый утро! Вы, наверное, Вера? – поджигательница палочек поприветствовала Верочку, с интересом разглядывая её розовый костюм. – Мы Вам уже подготовили кабинет и убрали всё лишнее, а вашу коробку поставили Вам на стол.

– Здравствуйте, Ольга, – поздоровалась Верочка, прочитав имя на бейджике, – я уже могу пройти?

– Конечно-конечно, всё готово.

Верочка сделала решительный шаг, под ногами послы-

шался звук треснувшей чашки, а куски белой крошки разлетелись по полу. Верочка посмотрела вниз, и ей стало жарко от страха. Что же такое сегодня с утра? Сначала прыщ, теперь это. Девушка наступила на какую-то статуэтку, что во множестве стояли по всему полу. Узнать, что она представляла собой в прошлой жизни, оказалось невозможно, на полу лежала только горстка глиняной каши. Верочка беспомощно посмотрела на Ольгу.

Администраторша растянула силиконовые губы в сердечной улыбке.

– Ой, не волнуйтесь, Вера. Фигурку кто-то задел, вот она и оказалась на проходе, – администраторша подошла к шкафу около входной двери и извлекла из него новую статуэтку. – Я мусор уберу, – махнула она рукой, – в месяц, наверное, штук двести давим. Вон, целый шкаф с запасными. Каждый месяц закупаем. Да, Милочка? – администраторша обратилась к проходящей мимо женщине.

– Ерунда! – подтвердила Милочка, продолжая двигаться в своём направлении. Она широко улыбалась и не отрывала взгляд от телефона, тыкая в него двумя большими пальцами.

– Мила – наш бухгалтер, – представила Ольга спину уходящей женщины. – Вы уже документы отдали ей?

– Нет, вот хотела спросить.

– А, ну тогда занесите Миле. Она хорошая, только рассеянная.

Верочка посмотрела вслед уходящему бухгалтеру.

Мила представляла собой комплекцию жиров необыкновенных! При каждом шаге всё её тело начинало колыхаться и шуршать юбками. Жиры переваливались то в право, то в лево, в зависимости от того, какая нога делала шаг. Она шла плавно как баржа, не отрывая глаза от телефона, и чему-то улыбалась. Затылок размеренно поднимался и опускался. По пути Мила задела плечом угол стены, та отбросила её немного в сторону, где бухгалтер наступила сразу на две жабы фигурки, по очереди обеими ногами. Не обращая внимания на растоптанные символы богатства, Мила врезалась в дверь своего кабинета. Та поддалась сразу без возражений, и бухгалтер растворилась в широком проёме.

Девушки посмотрели друг на друга.

Взгляд Ольги говорил: «Вот видишь, как я и предупредила».

У Верочки отлегло от сердца.

Аккуратно ступая, Верочка добралась до своего кабинета и вошла внутрь. Размер помещения был не более четырёх квадратных метров, но из-за стеклянных перегородок казался больше. В прочем, габариты не имели значения, ведь это первый серьёзный шаг к вершине на верх.

Верочка подошла к столу. Через одну из стеклянных стен девушка видела основное помещение, где сидели менеджеры отдела продаж. Верочка с первого посещения заметила, как грамотно поставлены столы. Они стояли полукругом, открытой частью к окну. В центре полукруга бил фонтан в виде

двух больших рыбин с блестящей чешуёй. И хотя это не круг, но всё-таки в этом офисе понимают, как важно построение дружного коллектива.

Менеджеры уже начали подходить, занимать свои места, и почти все надевали на шеи бусы с талисманами. Делали они это привычно, словно дикое первобытное племя, не желавшее беспокоить злых духов. Пришёл и Вован с окладистой бородкой, и группа в серых костюмах не в полном составе, и влюблённая парочка, и даже великан-бородач. Правда ожерелье великан не надел и сел за свой отдельный стол. Вован же напялил на себя огромные бусы величиной с перепелиное яйцо и слоном размером с кулак. Слон висел в районе живота, а хобот его трубил в районе подбородка. Вован отдавал распоряжения и уверенно направлял указательный палец во все стороны света.

Глава 4 Начало работы

На правом крае полукруга сидел полный менеджер с лицом рябого ангела и тортилкой на груди. Он заботливо выкладывал на стол свой будущий обед. Собрав пирамиду из трех пластиковых контейнеров, рябой водрузил сверху пакетик молока, пару кусочков хлеба и вилку, обернутую в салфетку.

– Противно смотреть! – со знанием дела заявил стоявший рядом сотрудник в засаленном пиджаке и с перхотью на плечах. Судя по виду, мужчина уверенно шагнул сквозь бальзаковский возраст, впоследствии так и не сумев притормозить. От периода былого расцвета остались скупые конские черты, которые беспощадно разлагало время. Сотрудник качал головой, словно примерный рысак, и с неприязнью наблюдал, как рябой менеджер тщательно отмеряет точные расстояния между предметами на столе. В такт с головой, по груди метался амулет черной обезьяны, закрывающей лапами глаза.

– Вы не смотрите, Охапет Ахрименович. Берите пример с вашей макаки, – возразил толстый, раскладывая канцелярские принадлежности в порядке значимости.

– Хам!

– Очень приятно, Лев! – рябой вскочил и кивнул головой.

– Нет, вы слышите? – Охапет Ахрименович развел руками, обращаясь к зрителям. – Раньше такого не было.

– Что конкретно Вы имеете в виду? – Лёва сел обратно на стул и начал сдувать невидимые пылинки с поверхности стола.

– Раньше старшим не хамили.

– Всё правильно, – согласился Лёва, карябая ногтем тёмное пятнышко на мониторе компьютера. – Раньше, моложе Вас было только либидо Вашего папы... Или старше? – Лёва на секунду задумался. – Нет, если в моменте, то всё-таки моложе.

– Хам!

– Вы уже представлялись. У меня хорошая память.

– Хам!

Лёва отгёр наконец пятнышко и довольный результатом проделанной работы обернулся к противнику.

– Ладно, убедили, Охапет Ахрименович. Раньше всё было по-другому.

– Что Вы имеете ввиду?

– То, что сказал. Раньше всё было по-другому.

– Да, что Вы такое говорите? По-другому было далеко не всё.

– Да абсолютно всё.

– Вы, Лёва, не представляете, что сейчас заявляете.

За спиной Охапета Ахрименовича сомкнулись два только что подошедших сутулых молодца, образовав вековой монолит. На шеях у обоих висели обезьяны с удивлёнными глазами, и держались обеими лапами за свои пасти.

– А... Косоглазин и Кривозорин подросли. Весь отдел маркетинга пришёл на помощь своему господину, – Лёвино щербатое лицо покрылось воинственным румянцем.

– Вы говорите полную чушь! – Охапет Ахрименович взъерошил по-халдейски уложенную солому на голове, показывая, что он готов к политической борьбе.

Косоглазин и Кривозорин крепче сомкнули ряды позади своего лидера.

– Вот раньше господ не было, – чувствуя поддержку тылов, пошёл в наступление Охапет Ахрименович. На конском лице раздувались ноздри, позади свистели мощными соплами Косоглазин и Кривозорин. Все трое шагали вперёд воинственным клином.

Приблизились ещё двое. Она – в белой рубашке, Он – в сером пиджаке. Встали посередине и тяжело вздохнули, выбирая сторону.

– Раньше отдела маркетинга не существовало, – парировал Лёва.

Он и Она согласились с аргументом и поочередно вздыхая, встали за спину щербатого менеджера.

– Глупости не говорите. Просто маркетинг назывался планированием, – нашёлся лидер клина.

Он и Она вздохнули и перешли в тыл отдела планирования.

Лёва остался в одиночестве, без поддержки и аргументов.

– Раньше никто не мог купить себе машину, – подросла

спасительная помощь со стороны Вована. – В вашем планировании максимум, что планировали, по три пары калош в год на человека. А индивид хотел автомобиль, – хобот его амулета укоризненно уставился на маркетинг.

Вован произвел выстрел бронебойными аргументами, так что клин дружно отступил на два шага. В рядах сподвижников прошло волнение. Он и Она опять сменили сторону и тяжело вздыхали в спину нового лидера.

Вокруг прений сторон стали собираться представители разных отделов: продаж, закупок, логистики, а также бухгалтерии и кадров. Пришёл начальник финчасти Франц Бордо. Он стоял в стороне, наклоняя голову то на правое плечо, то на левое.

Сотрудники выбирали сторону и включались в прения.

Через пару минут у полукруга уже митинговали два враждебных крыла. И те, и другие обсуждали прошлое с разной степенью пессимизма. Одни доказывали, что раньше всё отсутствовало полностью, ничего не было и быть не могло. Другие допускали мысль, что, несмотря на то, что многого не было, полностью не хватало только отдельных элементов той жизни. Со всех сторон сыпали неопровержимыми аргументами и щеголяли негативными данными.

– О чем спорить? Общество хотело знать. Но за железным занавесом информацию не получишь, – ревел Кордон, единственный представитель отдела логистики, коренастый дядька с лысым черепом. Амулетом его был такой же на вид

дядька Хотэй.

– Интересно, что Вы хотели знать? – язвительно спрашивала юная Кашалоткина из бухгалтерии и кадров.

– Да хотя бы откуда берутся дети.

– Важную информацию не доверяли таким, как Вы, – сурово подытожила престарелая Гальдт, коллега Кашалоткиной.

– На заре перестройки нам объявили, что в стране секса нет!²

– Вы хотите сказать, раньше не знали?

– Что значит нет? Вы как появились на свет? Конечно, кое-где обходились без секса, в политбюро, например. Там любили только партию и вождя. Но совсем!? Как по-вашему увеличилось поголовье скота? – горячился Охапет Ахрименович, раздувая ноздри. Косоглазин и Кривозорин вместе кивнули.

– Какой скот? Мяса в магазине не хватало.

– Не перегибайте палку.

– А отдохнуть? Кто в Анталию мог поехать? Никто! Все границы позакрывали.

Вокруг воинствующих пессимистов прыгал тощий менеджер, извиваясь и потрясая кулачками над головой. Он тоже хотел участвовать, но никак не мог пробиться сквозь ряды митингующих.

– Я даже сейчас не могу в Анталию поехать! – крикнул он

² Фраза принадлежит участнице телемоста Ленинград – Бостон 1986 г.

поверх голов.

В гнетущей тишине разомкнулись сутулые плечи и указующий перст Охапета Ахрименовича уткнулся в лоб тощему.

– Это кто?

– Новый сотрудник отдела продаж, – представил тощего Вован.

Плечи сомкнулись обратно, но гнилое зерно дало всходы.

– Да, сейчас! Как мы живём сейчас?

В противоборствующих кланах произошло сознательное брожение.

Спор тут же взял новую высоту, а две группировки пессимистов распчкочкались ещё на две. Обсуждали хитросплетения прошедшей и нынешней жизни.

– Рядом с моим домом ресторан – «Отбивная октября». Раньше никто не ходил, потому что отравят, а сейчас никто не пойдёт, потому что обманут, – вставил слово Плывунов, заместитель рябого Лёвы. Они представляли отдел закупок, но политическая борьба развела их по разные стороны баррикад.

– Секса не было, а если где-то и встречался, то жрицы любви за это валюту брали, – продолжал жаловаться Кордон на отсутствие секса.

– Не волнуйтесь. Секса нет и сейчас. Услуга жриц любви несправедливо подорожала, – со знанием дела заявил пухлый Лёва.

– Да причем тут жрицы любви? В комиссионном магазине

приличного человека не найти! – вставил Вован.

– Возможно... мне кажется... я так думаю... вполне вероятно... – тихо начал продажник Твердынов.

Секундная тишина.

– Да говори уже! – воскликнули все четыре партии.

– Ни тогда, ни сейчас не умели руководить. Хорошо бы в будущем научились, – ещё тише промямлил Твердынов.

В ту же секунду у полукруга спорили уже восемь политических группировок. Каждая опиралась на развитую концептуальную базу, которая базировалась на собственной идеологической платформе.

С илистого дна на поверхность подняли вопросы отсутствия занятости у населения, отвратительного отношения граждан к работе во все времена, полную гибель достойного сервиса с не менее мрачным прогнозом на будущее. Рассмотрели невозможность мирового общества разобраться с глобальными проблемами. Затронули плачевную жизнь диких племён. Долго не соглашались с тем, что никто не придумал, как не навредить планете. С трудом, но подошли к мысли, что далеко не все представляют себе масштаб грядущей трагедии, и уж тем более, никто не знает, отсутствует ли вероятность частичного отказа от третьей мировой войны.

Либеральные пессимисты правого толка кричали на пессимистически настроенных радикальных демократов, а социалистические пессимисты умеренных взглядов дружно мотали головой на возражения левого крыла буржуазной

партии трудящихся пессимистов.

Появились осторожные пессимисты-эсеры, настырные пессимисты-патриоты, пессимисты-экологи, пессимисты аграрного края, пессимисты фруктового сада, пессимисты заполярного круга, самодержавные пессимисты-демократы и ещё с десятков пессимистов, отстаивающих свои цели и идеалы.

Процесс бесполого размножения пускал новые стебли и ускорялся. Через несколько минут каждая пессимистическая партия объединяла в своих рядах по одному партийному деятелю. В отличие от Государственной Думы, на заседаниях которой все сладко спят, в полукруге из столов шумно и горячо доказывали первородность и значимость всех точек зрения. Лидеры движений доверительно похлопывали оппонентов по партийным плечам и снисходительным тоном заполняли пробелы в их академическом образовании.

Верочка смотрела на партийную вакханалию и качала головой. Ответ висел в воздухе. По ним по всем плакал тимбилдинг.

Верочка начала разбирать коробку из-под старого черно-белого телевизора «ТЕМП-209М», которую она нашла у себя дома. Содержимое выкладывала на стол: две детские пирамидки, пятнадцать больших разноцветных кубиков, волейбольный мяч, плюшевый мишка, а также плетка и пара коробок, купленные на прошлой неделе в интим-шопе «Брезгливые попугайчики». Могло показаться, что это вос-

питатель из детского сада наводит порядок после детских игр, но предметы из магазина для взрослых грубо портили картину беззаботного детства. Нет, это был рабочий инвентарь профессионала, который разбирается в тонких струнах корпоративного единения.

Глава 5 Система штрафов и доставки

В офисе неторопливо запрягалась работа.

Митинг закончился сам собой, и сознательные менеджеры разбежались на ответственные посты.

Отдел продаж и закупок в полном составе устроился за полукругом столов и блаженно созерцал журчащую воду перед собой.

Кашалоткина и Гальдт чинно проследовали в бухгалтерию и кадры.

Бородатый великан куда-то исчез ещё во время партийных прений. Отдел логистики в лице Кордона делил одно пространство с финчастью в лице Франца Бордо.

Охапет Ахрименович четкой рысью ускакал в свой кабинет, за ним галопом ушли пристяжные Косоглазин и Кривозорин. В отделе маркетинга намечалось совещание в присутствии Франца Бордо. Встреча проводилась без галстуков.

Охапет Ахрименович откашлялся, немного пошамкал своими лошадиными губами и начал:

– Франц Магдалинович, ситуация невероятно сложная. Назрел тот день и час, когда пора задуматься о дальнейшем развитии нашей компании. Мы подготовили несколько перспективных идей, как с помощью несложных административных действий развернуть негативный тренд на триста шестьдесят градусов. По нашим предположениям, по-

сле кардинального разворота пройдёт всего несколько месяцев, и кривая продаж начнет тестировать новые горизонты, а говоря современным языком, стучаться на следующий уровень. Причем мы уверены, что не последний. Просим Вас ознакомиться с нашими передовыми идеями и одобрить выделение бюджета на необходимые мероприятия. Первый выступит Косоглазин, предоставим ему слово, – закончил Охапет Ахрименович и откинулся на спинку кресла.

Финчасть склонила голову на правое плечо.

Косоглазин встал, поправил пиджак, подтянул галстук покрутил часы на запястье, прочистил горло и начал:

– Сперва-наперво необходимо подготовить документальную базу и организовать координационный штаб, который возглавит Охапет Ахрименович. Это позволит сократить время работы, обеспечит чёткое исполнение указаний и полный контроль над бюджетом. На первых порах также понадобится консолидация всех отделов и в первую очередь отдела продаж. Первоначально, пока информация начнет поступать в штаб несистематизированно, выделить нам в помощь двух сотрудников из того же отдела, которые разложат данные по именованным папкам и поставят на полки согласно значимости. Место мы уже подготовили.

Косоглазин указал на коричневый шкаф в углу кабинета и продолжил:

– Как только соберём необходимые документы, считайте, пятьдесят процентов уже сделали, – Косоглазин снова про-

чистил горло. – Впервые идея крутого разворота в развитии нашей компании пришла к нам в начале лета, а именно в первый понедельник июня, когда наконец появилась информация о результатах работы за первый квартал. А результаты, надо признать, оказались плачевные.

Косоглазин подошёл к кулеру и попил воды.

– Как раньше закрывать глаза на устойчивый негативный тренд мы уже не могли, и волей-неволей пожертвовали своим драгоценным временем, чтобы углубиться в данную проблему. Сейчас же идея начала лета обрела законченную форму. Поэтому первым делом перед выделением бюджета на необходимые мероприятия предлагаю ещё раз обсудить статьи расходов конкретно по каждому пункту. Я тут кое-чего набросал, – Косоглазин взял со стола ворох бумаг. – Пункт первый: материально заинтересовать сотрудников отдела маркетинга, проделавших основную работу, и выплатить на отдел премию, не превышающую десяти процентов от суммы выделяемого бюджета в пятикратном размере. Пункт два: премировать финансовый отдел и лично Франца Магдалиновича Бордо за своевременно оказанную поддержку в сумме... Франц Магдалинович, я здесь оставил пробел, сами тогда заполните. – обратился Косоглазин непосредственно к финчасти. – Ну и в конце не менее важная статья расходов – прочие. Надеемся, что бюджета хватит на все мероприятия и дополнительных обращений не будет, – Косоглазин покосился на начальника. Тот ободрительно тряс

гривой, в свою очередь ища поддержки у финчасти.

Финчасть слушала молча.

Оратор отложил ворох бумаг и продолжил.

– Попервоначально мы объединим все компании в единый реестр, – Косоглазин подошёл к белой доске, нарисовал чёрный круг и внутри него буквы – КР. – Это позволит не разбрасываться по мелочам, а сосредоточиться на основной проблеме. Дальше. Первостепенный вопрос, который встал перед нами – как повысить эффективность отдела продаж? – от КР в сторону ушла стрелочка к новому кругу с буквами ОП. – На самом деле сложный вопрос, – Косоглазин отошёл от доски и почесал фломастером голову. – Но решение всё же есть! Финансово заинтересовать сотрудников мы возможности не имеем – у компании сейчас и так сложности – но мотивировать менеджеров мы всё-таки обязаны, люди стараются как-никак. Предлагаю ввести интегрированную систему штрафов.

Косоглазин снова приблизился к доске и принялся изображать круги большие и поменьше, соединяя их линиями. Он отводил стрелочки в сторону, подписывал мелким почерком, объединял круги в группы и снова обводил их ещё большим кругом. Рисунок получился масштабным и занял почти всю доску. Закончив рисовать, Косоглазин отложил в сторону фломастер.

– Вот вкратце, что я имею ввиду. Интуитивно схема понятная, доступная и позволит менеджерам сосредоточиться

на основной цели, а компании не растрачивать средства впустую. Обмануть данную систему невозможно, поэтому от ответственности увернуться не выйдет. Предлагаю раздать сотрудникам копии, чтобы во время обеда они могли ознакомиться. И, хотел бы подытожить сказанное тем, что стержневая задача отдела маркетинга – это развитие нашей компании. У меня всё.

В конце выступления возникла неловкая тишина. Начальник отдела маркетинга ждал от начальника финчасти комментариев, но финчасть сосредоточенно молчала.

– Отличная работа, Косоглазин. Просто восхитительная, – прокомментировал выступление сам Охапет Ахрименович. – Он у нас неплохо учился в школе, – обратился он уже к Бордо.

Из-за стола встал следующий сотрудник, а Франц Магдалинович переложил голову на левое плечо.

– Извините, очень волнуюсь, – Кривозорин расправил сутулые плечи, размял руки, покрутил головой. Два раза присел, откашлялся и взял фломастер.

– Поначалу идея не имела экстренного характера, а также не обладала рабочим названием. Но мало-помалу стала развиваться, углубляться и обрела заслуженное наименование. В честь отца нашего руководителя мы назвали идею – Теорема Ахримена.

– Спасибо, дорогой! – у Охапета Ахрименовича от удовольствия разгладились скупые конские черты и в знак бла-

годарности он потряс жидкой соломой на голове, припорошив новым слоем перхоти свои плечи.

Кривозорин поклонился аудитории, откашлялся, так же как первый оратор, отведал воды из кулера, после чего снова размялся, проделал все необходимые физические упражнения и продолжил:

– Итак. Мы заблаговременно позаботились о необходимых формулировках и полностью сосредоточились на решении задачи. Это дало серьёзную фору и приблизило нас к финалу. В дальнейшем, как вы только что заметили во время выступления моего коллеги, точное определение общей идеи дало неплохие результаты, которые, надеемся, принесут плоды и порадуют нас в будущем. Позвольте дополнить схему и кое-что ещё интегрировать в нашу и так интуитивно понятную систему штрафов, а именно вовлечь в общий процесс отдел закупок и логистики.

Кривозорин подошёл к доске и рядом с кругами начал рисовать квадраты и прямоугольники.

Трое слушателей затаили дыхание.

Свою схему он сопровождал деловыми наречиями. Нарисует стрелочку и говорит «издалека», квадратик – «ежечасно», прямоугольник – «поневоле». Он чертил всё быстрее и ещё быстрее сопровождал. Сгоряча, тогда, иногда, затем, повседневно, невзначай, в насмешку, дотемна, сослепу, назло, совершенно.

Когда Кривозорин закончил картину, собравшиеся разом

выдохнули. Теперь на доске уже не оставалось свободного места. Всё пространство заняли геометрические фигуры с горизонтальными и вертикальными связями.

– Вот здесь внизу, как вы можете видеть, – Кривозорин указал на самый нижний и самый большой прямоугольник, – и зарыта наша цель. Как сказал один известный человек: «Чтоб докопаться до истины одного желания мало, нужны средства»³. У меня тоже всё.

Кривозорин отошёл от доски и занял свой стул.

– Надеюсь, наша идея Вас заинтересовала, Франц Магдалинович? – спросил через несколько секунд Охапет Ахрименович.

Бордо выровнял голову и изрёк:

– Идея действительно интересная. Цельная. Но кое-какие вещи надо усовершенствовать, есть сырые участки.

– Какие? – обиделся Охапет Ахрименович.

– Думаю, необходимо доработать пункты один и два, что озвучил Косоглазин. Как минимум поменять их местами.

Франц Магдалинович встал.

Оставив отдел маркетинга, который голова к голове склонился над сырыми участками, начальник финчасти отправился к себе, где застал отдел закупок в лице Лёвы и Плывунова, заседающих на Кордона, представляющего отдел логистики.

– Это дорогие Околокукуевские унитазы. Высший сорт!

³ Аллюзия к словам Гёте: «Хотеть недостаточно, надо действовать».

Такие унитазаы даже коллекционеры с неоконченным средним покупают. Изделия представляют музейную ценность и законченный художественный вид. Как они могли потеряться? По бумагам они должны уже лежать на складе, – кружил над Кордоном рябой и полный Лёва.

– Они не потерялись, – Кордон пожал плечами. – Часть унитазов пришлось использовать в качестве оплаты. Остальная часть наверняка лежит на складе.

– Ничего не понимаю, – допрашивал Кордона Плывунов.

– Да всё просто. Я разработал схему бесплатной доставки, – оправдывался Кордон. – В начале года Франц Магдалинович урезал нам транспортные расходы. Что оставалось делать? Франц Магдалинович, подтвердите мои слова.

Финчасть наклонила голову на правое плечо.

– Толчки отправили три месяца назад. Где они теперь? Что за схема? – не сдавался отдел закупок.

– Не надо так переживать, сейчас всё объясню. Отличная схема, а главное – абсолютно бесплатная. Схему я назвал Славяно-Кавказский Морской Транссиб, – с гордостью заявил начальник Логистики.

Финчасть переложила голову на левое плечо.

Полная схема доставки.

Из Малых Таракан Околокукуевского района наши унитазаы забрал Реваз вместе с заказом от другой фирмы. Я его

лично просил. Мой лучший друг – берёт недорого. Обошлось сущие копейки – всего два толчка. Одна небольшая ремарка: Реваз, к сожалению, ехал не в Москву, а в Нижний Тагил, где перегрузил товар на машину своего приятеля-армянина. Ара Акапетян – так его звали – вёз макароны «Тагильская паста» в Монголию по Чуйскому тракту. Отличные макароны, говорят. Реваз нахваливал и даже захватил пару пачек для меня. У Ары нашлось достаточно места в прицепе, и он согласился довезти наш заказ за четыре унитаза. Мы друг друга плохо понимали, я не силён в армянском, а он не говорит по-русски, но, насколько я понял, машина сломалась в начале пути и за починку Ара расплатился унитазами. Груз пришлось сбросить в Челябинске на ближайшей товарной станции, где Ара свёл меня с Резо.

Резо оказался славным парнем, он работал распорядителем на перегоне. Попутки до Москвы не было, но зато нашлось местечко в другую сторону в товарном вагоне до Иркутска. Город моей безвозвратно ушедшей молодости, я там встретил Ирку, свою вторую любовь. Сколько сладких минут мы проводили вместе, нарушая законы физики и пространства. Теперь только вспоминать былые деньки. Да уж... В общем обошлось недёшево – три унитаза – но что делать.

В Иркутске тоже никого не нашли в нашу сторону, фуры ехали на запад битком, а поезда все шли на восток, к Золотому Рогу. Мы долго искали свободное местечко, и за ответственное хранение пришлось расплачиваться унитазами.

Ирка, кстати, помогла. Помнит ещё старого Кордона.

Через две недели нашу сантехнику погрузили на открытую платформу до Хабаровска. С одной стороны, открытая платформа – плохо, но с другой – обошлось всего в один унитаз. Ирка, кстати, прислала фотографии. Время беспощадно – узнал свою вторую любовь с трудом. Зато Ирка теперь блондинка!

К сожалению, до Хабаровска доехало не всё, открытая платформа всё-таки, места дремучие, не обжитые, на поворотах поезда сбавляют скорость... эх, не предупредил Резо, а местные в тайге не дремлют. Порастащили унитаза по своим делянкам. Теперь, среди первозданной красоты, в кусты с комфортом ходят.

В Хабаровске я созвонился со старым знакомым – Изей Шнайдером. Он, кстати, тоже знает Ирку, она его шестая настоящая любовь, но для Ирки Изя стал уже седьмым. А я, кстати, ходил у неё четвертым, успел на три кавалера пораньше. Какое было время... Молодость.

Разговорились по телефону, вспомнили Иркутск. Изя имеет управлять Газелью и возит во Владивосток женские прокладки совместного Российско-Китайского предприятия. Места в кузове мало, и Изя сделал четыре ходки за четыре унитаза. Тут, честно признаюсь, нам очень повезло. У Изи работал тесть в порту – Мойша Яковлевич. За два унитаза он сумел договориться с ледоколом и ещё за два оформить бумаги. Попросил три унитаза за то, что выбил место

в контейнере, но, когда всё загрузили, не влезло пять. В любом случае выручил, а наш груз поплыл по новому северному пути и даже видел Америку.

Через месяц ледокол пришёл в Мурманск, но унитазы не разгружали целую неделю – документы полностью отсырели, пока наш груз бороздил Ледовитый океан. На таможне нам объявили, что унитазы китайские. Взяточники! Еле отбил за десять штук. Пришлось звонить моему корешу Горбыкову, он сейчас о-го-го как высоко в Мурманске сидит. Но молодость мы проводили вместе, в Иркутске. Он нас с Ирккой и познакомил. Спасибо Горбыкову, очень тогда помог, не отказал в помощи и сейчас. Предлагал ему в подарок унитаз, отказывался. Говорил, что подсобил по дружбе. Еле уболтал, почти насильно заставил. Согласился взять себе, теще и шесть штук про запас, вдруг кому понадобится. Человек он с широкой душой, никогда никому не отказывал.

Рассказал Горбыкову про Изю с Ирккой, договорились встретиться.

До Питера товар довезли легко. Во-первых, груз без проблем помещался в любую машину, а, во-вторых, там с транспортом намного легче.

– Ну и где Околокукуевские толчки? – Лёва остекленевшим взором уставился на Кордона.

– Да говорю вам, на складе. Сходите проверьте. Не волнуйтесь, не потерялись. Из культурной столицы их захватил мой друг Алёша, родом из деревни Мармеладовка. У него

крепкая семья, двое детей, жена Наташа. На Алёшином жигулёнке они все вместе ездили Спаса-на-Крови посмотреть, а на обратном пути он согласился помочь с доставкой.

– Посмотрел? – Лёва и Плывунов задали вопрос синхронно, как приветствие на параде.

– Сказал, что нет. Храм весь в лесах строительных стоит.

– Я так понимаю, ты с ним тоже расплатился бартером?

– Конечно! Денег-то нет.

И отдел закупок, парализованный услышанной историей, отчалил на склад искать унитазаы.

Глава 5 Счастье отвернулось

В полукруге столов резвился фонтан.

Менеджеры отчаянно создавали видимость бурной деятельности. Телефоны надрывно трещали, вода стекала по серебряной рыбной чешуе, в дыму ароматных палочек висел гул трудовых разговоров.

Он и Она, молчаливые и печальные, Она в белой рубашке, Он в сером пиджаке, сидели за своими столами, в пол-оборота друг другу. Она поднимала трубку телефона и бросала взгляд на него. Он брал трубку и смотрел ей в ответ. Она клала трубку на место, вздыхала и отворачивалась. Он кидал трубку на рычаг, вздыхал и тоже отворачивался.

Так они и сидели. Брала трубку, бросала на место, вздыхали и отворачивались. Печали не было конца.

Менеджеры продолжали заниматься своими делами.

Продажник Твердынов собирал волю в кулак, чтоб совершить важный звонок. Он гипнотизировал телефон, нервно теребя руками подбородок, нос и другие выпуклые части своего волевого лица. Шлёпая сухими губами, менеджер представлял себе будущий разговор.

– Так, набираю номер, мне говорят «алло». Я тоже алло. А если они не скажут «алло»? Что делать? Так снова. Они говорят: «Компания Гордиев санузел на проводе», – а я..., да никто сейчас не скажет «на проводе». Сначала. Пропущу

приветствие, откуда я знаю, что они скажут. Допустим мы уже поздоровались, спросили о здоровье родных, я расскажу им, что собираю праздничные открытки... опять не так, это мой секрет, зачем я им буду рассказывать. Лучше сразу предложить, как есть. Они берут трубку, и я: «Околокукуевские писсуары, надёжный партнёр в вашем нелёгком бизнесе». А если они обидятся на слово «нелёгкий»? А если они не используют писсуары или их надёжный партнёр – писсуары другого производителя? Нет, не подходит. Надо придумать что-то значимое. Говорят, первые секунды разговора – годы надёжного сотрудничества. Сегодня надо обязательно позвонить. Скоро заканчивается испытательный срок, а блокнот пустой. Чем же заинтересовать?

Рабочий настрой Твердынова прервал Вован, который листал автомобильный журнал «Внутреннее страдание», и назойливо показывал картинки сидящему рядом соседу.

– Хороший журнал, печатают не только о проблемах автомобилей, но и людей. Вот, послушай, что пишут. Статья называется «Счастье отвернулось»:

– Многодетной семье из села Малые Тараканы Околокукуевского района подарили микроавтобус на годовщину свадьбы. Мероприятие собрало почти всех жителей окрестных деревень. Царила праздничная атмосфера. Из районного центра приехали представители местного телеканала и репортёры околокукуевских печатных изданий. На передаче ключей присутствовали: глава района Раскумарин Б.Б., за-

меститель главы по работе с проблемными семьями Вошкина В.Г., гость из Москвы и кандидат в депутаты от Околокуевского района Свинобоков, глава сельского района...

Твердынов рядом заскулил. Вован оторвался, но через секунду продолжил:

– Официальных лиц давай пропустим, их тут колонки на четыре, – Вован послуныявил палец, – сейчас... а, вот! После передачи ключей решили разбить бутылку игристого, на счастье. Как говорится, большому автомобилю – в любое место. Спонсором народной традиции выступил вино-водочный завод Краснодарского края «Шипящий родник».

С первого раза не получилось, кузов промялся, но обычай так и не привели в исполнение. Сейчас производители автомобилей экономят, используя металл не толще, чем направление к психиатру. Чувствуешь!? Молодец репортёр! Подписывается псевдонимом Воздушный Шланг. Видит связь автомобиля и человека, ощущает душой нелёгкое время. Я и машину купил благодаря его статье.

– Бутылку-то разбили? – неуверенно спросил Твердынов. Вован поудобнее устроился в кресле.

– Сейчас всё узнаешь, только наберись мужества, статья длинная и тяжёлая, страницы на четыре. Где мы остановились? Ага, вот!

Продолжение статьи – «Счастье отвернулось» – из журнала «Внутреннее страдание».

Доводим до читателей слово в слово.

Автор Воздушный шланг.

Бутылка не разбилась ни с первого раза, ни со второго, ни с третьего. Но не будем забежать вперёд и вернёмся к хронологии событий.

Первому слово предоставили гостю из Москвы, бывшему депутату Свинобокову. Он тяжело поднялся на вековую фанерную трибуну, с высоты которой по уверениям старожиллов сам Ульянов-Ленин рассказывал тёмным жителям Малых Таракан, что победа коммунизма неизбежна.

Площадка верой и правдой служила почти семьдесят лет, пока враждебные вихри капитализма реяли над просветлёнными головами малотаракановцев.

С передней части трибуны к сельчанам обращался исторический лозунг: «Воспитаем будущее поколение, беззаветно преданное...», – конец воззвания скрывала зеленая краска.

После развала СССР тогдашний глава поселения распорядился закрасить морально устаревшие слова «делу коммунизма», так как страна воспитывала будущие поколения для чего-то другого. За двадцать пять лет с курсом определиться не смогли, и подростские поколения Малых Таракан вдохновенно предавались разнообразным пагубным привычкам.

Четверть века слуги народа не навеждали Малые Тараканы. Годами трибуна хирела на задворках неизбежной побе-

ды коммунизма, а лица сельчан перестали озаряться восклицаниями с выражением горячего одобрения: да здравствует! слава труду! народ и партия едины! мы не рабы, рабы не мы!

Раньше трибуну выносили по большим праздникам: Первомай, Годовщины Октябрьской Революции и Годовщины первого упоминания о Малых Тараканах. Заботливо красили, латали фанеру и, если надо, обновляли перила. Сначала начищенные сапоги комиссаров и политработников, а затем лакированные ботинки первых секретарей и народных депутатов по очереди выстукивали из пустого фанерного брюха глухое эхо идеологически верных глаголов. До следующего праздника заряженные малотаракановцы в поте лица давали и строили, догоняли и перегоняли, отстаивали и одобряли, избавлялись, скидывали, не позволяли, держали слово и говорили спасибо.

Сегодня трибуна опять смогла сослужить службу жителям Малых Таракан. К сожалению, как сказал сельский глава, из-за суеты избирательной компании по выбору депутата Околокукуевского района о мероприятии сообщили лишь за два часа до начала. Подготовка проводилась в спешке, трибуну обновить не успели, и она несла на себе заскорузлый отпечаток идеологической борьбы. Но всё равно с её высоты официальные лица поднимали острые вопросы семьи и детства, а сельчане с непокрытыми головами окружили знаменитый артефакт, молча внемля лозунгам ново-

го времени.

Свинобоков по случаю выборов и семейного праздника надел домашние тапочки и халат. Кандидат старался быть ближе к народу. Лицо выражало решительность и тревогу за будущие поколения. Он левой рукой держался за прогнившие перила, а правой указывал в направлении предполагаемого развития. Справа от трибуны стояли виновники торжества – семья Счастливиных: глава семейства Ипполит, его жена Ядвига, а также восемь детей Ипполита от разных браков.

– Вы думаете, легко делать детей? Конечно нет! Это титанический труд, господа! Общество не имеет права закрывать глаза на этот жизненно важный для страны процесс. Именно от нас зависит, – Свинобоков, направил правую руку на официальных лиц, – сможем ли мы подготовить достойную замену нашему рабоче-крестьянскому классу, – Свинобоков сменил направление руки на непокрытых сельчан.

Рабоче-крестьянский класс ахнул, а Свинобоков продолжил.

– Я предлагаю главам стран большой семёрки прислушаться к моим словам. Санкции пагубно влияют на репродуктивные отношения граждан.

Граждане снова ахнули.

Далее Свинобоков обрушился с критикой на политическую обстановку в мире. Выразил несогласие с беспрецедентным давлением американских олигархов на Китайскую

экономику. Поговорил о политической импотенции сильных мира сего. Ударил едким словом по наболевшему вопросу межрасовых связей и затронул болезненную тему прироста населения, где тепло отозвался о людях, которые несмотря на тяжёлую мировую ситуацию, вносят свой посильный вклад в демографическую кривую.

– Благодаря их самоотверженным стараниям, кривая имеет вполне приличный вид, – подытожил Свинобоков.

В рядах сельчан пробежал сознательный ропот.

По окончании речи сделали памятную фотографию официальных лиц – Ипполита, Ядвиги, микроавтобуса и ключей от него, которые держал глава района Раскумарин Б.Б. После фотосессии все долго и горячо целовались.

Свинобокову доверили разбить игристый напиток Краснодарского края. Он спустился с трибуны, погладил голову каждого отпрыска, пожал руку довольному Ипполиту, страстно обнял Ядвигу, расцеловал её в алые губы и от души приложился бутылкой к правому борту микроавтобуса.

Непокрытые сельчане ахнули так, что у Ипполита подкосились ноги и две лучшие доярки прошедшего месяца оказали ему необходимую помощь.

Бутылка осталась целая, а на борту белела вмятина первой попытки.

Официальные лица по очереди поднимались на трибуну, отбивали тупфельками от кутюр и крокодиловыми ботинками необходимые глаголы. Вносили свои пять копеек в про-

цесс размножения рода и желали счастья многодетной семье.

Затем торжественное мероприятие переместилось в барак, где проживала многодетная семья. Официальные лица проголодались и хотели пить чай. Многочисленное потомство посадили в чулан, заперев дверь, чтоб не воровали еду.

Накрыли богатые скатерти, разложили простые сушики, каждому поставили сверкающие тарелки и индивидуальные столовые приборы. В центре стола изнывал самовар, из чулана скреблись недовольные отпрыски, к окнам прилипли односельчане, дивно пахло весной. Событие вовсю транслировали по местному телевидению, мастера печатного слова не скупились на превосходные эпитеты.

Не смогли найти Ипполита, но решили начинать без него.

Когда официальные лица расселись, подняли прохладные лафитники, глава района встал и произнёс прекрасную речь о колоссальном количестве разводов. Затем выступила Вошкина В.Г. с докладом о насилии в семье. Снова не выдержал Свинобоков и упрекнул Синдзо Абэ⁴ в недалёковидности и в отсутствии мирного договора между Японией и Россией – ведь такое отношение политика к сути проблемы мешает развивать межчеловеческие связи на островах Курильской гряды.

Стёкла барака потели с двух сторон. Снаружи перегаром дышали крестьяне, изнутри официальные лица.

⁴ 57-й премьер-министр Японии.

Лафитники подымались всё быстрее, официальные лица по очереди вставали и всё язвительней отзывались о близорукости западных стран и угрожали НАТО, используя глаголы эры социализма: не дадим, отстоим, избавим.

Через два часа праздничного застолья вспомнили, что так и не разбили бутылку на счастье, а это может привести к неотвратимому горю.

Преисполненные ответственностью перед многодетной семьёй депутаты, главы населённых пунктов и их заместители выбежали во двор. Отнимая друг у друга бутылку, стали задорно выбивать счастье из Краснодарского края. Стекло звенело, но не поддавалось. Символ удачи кидали в передние крылья, стучали о боковые двери, молотили об передний и задний бампер. Крыша превратилась в деревенскую улицу во время осенней хляби.

Глава района, тяжело дыша и развязно ругаясь, в течение минуты колотил игристым напитком по капоту, но все попытки оказались тщетны. Счастье решительно не хотело появляться в многодетной семье, а спонсоры растерянно улыбались. Как позже признался теперь уже бывший глава района Раскумарин Б.Б., конечно, на правах анонимности – алкоголь в стране делают на совесть. При этом он подчеркнул, что деньги любят надёжное производство, из-за чего автомобилестроение дрейфует на обедаках от праздничного стола.

Посоветовались.

Так как бутылку разбить не представляется возможным, приняли решение открывать традиционным способом. Но как только сняли мюзле⁵, содержимое с хлопком рвануло наружу и счастье равномерным слоем накрыло собравшихся официальных лиц. Чиновники стояли мокрые, но довольные. Виновнику торжества не досталось ни капли.

В эту секунду на семейном празднике и появился Ипполит. Он дышал перегаром, сжимая в руках примитивные орудия земледелия.

Вот как сам Ипполит прокомментировал произошедшее: «После первого удара об водительскую дверь в груди что-то надорвалось, я закурил, а у меня свистящие хрипы. Когда хрипы, я выпиваю. От литра своего самогона я сам не свой. (Пробовали. Отличная вещь. Прим. автора). Последнее, что я помню – самовар и открытый рот Вошкиной».

Охрана у Раскумарина Б.Б. оказалась политически слабой, морально отсталой и физически неподготовленной. Ипполит проиёлся по ним, как каток по борцевнику. Через секунду четыре защитника чести и достоинства лежали около изуродованного микроавтобуса, сверху них изнывал самовар, от тел поднимался пар. Потом Ипполит заставил признаться во всех преступлениях местных депутатов и вывел на чистую воду заместителей и помощников, применив при допросах символы рабочих и крестьян одновременно. Выпустил из чулана всё своё продолжение рода, и мало-

⁵ Проволочная уздечка, удерживающая пробку от шампанского.

летние звери склонили к чистосердечному признанию оставшихся официальных лиц.

Вошкина ждать расправы не стала и сама раскрыла цепочку подставных фирм, указав пальцем на главу района.

Ведётся следствие, так как церемонию дарения в прямом эфире смотрел основной конкурент Раскумарина Б.Б. – Расприходов Г.Г.

С Ипполита все обвинения сняты.

Но в нашей истории грустный конец, счастье отвернулось от Ипполита. Ядвига также, как и предыдущие жены, ушла из дома, повесив воспитание детей на плечи малотаракановского бунтаря.

Этой правдивой историей мы хотели сказать две вещи: «Чиновники, уберите свои руки от горла автолюбителя» и «Промеж нас всегда найдётся место герою».

Мы и дальше будем знакомить наших читателей с суровой правдой, где судьба человека тесно переплетается с автомобилем.

Ваш Воздушный Шланг.

Закончив читать статью, Вован взглянул на соседа.

– Ну как тебе?

Твердынов плакал от переполняющих его чувств – волевое лицо резали слёзы.

Тем временем в ароматном дыму продолжала бурлить работа.

Тощий менеджер разложил маленькие кулачки по столу. Между левым плечом и ухом он кровожадно сжимал телефон:

– Конечно, Абрам Акварельевич, я знаю. Вы самое крупное предприятие в Абакане. Извините, не только в Абакане. Да-да, просто неправильно понял, конечно, в стране. Простите, просто жара адская – во всём мире. Да? Конечно. Просто это тяжело представить, но вы правы, я буду повнимательней. Особые условия? Мы сделаем всё возможное. Конечно, и невозможное. Вообще всё. Не волнуйтесь, цена даже ниже завода изготовителя. Вы заинтересовались? – тощий вскочил и затряс кулачками над головой. – Сколько штук? – тощий сел и бросил кулачки обратно на стол. – Цена достаточно высокая, понимаю, но ведь это Околокукуевский завод, лидер отрасли. Давайте мы Вам сделаем скидку ещё пять процентов. Вы согласны? Берёте двадцать и сорок? – тощий опять вскочил и затряс кулачками. – Дорого получается? – тощий сел.

Разговор складывался продуктивный. Торговались на смерть, с переменным успехом. С одной стороны, опыт и избирательность, с другой – молодость и желание. Успех выразился потрясением кулачков над головой, неуспех разбрасыванием кулачков по столу. Темп торговли определялся грохотом костяшек, падающих с пьедестала победы в пучину забвения. Через несколько минут по звуку кулачков можно было поверять хронометр. Со стороны казалось, что тощий

менеджер просто приседал, тренируя ноги и делая любимое упражнение.

Через двадцать минут пришли к компромиссу – Абрам Акварельевич берёт пятнадцать и тридцать, на сорок процентов ниже цены завода изготовителя. Кулачки взметнулись вверх, и вместе с ними тощий умчался в бухгалтерию.

Глава 6 Бухгалтерия и кадры

Все счастливые бухгалтера ведут бухгалтерию одинаково, каждый несчастливый сводит баланс по-своему.

В бухгалтерии творился бардак.⁶

Из налоговой инспекции пришло требование предоставить документы в пятидневный срок. При осмотре в профильных папках ничего не обнаружилось.

Ценные кадры лежали вперемешку с вторичкой. Приходные ордера оказались в папке с расчетными ведомостями. Первичные, разовые, расходные, кассовые, распорядительные, авансовые, товарно-транспортные и ещё много других документов, счетов, актов, накладных и выписок лежали неаккуратными стопками на полу, столах и стульях. Месяцы не совпадали, кварталы не соответствовали, годы не стыковались.

Кашалоткина стояла на толстенной пачке строгой отчетности и доставала с верхней полки последние папки с названием «ведомости». Гальдт строго следила за её действиями, Мила отправляла сообщение на телефоне и широко улыбалась. Рядом стоял сотрудник курьерской службы «Цунами». Курьера штормило от негодования, и он накатывал на главного бухгалтера с рабочими претензиями.

– Мила, ну как же так? Вы мне по телефону сказали, что

⁶ Аллюзия к словам из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

документы готовы.

– Всё верно, готовы, – Мила улыбнулась шире.

– Тогда отдайте!

– У нас цейтнот, – сурово заявила Гальдт.

– Вы что, не видите, у нас проверка, – добавила Кашалоткина с высоты строгой отчетности.

Мила отложила вздрагивающий телефон, который бился в припадке от ежесекундных сообщений.

– Может, я вчера в другом крыле, на третьем оставила? –

Мила улыбнулась так широко, как только возможно. – Мы вчера там чай пили с подружками, не волнуйся, Цунамец, сейчас сходим.

В кабинет ворвался тощий менеджер, тряся кулачками над головой.

– У меня Абрам Акварельевич из Абакана. Мне нужны накладные.

– Подождёшь! У нас курьер из «Цунами», ему они тоже нужны. Займи очередь, – заявила Кашалоткина.

Мила улыбнулась ещё шире, взяла телефон, и он успокоился в чутких руках.

– Пойдём, Цунамец, найдём твои документы.

Мила, тыкая пальцами в экран, ушуршала юбками из кабинета. За ней помчался «Цунамец».

Глава 7 Бревно тимбилдинга

Директор компании Иван Иванович Чарка застал Верочку, когда она вынимала из картонного хранилища черно-белого прошлого свои принадлежности для построения яркого будущего. Вид директор имел недовольный, но всё равно засмотрелся на упругий розовый зад работника по сплочению коллектива.

– Здравствуйте, Вера! – Чарка зашёл в кабинет неторопливым издевательским шагом.

Верочка вынырнула из-под стола и быстро выпрямилась. Лицо её стало пунцовым от резкого перепада давления.

– Доброе утро, Иван Иванович, – предательский голос немного дрожал.

Хотя Верочка обладала не очень высоким ростом, Чарка обогнал её ненамного. Худой и взъерошенный, с проплешиной посередине головы, новый директор смотрелся забавно. Иван Иванович оделся в тот же тёмный костюм без галстука, в котором Верочка его видела те несколько раз, когда приходила на собеседование. Серые с мутной поволокой глаза, мешки под ними и ехидная усмешка – не изменилось ничего.

Директор подошёл к столу и с интересом стал рассматривать богатство Верочкиных профессиональных приспособлений.

– Песочницу, надеюсь, насыпать не надо будет? А то мо-

жет сетку через весь офис перекинем?

– Иван Иванович, это всё для работы. Серьёзной работы. Пусть выглядит разноцветно и... – Верочка нервничала и подыскивала слова, но заранее подготовленные фразы прятались в недрах корпоративного мышления. – Этим всем, – Верочка сделала круговые движения над своими игрушками, – мы сплотим Ваш, точнее наш коллектив.

– Интересно, как это будет выглядеть? – Иван Иванович взял в правую руку плётку, а в левую коробку из секс-шопа. Он хлестанул по столу, недовольное лицо его разгладилось, и он улыбнулся широко и открыто, – даже очень интересно, как это будет выглядеть? – директор положил первую коробку, взял вторую и с удивлением стал читать этикетку. Потом взглянул на работника новой передовой отрасли. На лице отразилась искренняя радость и интерес.

– Никогда не видел вблизи. Может, откроем и выпустим её на волю? Шучу, Вера, шучу. Забавная штука. И она... хм, хм тоже поможет?

– Сегодня это наш основной инструмент – имитатор мозгового штурма, – Верочка совсем засмушалась.

– Не волнуйтесь, выглядит многообещающе. Я всегда один поджигал скучное утро, а теперь мы с двух сторон начнём чиркать спичками. Поднимайте занавес скорее! Нас ждёт чудесный день, Пьеро!

Верочка расслабилась и начала приходить в себя.

– Вы тоже не волнуйтесь, Иван Иванович, я настоящий

профессионал и знаю, что делаю, – к Верочке вернулась уверенность её бесконечных тренингов. – Всё, что Вы здесь видите – только малая часть тех инструментов, которые помогут нам проделать весь путь до того момента, когда Ваши... наши сотрудники станут настоящим монолитом.

Иван Иванович положил плётку и тряс коробку у своего уха, прислушиваясь к звукам изнутри.

– Забавно она там громыхает! Даже, Вера, сомнений нет! Если бы я знал, чем Вы предполагаете сковать наш коллектив, то принял бы Вас без испытательного срока, – директор кинул коробку обратно на стол. – Появилось адское желание, чтоб Вы приступили к сплочению наших и ваших сотрудников сию же секунду. Но... – лицо его опять стало недовольным – есть кое-какие дела. Вижу, Вы работу любите и подходите к решению с интересом. Мне понадобится Ваша помощь. Зайдите в мой кабинет минут через двадцать.

Иван Иванович ещё раз саданул плёткой по столу и вышел из кабинета. Коридор заполнился звуком его воодушевлённого голоса.

– Нас ждёт чудесный день, Пьеро! Чудесный день, мой грустный друг.

За стеклом проплыла Мила с широкой улыбкой. Она продолжала тыкать пальцами в телефон. За ней семенил юноша и что-то умолял сделать.

Верочка была счастлива.

Наконец-то на неё смотрят как на профессионала. Нако-

нец-то нормальный начальник, который разбирается и может оценить нестандартные решения. Теперь она поняла, почему весь офис построен согласно ФЭн-шуй. Сквозь стеклянные стены Верочка взглянула на дымовую завесу, в которой как призраки перемещались менеджеры. Потому что директор мыслит нестандартно, думает нестандартно и делает всё по-другому – не так как все.

Верочка была уверена, тимбилдинг – её призвание. Она считала себя умной и целеустремлённой, настоящим пионером своего дела. Увольнение с прежней работы, куда Верочку взяли в качестве эксперимента, являлось чистым недоразумением. Жаль, что её идеи не нашли поддержку у бывшего начальства. С таким трудом она уговорила рабочих с соседней стройки принести в офис большое бревно. Его положили в основном зале, где сидели сотрудники, и каждый час она звала подопечных на «субботник». Верочке нравилось название, которое дал коллектив этому мероприятию. От него исходило дыхание командной работы. С весёлым шумом менеджеры делились на команды и поочерёдно подходили к снаряду. С криком и улюлюканьем, как на матче любимой команды, они толкались вокруг, поддерживая друг друга:

– Та-ак! – командовала Верочка. – Дружно взяли, дружно подняли...

Не это ли мотивация на совместную деятельность? Но директор, настоящий самодур, не смог по достоинству оценить её усилия. Он, видите ли, считал, что сотрудник в первую

очередь должен выполнять основную работу, а уже потом «строить отношения». А что значит основная работа? Что можно делать, не имея сплоченной команды? Они даже бревно ни разу не оторвали от пола. Нет, сначала надо построить фундамент и наполнить сосуд знаниями, ведь пустое ведро, как говорится, ведёт к бедности.

Испытательный срок завершился вместе с появлением огромного заказа на поставку комплектующих. Просто в один из дней Верочку не пустили на порог офиса. Секретарь передала слова бывшего начальника, что плевать он хотел и на чувство локтя, и на горизонтальные связи между работниками подразделений. Что заказ они выполняют в срок, а иначе сотрудники на своей шкуре ощутят, что такое коллективный тимстайлинг с обязательным проникновением.

Когда через неделю Верочка забирала трудовую книжку и денежные крохи за построение командного духа, бревно уже распилили на чурбаны, и они разбросанные лежали во дворе, являя собой картину наплевательского отношения к её модной профессии.

Сегодня всё изменилось! Лягушки начали смотреть на Верочку с уважением, предлагая забрать монетку изо рта, если она пожелает. Огромный, на всю стену дракон в коридоре подмигнул жёлтым глазом. Семь мудрецов закивали дружно головами, черепахи молча поползли к профессионалу тимбилдинга.

Верочка теперь уже с уверенностью глянула в сторону по-

лукруга из столов. Под её строгим взглядом менеджеры, которые с любопытством пялились на то, что происходит в кабинете нового сотрудника, сразу уткнулись в мониторы.

Сегодня Верочкин день, она скоро приступит к работе. Она покажет им всем, что такое крепкий коллектив.

Глава 8 Иван Иванович

Труд сделал из обезьяны человека.

Для такого превращения миру понадобились миллионы лет ровно до той секунды, как этот процесс заметил и описал в своих трудах Фридрих Энгельс⁷. И хотя теория спорная, и есть неутолимое желание согласиться с Иваном Чонкиным⁸, что лошадь тоже работает, но ни одна не стала человеком, придерживимся всё же привычного мнения.

Так вот, изменялась походка, осанка, люди научились держать камень, затем палку, соединили эти два предмета вместе. Начали сажать зерно, охотиться на мамонта, научились разжигать огонь и выпекать хлеб. Делать робкие шаги в искусстве, рисуя лошадь на стене пещеры.

Развитие шло не торопясь своим размеренным шагом. Жили небольшими группами, человек по двести, воевали за горсть орехов, слушались вожака племени, ему же и поклонялись. Вожак был и хозяин, и руководитель, и отец родной.

Стала появляться членораздельная речь, люди научились не только признаваться в любви, но и объяснить свои естественные желания прямо здесь и сейчас. Ну, а если двое понимают друг друга – чего зря время терять?

Как следствие, население неутолимо росло. Вожди уже

⁷ Ф. Энгельс «Диалектика природы».

⁸ В. Войнович «Жизнь и необычные приключения Ивана Чонкина».

не справлялись с обязанностью вести племя в светлое будущее. Люди расползались кто куда, каждый по своим интересам. Вождя никто не слушал, власть уходила сквозь пальцы. Некоторые отъявленные негодяи подвергали сомнению не только слова вождей, но и абсолютно непреложные истины. Видите ли, свобода выражения у них такая. Целый день они только и делали, что рифмовали слова и царапали скалы. Всё женское население племени вечерами сидело и слушало, как для них для любимых не завтра, так послезавтра достанут луну с неба, а может, сразу целиком весь мир к ногам бросят. Доводы приводились складные, с документальным подтверждением – гранитом на скале или палкой на песке.

Вождям только и оставалась, что слушать зазорный визг из вигвамов этих рифмоплётов и выть на луну, которая так и светила на небе целая и невредимая.

И чего дальше? Пока одни сочиняют стихи, а другие ими восхищаются; кто охотиться будет? Грибы – ягоды собирать, да те же ветки для костра?

Настала пора наводить порядок, так сказать, суровая необходимость в работе на местах. Понадобились верные помощники.

Нет точной информации, когда и сколько продолжался кадровый хаос, но доподлинно известно, что как раз в это время и зародилась практика ответственного начальника при живом владельце.

Новые ответственные работники взялись за работу энер-

гично и с похвальным рвением. Они не боялись людей, могли оправдать любое доверие, слушались беспрекословно и кормились прямо с руки вождя. Порядок в племенах быстро восстановили, а рифмоплётов сожгли на костре. Теперь никто не смел перечить, спорить о несправедливости или обратиться к вожаку напрямую. Все просьбы и предложения теперь следовало передавать непосредственному начальнику, а он в свою очередь доносил информацию наверх, слово в слово, со всеми необходимыми исключениями.

Люди стали ходить на задних конечностях, но с ними распрямились и начальники. Люди научились возделывать землю, начальники тут же расчертили наделы. Люди научились сажать зерно, начальники научились делить согласно чину и званию. Люди изобретали велосипед, паровую машину, телевидение, но и начальники не отставали, цепко держа руку на пульсе прогресса.

Несомненно, развитие общества сильно потрепало полномочия прежних начальников, а работу нынешних обложили правилами и законами. Но начальники не унывают. Пока владельцы компаний бороздят океаны на белоснежных яхтах, начальники уверенно берутся решать всё в кратчайшие сроки и с минимальными издержками.

Принимают у себя по одному. Просят обращаться в письменном виде и установленной форме. Подкладывают, подшивают и кладут в порядке очередности. Совещаются с подчиненными (невиданное дело), обсуждают всё скопом: уро-

жай, падёж скота, погоду на Полисе, достижение олимпийской сборной, проблемы допинга и мирового спорта, политическую ситуацию в стране.

Ситуация на планете меняется со скоростью секундной стрелки. Наводнения сменяет засуха, падёж скота следует за неурожаем в Южной Америке, глобальное потепление разрушает оба полюса, президенты одних стран грозят президентам других. Но начальники не сдаются. Начальник – единица крепкая и ответственная. Собираются новые совещания, обсуждаются новые изменения. Договариваются подумать и посоветоваться. Торопиться нельзя – дело серьёзное и требует полной отдачи и тщательной проработки. Начальник берёт инициативу на себя (какой ведь прогресс!). Ставит новые задачи, даже сам берётся за работу. Да что там! Может сделать всё быстрее и лучше.

С утра помогает отделу маркетинга, все вместе выдумывают логотип. Начальник нервничает, торопится – столько дел, а тут вы ещё. Ругается, и со словами «у меня сейчас времени нет на вас» бежит к секретарю: «Не “уважаемый”, а “многоуважаемый”, шапку письма передвиньте вправо, пространства между строками побольше».

Спешит в отдел продаж. По пути показывает, как вымыть пол, уборщица же не в курсе!

Помогает грузчикам, потому что не так надо, а вот так. Принимает канцтовары, пересчитывает, сверяет. Постоянно отвечает на звонки, объясняет: как доехать, доставить,

встретить. К вечеру измотанный и злой орёт, что может справиться один, зачем вы тут все нужны.

Как же он прав!

Начальник заслужил своё право оказаться в Красной книге. Его надо беречь. Он всегда на передовой, он один понимает, куда идти, и ведёт за собой команду верных заместителей, не зная ни усталости, ни страха.

* * *

Мятежная душа Ивана Ивановича Чарки тоже не знала ни усталости, ни страха. Он мог бы стать талантливым руководителем, политическим деятелем или вождём целой нации, но свой ясный живой ум он заливал алкоголем в таком количестве, что гремучий симбиоз серых клеток и зелёного змия выдавал лишь смесь паранойи и бесшабашного авантюризма.

Пил Иван Иванович понемногу, но постоянно, что в итоге получалось много. Ванваныч – так его звали в компании – всегда чем-нибудь увлекался. Мог часами обсуждать, как создать вечный двигатель или разрабатывать план смены власти в отдельно взятой стране. Правда, увлечение уходило так же быстро, как и приходило. Единственное, что оставалось всегда – это любовь к театру.

Маленький Ваня в школьные годы занимался в театральном кружке. После учебы он бежал в актовый зал, где превращался в Буратино и Кота в сапогах, Серого Волка или храброго Кая. Ваня становился старше и его роли станови-

лись глубже. Он скупал мёртвые души, стрелял в Ленского и мучился последствиями совершённого преступления. Ване очень нравился образ Пьеро⁹. Вечерами он читал пьесы о похождениях этого прохиндея, найденные в библиотеке его бабушки, и мечтал когда-нибудь сыграть эту роль.

На день комсомола старшеклассник Иван забрался на учительский стол и зачитал довольным одноклассникам нравственные принципы настоящих комсомольцев, конечно, согласно видению самого Ивана. Оделся агитатор, как и подобает торжественной обстановке, по-парадному – в костюме Пьеро.

Смахивая слёзы с лица, обсыпанного мукой и размазывая тушь с бровей, Иван довёл до молодых строителей коммунизма, что забота каждого комсомольца в сохранении и умножении собственного достоинства, и посоветовал им быть терпимей к нарушителям общественных интересов, а также к тунеядству, карьеризму и стяжательству.¹⁰ Молодые ленинцы так громко ржали, что в класс нагрянул весь педсовет во главе с комсоргом.

Моральный облик строителя коммунизма объективно не соответствовал никакому нравственному кодексу.

Наказание оказалось суровым.

⁹ Персонаж французского народного театра. Первоначальный образ – ловкий слуга. Добивается своей цели прикрываясь добродушием. Впоследствии образ печального любовника.

¹⁰ Старшеклассник Иван с точностью до наоборот процитировал нравственные принципы изложенные в моральном кодексе устава ВЛКСМ.

Вход в театр для Ивана закрыли.

Но сам театр в Иване остался. В бесконечный спектакль он превратил всю свою жизнь.

После армии вихрь двух страстей разметал ясный ум молодого Ивана. Популярная Светка из пятого подъезда и любовь к сельскому пейзажу за пять тридцать пять без стоимости стеклотары, руки известного мастера Менделеева Д.И. И тот, и другой процесс слились в безумном кордебалете под аккомпанемент пьяного гармониста портового кабака.

Светка была старше юного Ивана и, конечно, повидала. А молодой Иван ещё ничего не видел, но хотел страшно. Перед глазами пьяным хороводом проносились пейзажи бурных рек и дорогих фасадов «Москвы»¹¹. Полгода горные долины Агдама сменялись уютными домиками среднерусской равнины. Но гармонь порвалась, и оплачивать продолжение банкета стало нечем.

Очнулся Иван, когда уже стоял во «дворце». В костюме с белой розочкой слева, и шеренги многочисленных Светкиных родственников справа. Из-под белой вуали на него смотрели заплывшие глаза его первой жены. Молодые обменялись взглядами, и под марш Мендельсона страсть покинула больную голову молодого Ивана.

Женат Иван был ещё дважды, и каждый раз страсть покидала своего хозяина грубо и неожиданно.

Но не только любовью сыт человек.

¹¹ Гостиница в Москве.

Иван увлекся построением светлого будущего в комсомольской организации Текстильного института на Ленинском, откуда был выдворен с формулировкой «разложение молодёжи».

Уже через несколько месяцев партийной работы половина комсомольцев фарцевали музыкальными пластинками около магазина «Мелодия». «Музыкой» их снабжал сам Иван. Ему же они отдавали выручку, оставляя себе на самое необходимое.

На еженедельных собраниях Иван поднимал боевой дух комсомольцев:

– Мы продаём империалистическое «Вчера», чтоб на его руинах построить наше социалистическое завтра! Представьте себе, что за эти деньги все люди будут жить в мире. Мы сможем решить всё, что захотим, если отправимся вместе прямо сейчас! Да будет так¹², аминь, – звал он за собой юные комсомольские умы, смакуя из армейской фляжки коньяк «Наполеон».

«Аминь», конечно, вырвалось, но ярый комсомолец и пламенный активист Морозкин, с волосатой родинкой на лбу размером с пятак, инкогнито попал на собрание передовых комсомольцев и донёс декану – Иван Чарка, вроде идейный, а в бога верит, и ко всему прочему, хранит кассу международного музыкального антикоммунизма.

Началось внутреннее расследование, из которого выясни-

¹² Иван обращается к комсомольцам, используя названия песен The Beatles.

лось, что вся комсомольская элита высшего заведения харчевалась на роялти от продажи зарубежных исполнителей. Шум поднимать не стали, к тому времени уже во всю шла перестройка, решили проблему тихо, по-домашнему. Ивана из института выставили на улицу, а комсомольский билет, нетрудовые деньги и остатки империалистического «Вчера» отобрали.

Всё, чем смог тогда ответить Иван – это подкараулить Морозкина около Донского кладбища,¹³ где тот любил прогуливать лекции, и несмотря на заметный проигрыш в габаритах, кулаками и ботинками втолковать информатору, что верить можно не только в коммунизм, но и в параллельную вселенную. Закончив разъяснительную проповедь, Иван измазал лицо Морозкину красной краской, а большую родинку посередине лба – жёлтой.

В 90х оранжевой вереницей Иван ходил по Старому Арбату, распевая «Хари-Рама-Хари-Кришна». С белыми подтёками на лбу и лицом прощёного грешника продавал просветляющую литературу в переходе на Октябрьской станции. Деньги за «Бхагавадгита как она есть» он пропивал тут же, около выхода из метро, закусывая шашлыком и вытирая руки об оранжевые одежды.

С кришнаитами Иван расплевался вдрызг. С продаж его сняли, прозу о гармонии мира и форме земли отобрали. Мало того, что сам грешил, поедая священных животных, под

¹³ Кладбище в Москве.

его пагубное влияние также попали адепты со слабой душевной организацией. А такого простить не могли.

Деньги начинали кончаться, а водить хороводы по улицам Москвы на трезвую голову было выше его блаженных чувств. И хотя Иван согласился с тем, что земля плоская, своих наставников он послал далеко и надолго – на самый её край. Оранжевые одежды скомкал и бросил на асфальт, а сам пошёл домой в том, что осталось под одеждами.

После, Иван был идейным вдохновителем молодой политической партии «Вперёд, Менделеевцы!», а также гуру садово-сельскохозяйственной организации «Смерть вредителям». Он боролся за экологию карельских лесов. Поддерживал разворот сибирских рек в Азию. Один на один воевал с нефтяными вышками, проповедуя, что нефть забрала душу человека и сделала его глухим к стонам планеты.

После нулевых Иван осел в тогда ещё небольшой компании по продаже сантехники «Меркурий». Бывшие страсти ненадолго его отпустили, он выпивал тихо и безмятежно.

Прежний хозяин компании не только владел ей, но и управлял. Иван Иванович работал завхозом и свои таланты раскрыть не получалось. Развитие организации шло жёстко, компания управлялась железной рукой. Единственное, что позволял себе бывший владелец – он увлекался Фэн-шуй, тогда новомодное течение. Хобби доставляло хозяину эстетическое наслаждение. Кое-где стояли фигурки божков богатства и плодородия, настольный фонтанчик, музыка ветра

при входе. В туалете зажигались дымные палочки и висело правило.

Убедительно просим опускать крышку унитаза

Но хозяин компании умер, а фирма перешла к его сыну. Тот заехал в офис всего один раз в воскресенье, а именно в этот день Ванваныч оказался на рабочем месте. В выходные было удобнее всего выносить излишки канцелярии.

Фортуна – женщина с придурью.

Встреча прошла быстро. Молодому наследнику понравилась идея управления компанией согласно Фэн-шуй, как любил его отец.

Ну что ж! Поднимайте чёртов занавес! Спектакль начинается!

Страсти Иван Ивановича вышли в открытое море.

Он с пылом-жаром изверг многогранный поток энциклопедических знаний и на пальцах разъяснил, как это будет способствовать развитию фирмы. Рассказал, что являлся правой рукой усопшего, и перед смертью они разработали совместный план по созданию трансконтинентальной компании по продаже унитазов на основе Фэн-шуй. Рисовал смываемым маркером, стирал и снова изображал все грани волшебного мира. Описывал руками окружности большие и малые. Приседал и шептал на ухо новому владельцу потайные секреты. Водил экскурсией по офису, показывал и рас-

сказывал преимущества бронзовых толстяков. Даже отшел в туалет, где разразился монологом минут на тридцать, почему так важно в непостоянном современном мире постоянно прикрывать унитаз. После такого убедительного выступления Иван Иванович и сам поверил в исцеляющую силу энергии Ци. Ошарашенный наследник слушал, открыв рот. Он не проронил ни звука и только в конце пламенной речи сказал:

– Я очень рад, что у отца работают такие верные люди. Уезжаю, но оставляю компанию в надёжных руках.

Наследник разревелся от нахлынувших чувств и минут двадцать обнимал Иван Ивановича. Излив литры слёз в воротник и сморкнувшись туда же, наследник успокоился, сел и приступили к подписанию необходимых документов. В конце наследник ещё раз совершил ритуал с рыданием, обниманием и сморканием, яростно пожал руку новому директору и укатил в Монте Карло.

Ванваныч отворил минибар, достал виски, плеснул в стакан и приступил к своим обязанностям.

Ванваныч, конечно, хотел стать начальником. Ну а кто не грешен?

Он отлично представлял себя за большим дубовым столом в роскошном кабинете. Как к нему приходили сотрудники со своими неразрешимыми проблемами, а Ванваныч, мудрый и рассудительный, всегда находил решение, направляя коллектив к цели. Персонал просто души не чаял в сво-

ём начальнике.

Ванваныч раздавал команды, бросал подчиненных в атаку на укрепления конкурентов. Стоя на столе, размахивал незримой шашкой и рубил, рубил, рубил. А потом его, как настоящего полководца и спасителя, встречали в офисе аплодисментами, говорили слова благодарности и клялись в вечной преданности. Он снисходительно улыбался, трепал нерадивых олухов за волосы, сотрудниц похлопывал по заднице, а потом садился за этот огромный дубовый стол, где придумывал новый план по уничтожению очередного противника.

Если же недруг был слишком силён, Ванваныч вступал в бой один. Он извергал гром и молнии, заставляя конкурентов отступать, а подчиненных падать на колени перед своим начальником-солнцем, ведь Ванваныч обладал непобедимой энергией Ци.

Ванваныч прикончил стакан и поднялся. Ухмылка на лице предвещала скорые перемены. Теперь Ванваныч действительно обладал энергией Ци.

– Ци это или не Ци, но со следующей недели начнутся перемены.

В понедельник «Меркурий» встретил нового начальника и свой последний чудесный день.

* * *

В первую очередь компания получила новое имя. По словам Ванваныча звук журчащей воды должен расслаблять, со-

здавать ощущение мира и покоя. То ли в честь великой китайской реки, то ли в пику главному конкуренту «Студёному ручейку», а может, всё сразу, несмотря на протесты старых сотрудников, «Меркурий» демонтировали, а на двери офиса повесили табличку – Торговый Дом «Желтый ручеек».

Все изменения получили приставку – гипер.

Раньше небольшие фигурки плодородия, счастья и богатства сиротливо прятались за дверями, скрывая от посетителей блеск золотых монет. Теперь же целая армия разнокалиберных, деревянных, глиняных и бронзовых спутников гармоничной жизни маршировали по всему офисному пространству. Лягушки бросались под ноги, пузатые мужички ржали во всё горло, слоны трубили набат, драконы змеились вдоль стен. Черепахи, обезьяны, кони, рыбы, собаки, стопки камней, люди и звери, всё бежало, стояло и сидело друг на друге. Успех и удача кричали их ртами со всех полок и столов «Жёлтого ручейка». Дымные палочки дезинфицировали теперь не только туалет. Каждый уголок офиса освобождался от негативной информации. Менеджеры как призраки то появлялись, то исчезали в тумане. Двери перевесили навстречу восходящему солнцу, где не получилось, убрали совсем. Энергия космоса могла беспрепятственно курсировать между отделами, а сквозняк играл музыку ветра, качая металлические трубки, висевшие под потолком.

Рабочими столами пытались составить круг, чтоб замкнуть энергию продаж на бесконечность, но места не хвата-

ло, поэтому столы составили полукругом и назвали полукруг «братским». Перед братским полукругом насыпали земли, поставили огромный фонтан в виде двух золотых рыб и подвели воду. Всех сотрудников обязали носить амулеты, прописав это отдельным пунктом в контракте. На стене в туалете повесили огромный плакат с обезьяной. Она грозно указывала пальцем на надпись – «БЕРЕГИ ЭНЕРГИЮ-ПРИКРЫВАЙ УНИТАЗ».

Знак инь-ян диаметром два метра над креслом Ванваныча дополнил картину изменений. От него во все стороны шла жизненная энергия Ци.

Ванваныч лично руководил процессом.

Отчет о проделанной работе, в виде двухсот цветных фотографий отправили на Лазурный берег. Наследник остался доволен.

Но не всё шло гладко.

После пары рюмок с утра, находясь в пылу своих цветных сражений, Ванваныч похлопал одну из сотрудниц по мягкому месту. Муж девушки, также работавший в «Желтом ручейке», наплевал на новый статус бывшего завхоза, и, после удара правой, Ванваныч обзавелся синяком под глазом и двумя первыми заявлениями на увольнение.

В течение полугода после начала революционных перемен персонал обновился полностью. Ванваныча это не беспокоило, соискателей на должность менеджера в Москве хоть отбавляй. Проблема стояла в другом. Покупатели тоже поти-

хоньку уходили из «Жёлтого ручейка», спускаясь на первый этаж к их прямому конкуренту – «Студёному ручейку». Это задевало за живое и сказывалось на финансовых показателях.

С показателями разобрались легко – своевременно взятый кредит, почти полностью высланный наследнику, на время сгладил печальную картину.

А вот со второй проблемой требовалась тактика посложнее.

Сами клиенты Ванваныча заботили мало, но вот «Студёный ручеек» требовалось наказать под любым предлогом.

Ванваныч нуждался в верных бойцах и креативном соратнике.

Решение пришло неожиданно. В один чудесный день Ванваныч увидел ток шоу известного телеведущего Грея Изумрудова. В студию пригласили американскую звезду тимбилдинга. Ванваныч так проникся историями зарубежного проходимца, что в этот же день разместил объявление о вакансии.

Идея убивала двух зайцев сразу.

Все соискатели, ознакомившись с перспективами работы, позорно бежали. Одна лишь Верочка, потерявшая дар речи под действием энергии Ци, только и сумела хрюкнуть в конце пламенной речи Ванваныча о перспективах работы с коллективом по законам Фэн-шуй. Ванваныч расценил данный хрюк положительно, как знак согласия выйти на работу.

* * *

– Понимаете, Вера, какое дело.

Верочка стояла в кабинете Ванваныча, а тот расхаживал перед ней и плакатом инь-ян.

– У нас и так достаточно непростая ситуация в компании, а тут ещё такая напасть, – продолжил Ванваныч.

Верочка слушала молча.

– Как Вы уже заметили, Вера, наши сотрудники безумно верят, – Ванваныч на секунду остановился и продолжил, – безумно верят в силу энергии Ци, и мне не нравится, когда кто-то или что-то нарушает гармоничное сосуществование людей и предметов, а тем более в такое непростое время.

Ванваныч уставился на девушку мутным взором.

– Что случилось, Иван Иванович? – Верочка сделала озабоченный вид.

– Вы знаете, что в этом здании на первом этаже площадь арендует ещё одна фирма. Наши конкуренты. Директором фирмы является некий Пётр Петрович – неприятный тип с огромными усами. Нет, даже громадными. Ну, Вы ещё увидите. Считает себя умнее всех, а день планирует по гороскопу.

– Так вот, – продолжил Ванваныч, – у нас есть четкое разграничение парковочного пространства перед зданием, тем более приезжала целая бригада, которая разметила и перепланировала нашу территорию по всем законам Фэн-шуй. А сегодня, когда я прибыл на работу, то увидел, что их маши-

ны стоят на наших местах!

– Согласна, это возмутительно! – поддержала Верочка.

– Смотрю Вы уловили суть, Верочка, – Воодушевился поддержкой Ванваныч, перейдя на уменьшительно-ласкательное. – Нарушителей надо наказывать, чтоб знали.

Ванваныч перестал ходить и развернулся к Верочке.

– Кстати! Может, с помощью Ваших приспособлений мы придумаем этому нахалу креативное наказание? – Ванваныч рассмеялся, сделал рукой движение, пришпоривая коня, и начал скакать вокруг девушки.

– Вы предлагаете его отхлестать?

– Верочка, где Ваш креатив? Куда всё подевалось? Не претворяйтесь, Вы человек с фантазией, я всё видел, – Ванваныч закончил скакать и затормозил напротив Верочки, громко сказав «тпру». – Зачем хлестать живого человека? Мы что, звери? Ладно, с Вашим креативом пока повременим.

– Чем же я смогу помочь?

– Чем-чем. Ну вот и покумекайте там. Голованова спросите, он у нас толковый, среднюю школу, по-моему, закончил.

– Это кто? Тот со слоном? Друзья называют Вованом.

– Нет, Вован старший менеджер. Другой, большой такой, с бородой, сразу поймете.

– Я видела его, на парковке бутерброд ел.

– Ну вот и отлично. Голованов у нас инженер, ест постоянно, растит серое вещество в голове. Прошу Вас, Верочка, уделите вопросу внимание, а сплочением коллектива займё-

тесь чуть позже. Да, и занесите свои документы Миле.

Верочка удалилась думать над непрофильным заданием, а Ванваныч отправился на ежедневный утренний обход, который в целом начинался и заканчивался в туалете.

Несмотря на агитационный плакат, персонал не утруждал себя заботой опускать крышку стульчака, тем самым открывая дорогу по уходу энергии Ци, да ещё куда!

И в этот раз тоже, в одной из кабинок остался абсолютно неприкрытый мокрый проём, куда со свистом утекала энергия. Ванваныча передёрнуло. Он так ярко представил, что почти физически ощутил движение пространства мимо него прямиком в канализацию. Справив нужду в открытый проём, он вымыл руки, достал из внутреннего кармана фляжку и повернулся к плакату обезьяны.

– Что, Чи-чи-чи, никто тебя не слушает? – он отпил пару глотков и махнул рукой, как бы приглашая, – Все беды начинаются с малого. Пойдём ругать!

Ванваныч шёл к братскому полукругу столов сквозь проемы с дверями, предусмотрительно открытыми навстречу восходящему солнцу. Так как это происходило несколько раз в день, то менеджеры адаптировались к регулярным набегам и быстро погрузились в бумаги и мониторы.

– Сколько можно повторять, чтоб опускали крышку? Когда вы научитесь ссать с.... с... Ванваныч немного задохнулся от невозможности речевого аппарата произнести всю информацию, которая за долю секунды поступила из разных

отделов мозга, – в общем так! Буду безжалостно штрафовать, вплоть до увольнения без компенсации! – выдал он ту, которая первая прорвалась на язык.

Увольнять он никого не собирался, но начальник должен оставаться строгим.

Коллектив заёрзал.

Половина сделали вид, что вообще не знают, что такое туалет и уже давно переросли – конечно, в духовном плане – этот неприятный момент жизнедеятельности индивида. И теперь, согласно древнему китайскому учению, процесс очищения происходит во время сеанса связи с космосом.

У другой половины на лицах появилось озабоченное выражение, что говорило о полном понимании проблемы и желании немедленно устранить недостатки. Возникли даже робкие замечания. Мол, это из вражеского офиса Петра Петровича заходил засланец. Он, дескать, и оставил открытую крышку, чтоб навредить фирме.

В любом случае все поклялись с рукой на сердце, что будут опускать крышки, независимо от того, как прошёл процесс – на вербальном или физическом уровне.

В эту секунду в братский полукруг зашла Верочка.

– Иван Иванович, у меня есть предложение. Мне кажется, я знаю, чем мы можем ответить!

Глава 9 Пётр Петрович

Вы усатый? Вопрос покажется грубым или даже бестактным, вдруг вы индеец, или вам мало лет, или вы просто милая девушка? Кошмар! Половина населения планеты обречено ходить без усов. А может, вы просто не носите усы из-за слабохарактерности? Зря!

Усы – это культурный код человека!

Встретив на улице прохожего, вы сразу ответите из какой он эпохи. Где работает и чем занимается.

Вспыльчивый гасконец или художник сюрреалист. Частный детектив, что ищет разгадку весьма запутанного уголовного дела, а может, и сам преступник, который уколошил половину туманного Альбиона. Жестокий диктатор или смешной человек из немого кино. Известный актёр или предводитель дворянства. Суровый моряк или фронт, что разбирается в воротничках лучше, чем любая модница.

По усам люди узнают, курите вы или нет. Что конкретно вы пили и ели. Какое у вас настроение, какая завтра погода, был ли на улице дождь, полюбит ли вас женщина. Усы можно подкрутить и подёргать. Сделать паузу в разговоре и пригладить их с видом самого умного человека на свете. По усам встречают в приличных заведениях и скучают, когда долго не видят. На усы мотают и разматывают.

Настоящие усы заменить ничем нельзя!

Усы для Петра Петровича Сорнякова являлись главным достижением его жизни. Усы были огромные, без всякого выпендрежа а-ля Сальвадор Дали. Они выросли как у моржа. Старого, большого моржа. Усы были шире, чем щетка для одежды, и полностью закрывали половину щёк и нижнюю губу. Пётр Петрович очень гордился своим достижением, называл их «мои университеты». Каждое утро колдовал над их привлекательностью, а потом подолгу смотрел на себя в зеркало. Менял выражение лица, поворачивался в пол оборота, делал задумчивый или грозный вид. Как всегда, довольный увиденным, поглаживал своё сокровище и нехотя шёл на работу.

Сорняков действительно считал себя умным человеком во всяком случае умнее Ванваныча, и очень презрительно относился к его увлечению Фэн-шуй.

Раньше, в 90-е годы Пётр Петрович числился прапорщиком по снабжению в одной из областных частей. Он служил в тот период, когда великая страна развалилась на части и в армии творился бардак. Прежние сослуживцы распродали казённое имущество, а новых поставок не предвиделось ввиду банального отсутствия денег у Министерства обороны. Ангары стояли пустыми. По сути, Пётр Петрович заведовал складом в прямом понимании этого слова. Ежедневно он мерил шагами свои пустые владения, а их звук гулким эхом отлетал от металлических стен. Петру Петровичу нечего было выносить и нечего продавать.

Приходилось оставаться честным человеком.

В тяжелое время хронического отсутствия и денег, и будущего, но при большом количестве свободного времени, Пётр Петрович стал почитать гороскопы. Сначала в захудалых газетенках, которые подкладывали на КПП с куцей информацией как будто между делом. Затем тяга к знаниям заставила раскошелиться на более серьёзные издания типа: «На короткой ноге со СПИДом» или «Правда о ночных улицах». Пётр Петрович листал печатные труды с интересом, но называл их всякими глупостями.

И вот всякие глупости стали случаться. Не часто, как снег зимой, но и не редко, как дождь в пустыне – день за днём, от часа к часу прогнозы стали совпадать.

В один чудесный день Пётр Петрович сидел на пустом складе после вечерней попойки и тупо смотрел на вчерашнюю газету «Желанный мужчина», где ярким большим шрифтом написали предостережение: «Козерогам сегодня лучше пить только, урологический сбор! Всё остальное принесёт мучение и страдание». Младший прапорщик читал и стонал от боли. Руками он держал голову, которая разваливалась на части.

Через неделю гороскоп пообещал козерогам важную встречу. Возвращаясь поздно ночью из пивнушки, Сорняков увидел известного исполнителя блатного романса – Этапа Составова. «О, мой кумир!» – воскликнул потрясённый прапорщик, ведь Пётр Петрович собрал все сорок три его

диска с хитами по понятиям жанра. Сколько он пролил слёз только над «Сегодня я в хате дежурный», а песен насчитывалось почти девятьсот.

Пётр Петрович подбежал к нему за автографом, но как назло с собой ни клочка бумаги, ни мелкой банкноты, даже билета на автобус, и того не осталось. Он и рванул гимнастёрку, чтоб любимый автор чувственной прозы поставил свою подпись ему под сердцем. Охрана такого позыва не оценила, повалила прапорщика на землю и долго, без всяких понятий, била ногами в промежность.

Верный фанат потом пил урологический сбор, прикладывал холодные компрессы и матом клял такое несправедливое отношение.

Но ведь сбылось! Прогнозы не ввали.

Человеку, который планирует и не хочет пускать на самотёк свою жизнь, не обойтись без такого инструмента как точное предсказание на сегодня.

Пётр Петрович наконец поверил.

Прогноз говорил: «Опасайтесь зубов врага», – Пётр Петрович бежал от соседского пса, который сорвался с цепи. Пройдёт чистка вашего окружения – увольняют прямого начальника. Быть осторожней с деньгами – чуть не потерял кошелёк. Работа не удовлетворяет ваших амбиций, и ничего, кроме геморроя, получить не сможете – лежал месяц в больнице, пока не изрезали всю задницу.

Но произошёл более важный случай. Прогноз пообещал:

«Вам повезёт с деньгами». И всё сбылось! Выдали зарплату, которую задерживали три месяца, и даже премию. Пётр Петрович справедливо рассудил, что сегодня фартовый день и пора собирать вишню с одноруких бандитов. Сложил наличность в карман и вечером отправился в местный павильон игровых автоматов «Избавление». Там, в ожидании трёх семёрок он и провёл остаток ночи. Под весёлый растрезвон выпали исключительно апельсины вразнобой с арбузами. К утру, опустошённый и раздавленный младший прапорщик покинул злачное заведение.

Наскребя на бутылку водки, Пётр Петрович напился в хлам, после чего в горячечном припадке растерзал всю собранную подписку и без сил уселся на клочках пророчеств за последний месяц. Взбивая рукой бумажные фонтаны, он увидел в другой статье похожий прогноз, только с маленькой поправкой – «с деньгами везёт, но это не повод садиться за карточный стол». Младший прапорщик осознал ошибку.

С этой секунды Пётр Петрович стал относиться к прогнозам со всей основательностью.

Исследовал газеты тщательно, как лаборант кишечную палочку под микроскопом. Пытался добраться до истины. Что произойдёт? Где? Когда? С кем? Сопоставлял и сравнивал, искал ответы и находил решения. Ничего не предпринимал, пока картина не становилась ясная. Вопросы возникали серьёзные. Размытые формулировки одинаково представляли будущее и счастливым, и в достаточно мрачном свете. Смот-

ря с какой стороны прочитать. «Вы падёте жертвой страсти», – можно свалиться у ног сексапильной блондинки, а можно и замертво к ботинкам маньяка-убийцы. От правильных выводов зависела судьба.

Прапорщик стал покупать и другие издания: «Сексуальная карусель», «Звёзды во мгле», «Тайны другой стороны», «Секреты прабабки», «Скандалная пятница». Он научился выхватывать единую суть и обращать её себе во благо. К тому времени контракт с вооружёнными силами подошёл к концу и Пётр Петрович отправился на вольные хлеба.

В течение нескольких лет он работал охранником, курьером и сторожем, пока в один чудесный день астрологический прогноз – «сегодня ваша жизнь перевернётся» – не совпал с предложением о работе от бывшего однополчанина.

Жизнь перевернулась.

Петра Петровича взяли работать генеральным директором в ООО «Студеный ручеек» – компанию по продаже сантехники.

Время до обеда Пётр Петрович посвящал изучению прогнозов для своего знака зодиака, а также для перспектив своей компании. Стабильный заработок и многолетний опыт позволили добавить к печатной продукции несколько сайтов в интернете, подписку на прогнозы от известных астрологов, а также членство в закрытом клубе людей, увлечённых гороскопами.

После обеда Пётр Петрович выходил к сотрудникам.

Словно строгий учитель во время контрольной работы, он проходил между столами, раздавая необходимые распоряжения: «Надо сосредоточиться на работе. Соколов! Твоему отделу надо увеличивать продажи. Никому не расслабляться, сейчас очень сложный период.»

Сложным он был каждый день, никто не расслаблялся, все старались увеличить продажи. Распоряжения редко менялись, менялись только сотрудники, которым они предназначались.

...каждый день гороскоп пророчил что-нибудь судьбоносное. Встречи и вызовы, на которые Пётр Петрович отвечал достойно!

Глава 10 Три корочки хлеба

– Я только что поговорила с нашим инженером, – начала Верочка, когда они с Ванванычем закрылись в его кабинете. – Голованов сказал, что выход на крышу есть только у нас.

– Ну и что нам это даёт? – спросил Ванваныч, стоя к Верочке задом, а к инь-ян передом.

– Голованов говорит, что на крыше стоят кондиционеры, – Верочка немного помялась и продолжила. – Ну, я и подумала, что мы можем им отключить парочку, в качестве наказания.

Ванваныч оторвал мутный взгляд от инь-ян и быстро заходил по кабинету, потревожив дымные струи, залетевшие в кабинет из коридора. Наконец он остановился перед экраном работающего телевизора.

Объявляли о начале кулинарного ток-шоу с политическим уклоном и аллегоричным названием – «Три корочки хлеба». Ведущий в тесном красном пиджаке, весь налитой и розовый, раздобревший явно не на остатках хлебопекарной продукции, стоял перед камерой. В перспективе за ним расположились два стола разного цвета – красный и белый.

– Из-за санкций стол россиян оскудел, – ведущий остановился и сделал два огромных глотка воды.

Ванваныч видел, что ему нехорошо, и вполне возможно из-за скудного стола.

Чтобы заполнить паузу, пока ведущий восполнял недостатки воздуха после глотков, ассистент подал знак, и зал заплодировал. Ведущий поклонился настолько низко, насколько позволял живот, и продолжил:

– Так вот, сегодня у наших столов будет сложное задание, – камера показала два стола. За первым находился Свинобоков в белом колпаке, за вторым знакомое лицо с козьей бородой и кепкой наоборот. Ванваныч не мог вспомнить, кто это, и поэтому лицо расплывалось. Что там делал Свинобоков, Ванваныч также не знал, так как тема шоу всё-таки не по строительной части.

– Сегодня из самых обычных продуктов им придётся приготовить вкусное блюдо, – продолжал ведущий. Камера отъехала и взяла крупным планом то, что было на столе знакомого лица.

На широкой столешнице, под дуб красный, с мойкой и конфоркой лежали не совсем обычные продукты: гусятинная печень фуа-гра, икра красная горбуши малосольная, небольшой кусок осетрины свежей, шпинат зелёный, соус бешамель, грибы белые, паста в барашек итальянская и много непонятных баночек и пакетиков. Над всем этим возвышались два хрустальных бокала и бутылка красного.

Камера переместилась к столу Свинобокова. Бывший депутат как раз смотрел на стол оппонента и сглатывал слюну. В депутатской столовой оказалось поскромней. На белой столешнице лежали действительно обычные продукты, а

именно: две картошки синие глазки, два яйца куриные вторая категория, одна луковица репчатая, горчица, пакет перловки и три корочки хлеба. Рядом стояла банка маринованных помидоров и бутылка беленькой. И то, и другое было наполовину пустым, ну или наполовину полным, кому как нравится.

Ведущий подошел к Свинобокову.

– Ну а теперь, по задаче нашего конкурса, белые должны доказать красным, что из любого... – ведущий откашлялся. – Прошу прощения, любых продуктов можно приготовить очень вкусное и полезное блюдо. Итак, начинается война – белые против красных! – Ведущий витиевато взмахнул левой рукой и подмигнул Свинобокову.

Ванванычу стало понятно, ведущий ангажирован, а банка и бутылка – это их со Свинобоковым рук дело. Директор уже забыл о Верочке и полностью ушёл на войну. Сторону Ванваныч не выбрал, решив оставаться беспартийным.

Верочка сопела сзади.

На голубом экране мерцали события.

Камера отъехала от удивлённого Свинобокова, который держал в руках луковицу репчатую и явно не понимал, что ему делать, и переместилась в центр зала, куда вышло знакомое лицо с козьей бородой и кепкой наоборот.

Вместо того, чтоб по правилам конкурса готовить вкусное и полезное, в левой руке знакомое лицо зажимало бокал вина, а правой ладонью производило движения, как буд-

то что-то загребало. Обе руки пестрели наколками до локтя, что пестрело дальше – оставалось загадкой, так как плечи скрывались за короткими рукавами кожаной рубашки. Заиграли басы и знакомое лицо приседая и загребая рукой застонало песню:

Мы с тобой, крошка, навеки вместе.

Мы с тобой, крошка, будем делить крошки.

Каждую крошку мы разделим, крошка.

Так нашу жизнь соберём по крошкам.

Опять мне на грудь насрали кошки.

Здесь лицо интенсивно поскребло воздух раскрытой ладонью правой руки, будто оттирало столешницу от чего-то вкусного и полезного, после чего застонало продолжение:

Каждая капля – в тебе лишь крошка.

Каждая крошка – в тебе лишь капля.

Далее лицо исполнило куплеты про капли, чередуя их с крошками, добавило пару куплетов об анатомии человека и закончило опять крошками. В конце зал разразился овациями, а лицо немного пригубило.

Ведущий, видимо, тоже забыл имя, сверился с листками на планшете и громко объявил:

– Рэпер Хумус! – Ванваныч узнал, и лицо немедленно об-

рело очертания.

Свинобоков, так и не придумав, как совместить крупу перловую и два яйца куриные вторая категория, и зачем ко всему этому горчица, попросил микрофон.

– Сколько же стоит это пакет? – начал он, заплетаясь, и не осталось никаких сомнений, куда испарилась ещё четверть беленькой, пока исполнялась популярная песня о крошках и каплях. В руках он тряс рваный пакет перловки, из которого в разные стороны летела крупа.

– Сколько, я вас спрашиваю? – но ему никто не ответил. Ведущему было всё равно, он пил воду, а рэпер, проголодавшись после выступления, ел гусиную печень на хрустящем хлебе.

Политический уклон программы обеспечивал один Свинобоков:

– Я вам отвечу – дорого! Сегодня жрать от пуза могут позволить не все, вернее, позволить могут не только лишь все, мало кто может так шиковать¹⁴, – Свинобоков снова потряс перловкой над головой. – Всё почему? А всё потому, что понаберут кредитов, а проценты надо отдавать. А где деньги взять? Берут кредит. А дальше что? Проценты отдавать. Правильно, опять кредит. А ведь проценты опять отдавать. А деньги где взять? Правильно, снова кредит.

Бывший депутат замолчал и задумался, потому что не знал, как выбраться из долговой ямы, в которую сам же себя

¹⁴ Аллюзия к высказыванию мэра Киева Виталия Кличко

и посадил. И зачем в руках перловка, которая не укладывалась в круговорот кредитов в природе.

Он беспомощно посмотрел на ведущего, который не обращал внимания на политический монолог и вместе с Хумусом хвалил на камеру грибы белые с соусом бешамель, запиная красным из хрустальных бокалов.

– Чёрт с ними, с кредитами. Плюньте на них, – нашёл как избавиться от долгов бывший депутат. – Кредитом больше, кредитом меньше. Вопрос сейчас в другом. Политическая обстановка в мире пугает. Банковской тайны нет, сало – контрабандный продукт, а санкции давят на грудь рабочему классу, – Свинобоков прижал руки с перловкой к груди и помотал головой. – Даже простой народный избранник не может позволить себе ничего, кроме обычных продуктов. А что видим мы? За красным столом жуют ананасы.

– Позвольте, ананасов не было, – запротестовал ведущий и начал сверяться с бланками на планшете.

– Вы когда-нибудь варили кашу из топора? – набросился Свинобоков на рэпера, решив опять перевести политический уклон в кулинарную плоскость.

– Что Вы имеете в виду? – Хумус оглядел свой стол с не совсем обычными продуктами и, видимо, не найдя подходящего ингредиента, устался на депутата.

– Не знаете, потому что привыкли жрать от пуза! – ответил Свинобоков.

В ответ на новые обвинения, рэпер изучил свой впалый

живот, но и там не отыскал ничего подозрительного.

– Об этом Вам не стоит говорить, Вы привыкли только людям боль чинить, – срифмовал Хумус свои возражения. Зрительный зал почувствовал ритм и начал прихлопывать в такт, а рэпер было собрался поскрести рукой и поприседать, но отмахнулся от соблазнительной затеи и гордо поднял голову. Козья борода обличающим перстом указала на бывшего депутата. – Вы привыкли людям боль чинить.

– Я не поселковый стоматолог, я представлял ГосСмрад-ЦементНаряд. Какую боль я мог им причинить?

Теперь уже Хумус выступил в качестве обвинителя.

– Вы украли у людей город-сад! Я очевидец грязных махинаций, так как вырос в трущобах по-соседству с «Дворянским гнездом», – обличил его исполнитель.

– Ты обвиняешь меня в воровстве, щенок!? – Свинобоков отбросил прочь остатки перловой крупы и вышел вперед стола. – Я не вор-урбанист тебе какой-то, а эксперт по строительной части. Как я мог украсть у людей город с садом?

Хумус аккуратно отложил в сторону багет, густо намазанный фуа-гра и тоже вышел из-за стола. Стала видна разница весовых категорий. Рэпер выглядел как козлёнок, который решил сразиться с упитанным боровом.

Между оппонентами стоял ведущий с белым грибом на вилке в одной руке и бокалом красного в другой.

Хумус начал нащупывать ритм.

Хей, нас всех обокрали, брат

В глубине чужого кармана растворился наш город-сад

Здесь творчество взяло верх над инстинктом самосохранения и Хумус, загребая и шкрябая воздух руками, на полусогнутых ногах двинулся на Свинобокова.

Популярный исполнитель весь пришёл в движение. Тело дёргалось в ритм стихотворного ямба. Колени сгибались и разгибались, таз описывал круги над коленями, плечи ходили из стороны в сторону, а голова в противоположную сторону от плечей. Зрители синхронно наклонялись то вправо, то влево и хлопали в такт.

Но мы не сдадимся, брат

В глубине чужого кармана отыщем наш город-сад

Засучи рукава, мой брат

Пошарим в чужом кармане и себе вернём наш город-сад

Мы заберём из чужого кармана последние крошки

Я позволю на мобилу тебе, моя крошка

В конце прослеживался явный кризис жанра, но было уже поздно. Хумус обогнул ведущего и вплотную приблизился к бывшему депутату.

Современное творчество не произвело на Свинобокова никакого впечатления. В родстве с Хумусом бывший депутат не состоял, крошкой себя не ощущал и звонка ни от кого не

ждал. Близости с обвинителем не выдержал и разошелся.

Свинобоков взял рэпера за шиворот и поднял над собой. Рукава кожаной рубашки задрались, а швы лопнули. Стало понятно, что наколки пестреют дальше и вообще везде. После этого, исполнителя «крошки» переложили спиной на стол, а в рот поместили одну из «анютиных глазок», сделав сомнительным дальнейшее исполнение шлягера. С треском и жёлтыми кровоподтёками разлетелись об лоб два яйца куриные вторая категория.

Свинобоков тоже не был лишен творческого взгляда и немного отстранил Хумуса, чтоб поглядеть на результат со стороны. Между жёлтым сверху и жёлтым снизу блесло золотое кольцо в носу. Довольно крякнув, бывший депутат пошарил рукой в поисках чего-нибудь необычного, но все продукты на его столе оказались обычными, ничего занимательного не нашлось, а горчица стояла закрытая. Свинобоков опять схватил Хумуса, и война красного и белого перешла на сторону красных.

В это время, стоявший в оцепенении ведущий начал умолять разойтись стороны конфликта.

– Господа! Хотя и с политическим уклоном, но шоу у нас кулинарное. Просьба белым прекратить насилие, освободить красных и отступить на свою территорию.

Зал взорвался аплодисментами, и схватка разгорелась с новой силой.

Оказавшись на своей территории, Хумус изловчился и от-

правил бешамель в голову противника. Но Свинобоков увернулся и соус просвистев мимо, разлился по полу. Бросок оказался первой и последней попыткой красных исправить ситуацию. Сторона белых выглядела сильнее и идеологически лучше подкованной.

В голову рэпера полетело всё: икра красная горбуши малосольная, небольшой кусок осетрины свежей, шпинат зелёный, грибы белые, паста в барашек итальянская и много непонятных баночек и пакетиков, предварительно откупоренных подвижной рукой музыканта. Багет с фуа-гра бывший депутат отложил в сторону.

Свинобоков снял белый колпак с головы, водрузил его сверху необычных продуктов и сделал передышку, во время которой в один приём осушил бутылку красного.

Ведущий, стараясь прекратить столь явный перевес, пытался разнять красных и белых, но упал, поскользнувшись на французском соусе. Он барахтался на полу как черепаха, перевёрнутая на спину.

Ток шоу выходило из-под контроля. Камера взяла общий план, раздались аплодисменты.

Началась рекламная пауза.

Огни студии сменились абсолютно белым девственно-чистым экраном.

Краснощёкий клоун с оранжевыми волосами бегал по белоснежному полу. Он держал в руках шарики тёмного цвета. Клоун остановился напротив Ванваныча, глядя ему в глаза,

проколол спицей один из них и истошным голосом завопил:
– Дермоциклин!

Приятный голос за кадром повторил: «Дермоциклин – слабительное номер один в мире. Обедайте вместе с Дермоциклином, и он избавит вас от обычных продуктов в считанные секунды. Дермоциклин – выбор настоящих гурманов!».

Далее клоун убежал, оставляя на белоснежном полу тёмные резиновые остатки.

Клоун пробежал подряд ещё семь раз и семь раз истошно огласил кабинет Ванваныча своим воплем. Производители явно хотели донести до зрителей кровную необходимость данного продукта.

Непонятно, что послужило причиной – плохая память или любовь к искусству – но Ванваныч досмотрел рекламу до конца, выключил телевизор и обернулся. На лице сияла плотоядная решимость хищника, которому выпал шанс поужинать слоном.

– Отопление зимой, охлаждение летом, кондиционер, штраф за неправильную парковку. Что ж. Будем вводить санкции! – Ванваныч так быстро заходил по кабинету, что дым от палочек превратился в маленький смерч. – Точно, санкции! – ещё раз прошептал он. – Не зря Вы едите свой хлеб, Верочка, не зря.

«Да я на работе-то всего полчаса», – подумала Верочка. – «Какой ещё хлеб?»

– Я готова, Иван Иванович, отстаивать интересы нашей

компании! – вслух озвучила она.

Ванваныч застыл перед Верочкой. Волосы по бокам проплешины торжественно торчали во все стороны. Казалось, что сейчас пройдёт официальное награждение с присвоением Верочке внеочередного звания.

– Позовите мне Голованова, срочно! И да, Вера, приступайте к своим непосредственным обязанностям. – ограничился он.

В дверь заглянула улыбка Милы.

– Иван Иванович, Вы не находили документы на отгрузку джакузи? Из курьерской службы «Цунами» представитель ждёт.

– Что ещё за Цунами?

– Неделю назад у нас джакузи купили, три штуки. Вот, приехал курьер, а куда положила накладные, не помню. У Вас нет случайно?

– Распечатайте заново.

– Не могу, там паспорта на продукцию, – Мила улыбнулась ещё шире.

– Мила, Вы вечно всё разбрасываете по всему комплексу. Сами ищите. И вот наш новый сотрудник, примите у неё документы.

Верочка вышла за бухгалтером и отдала ей копии документов, которые носила с собой. Милу в её кабинете, она застать не смогла.

Мила засунула папку под мышку и, не отрываясь от экра-

на, с улыбкой пошла по коридору.

– Пойдём, Цунамец! Посмотрим на первом этаже, я там тоже вчера чай пила с подружками, – юноша засеменял за ней.

Глава 11 План нападения

Поле боя в дыму. Клубы едкой сажи заволокли горизонт от края до края. Солнце тусклым, бледным бельмом то появляется сквозь черноту, то исчезает. Повсюду лежат ржавые канализационные трубы, валяются осколки раковин и унитазов. Из искорёженного взрывом двухметрового смесителя сочится ржавая вода. Беда. Основное оружие вышло из строя. Слышатся стоны раненых. С другой стороны поля брани сквозь дым доносится лязг оружия и чёткие отрывистые команды. Противник готовит новую атаку. Может быть это последняя и решающая битва. Кто знает?

Ванваныч сидит на золотом трофейном унитазе, который отобрали у неприятеля ещё в прошлом бою. Унитаз не простой, и дело даже не в золоте. Этот унитаз приносит удачу в битве. Усатый неприятель знает об этом и собирается вернуть его любой ценой.

Вокруг Ванваныча суетится полногрудая медсестра в халате на голое тело. Она бинтует своему полководцу рану на голове. Когда медсестра переступает ногами, слышен жуткий скрежет её лакированных туфелек по колотой итальянской плитке. Звук болью отдается в раненой голове военачальника. Простреленную руку Ванваныч положил медсестре на задницу. Ничего личного – так болит меньше.

– Не волнуйся, сестричка, отстоим! Отстоим наши пози-

ции! Пусть только попробуют, – Ванваныч похлопывает медицинского работника по аппетитному заду. У девушки подрагивает нижняя губа, влажные глаза с любовью смотрят на полководца.

Ванваныч отстраняет медсестру рукой, встает и запрыгивает на джакузи. Когда-то джакузи имело гидромассаж спины и ног, подсветку. Сейчас это обгорелое разбитое корыто. Идёт война, ничего не попишешь.

Сотрудники в оборванной одежде, с грязными лицами жмутся к ногам полководца. Кто-то всхлипывает, кто-то рыдает. Но Ванваныч холоден и полон решимости.

– Что? Боитесь? – он обводит своих людей взглядом. – Труссы! Ванваныч поворачивается к ним спиной, смотрит вдаль, стараясь разглядеть за дымом войска противника.

Там сейчас должно быть жарко, очень жарко. Но мы им добавим ещё жару! Они окажутся в адовом пламени! Ха-ха, ха. За дымовой завесой слышен скрип. Пора. Последний бой.

Ванваныч воздевает руки к небу, и вселенная наполняет энергией израненное тело полководца. Ещё немного, осталось совсем чуть-чуть, и он направит белые молнии в сторону врага. Как громовержец будет безжалостно жечь всё живое, но отстоит золотой трофей.

Из дыма появляется огромное чудище. Ванваныч собирает последние силы и с криком, исходящим из самой глубины его истерзанного тела, направляет всю энергию против

исполина.

– Вызывали, Иван Иванович? – говорит чудище человеческим голосом.

Поле боя медленно исчезает. Кабинет начинает принимать очертания. Джакузи, как будто пробило полночь, превращается в стол. Медсестра с диким злобным смехом исчезает в дыму. Полководец вспоминает, что «медсестра» написала заявление ещё месяц назад и уже не работает в фирме. Трубы и осколки унитазов воронкой уносятся в образовавшийся временной портал. Ванваныч сглатывает вязкую слюну. Он стоит на столе, в руке фляжка с коньяком, а перед ним в тумане дверного проёма стоит Голованов.

– Вызывали, Иван Иванович? – повторил вопрос ещё раз инженер по коммуникациям.

Бывший полководец уже пришёл в себя, слез со стола и поправлял костюм с галстуком, которые незначительно помялись во время боевых действий.

– Ты у нас инженером работаешь, Голованов? – Ванваныч уставился в бороду чудища снизу-вверх.

– Ну да вроде.

– Что значит вроде?

– Ну да, инженером... вроде.

– Не просто инженером, а инженером по коммуникациям, – Ванваныч с трудом понимал круг его обязанностей, Впрочем, как, наверное, и сам Голованов, но слово «инже-

нер» рисовало перед Ванванычем образ чего-то огромного, металлического, со всякими рычагами и кранами. И во всех этих рычагах кто-нибудь разобрался.

– Послушай, Голованов. Ты, конечно, знаешь, что за нами закреплено место на парковке перед офисом, – начал издалека бывший полководец, – там тоже всё организовано по правилам Фэн-шуй. А наша компания строго придерживается этих правил. Голованов, ты ещё с нами? – Ванваныч пощёлкал пальцами около бороды инженера.

– Ну да, – вздохнул Голованов, оторвавшись от созерцания потолка. – Только у меня нет ни автомобиля, ни водительских прав, ни места на парковке.

Ванваныч понимал, что Голованову наплевать на парковку, Фэн-шуй и правила, по которым строилась эта парковка. Да и какие могут быть водительские права при двухметровом росте и весе мраморного бычка перед забоем. На каком автомобиле он будет сдавать экзамены? На самосвале? И где этот самосвал он будет парковать? Нет, такие закидоны ни один Фэн-шуй не потянет.

Ванваныч подошёл к окну.

Внизу, обычно полупустая парковка к одиннадцати утра набилась под завязку. Стальные тела машин заполнили все газоны и тротуары. На большой камень в центре зелёного островка под окнами кабинета заехал огромный черный пикап, растоптав передним правым колесом всё, во что по легенде верил Ванваныч.

– Голованов, ну вот иди сюда, посмотри, – Инженер подошёл. – Это что, по-твоему, парковка? Они что, в тумане парковались? Под руководством слепого экспрессиониста. Набросал тут палитру, видите ли; красное налево, зелёное направо, здесь плесканём жёлтенького. Свалка тщеславия, а не парковка! Атрибуты мнимого благополучия.

Ванваныч открыл окно, уперся руками в подоконник, набрал воздуха и плюнул в сторону черного пикапа. Плевок игриво сверкнул на солнце и точно приземлился на лобовое стекло автомобиля.

Директор довольно крикнул.

– Отлично! Правильней было бы подойти к вопросу посерьёзней, но здоровье уже боюсь не то, не добыю, – Ванваныч повернулся к инженеру. – Голованов, может ты попробуешь?

– Что?

– Что-что? Всё объяснять надо. Может до тебя, как до жирафа доходит? Ну ты тогда приседай, когда со мной разговариваешь, глядишь, понимать начнёшь, а там и зарплата вырастет.

Голованов весь как будто втянулся и обмяк одновременно, став немного ниже.

– Вот уже лучше. Повторим вопрос, Голованов, ты когда-нибудь ссал из окна генерального директора?

– Что Вы имеете в виду?

– Боже мой, – Ванваныч взялся за голову. – С одной проблемой разобрались, появляется вторая. Голованов, что тебе

непонятно в словах «ссать» и «окно директора»? Мне казалось, что я виртуозно увязал художественный смысл.

– Да мне понятно. Просто не понятно, зачем? – промычал инженер и замолк.

– Неплохо, уже теплее, даже появились вопросы по теме. Отвечаю. Встаешь ногами на подоконник и разбрызгиваешь вон на ту чёрную машину. Задача-то несложная, Голованов, всего два действия, уверен, ты справишься. Здоровье у тебя отменное, силы хоть отбавляй, сухого места не останется. А как в окне будешь смотреться! Лепота! Могуч, статен, с бородой! Если хочешь, сделаю снимок на память, фотографию разместишь в рабочем портфолио. Давай лезь уже, у тебя ещё дел много.

– Я не хочу, – Голованов начал пятиться к двери.

– Чего ты не хочешь, чудовище? Фотографию? Ладно-ладно, не паникуй. Не хочешь – не надо, другого Голованова найду. Господи, как же прав был Ипполит. В нас пропал дух авантюризма, мы вообще перестали лазить в окна¹⁵.

Ванваныч решительно закрыл окно.

– В общем так, Голованов, среди нас двоих ты один приличный басурманин, тебе и разбираться с негодяями! Не хочешь работать силой массы – будешь работать силой головы. Ты, я знаю, постоянно налаживаешь что-то на крыше?

– Там много дел, – насторожился Голованов.

– Вот и хорошо. Одним делом больше будет. Иди на кры-

¹⁵ Аллюзия к словам Ипполита из фильма Э. Рязанова «С лёгким паром».

шу и отключи негодьям из «Студёного ручейка» кондиционеры. Задача предельно простая – наладить наличие отсутствия присутствия холода.

– Но, Иван Иванович, я не могу это сделать, – начал сопротивляться Голованов. – Кондиционеры не наши, а общие. Татьяна Алексеевна не одобрит, вызовет главного инженера. Они меня просто убьют.

– Может и так, Голованов, но для потомков ты останешься героем. Поверь, им будет наплевать на твой жизненный статус. А коллектив «Жёлтого ручейка» тебя не забудет, в память о героической жизни выпустим стенгазету. Тебе даже лучше умереть, не придётся ходить на встречи с почитателями. Голованов, хватит канючить. Это приказ, а на войне приказы не обсуждают. Пора наконец послужить родной компании и оправдать вложенные в тебя средства. Ты уже всех монстров в своём телефоне убил, теперь потрать свою силушку богатырскую на благо общества.

– Но я даже не знаю, что где отключать, – у инженера по коммуникациям дрожал голос.

– Мне наплевать. Ты либо увольняйся, либо наконец стань инженером. А раз ты инженер, тебе и думать, как там плюс на минус поменять. Кстати! Сегодня Никанорыча нет, я точно знаю, никого Татьяна Алексеевна не позовёт. А вечером вернёшь минус с плюсом на свои места, Никанорыч никогда и не узнает. Вопросы есть?

– Да нет вроде, – вздохнул Голованов.

– Тогда иди поднимать занавес. Спектакль в разгаре, и представление уже идёт во всю. Не надо портить нам с Пьеро чудесный день.

Голованов вышел из кабинета.

Перед глазами разрушалась привычная жизнь.

Такой чудесный день, и ведь надо же попасться на глаза этой новой бабе в розовом. Как она нашла-то его?

Сколько он работал в компании, столько о нём никто не вспоминал. А теперь что делать? Как было хорошо на крыше. Никто не дёргает, сиди себе спокойно.

Что же делать? Может сказать, что не получилось? Так ведь уволят же. А где такую работу найти? Везде просят корочки, аттестаты, допуски. Ладно, попробую. Открою щиток, посмотрю, если ничего страшного, то поменяю пару проводов. В конце концов, что случится?

Глава 12 Жилищная контора «Дворянское гнездо» накануне чудесного дня

Разница между московским июльским вечером и июльским днём существовала только в расположении стрелок на часах. Больше отличий не наблюдалось. Удушливый зной терзал москвичей как днём, так и вечером. Солнце светило высоко, город гудел, вокруг «Дворянского гнезда» изумительно пахло навозом. Насыщенный аромат нежно ласкал ноздри местных жителей.

Рядом с дверями управляющей конторы бурлила благородная кровь обитателей комплекса.

– У Вас тоже нет? Полнейшее безобразие, – говорил женский голос. – Только вернулись с фазенды, а воды опять нет. А в туалет как прикажете? Три часа в пробках. Я сюда бегом разбираться, а муж наверху страдает. Он у меня между прочим заслуженный человек.

– Чего он страдает? Мои вон, в рощицу пошли, – перебил голос опытного «дворянина».

– Воды надо было налить заранее, каждый раз такое в выходные. Мы теперь уезжаем, наливаем в ведёрки, – говорил третий голос.

– Двадцать первый век на дворе, наливают они в ведёрки.

Не припомню такого, – скрипел древний представитель дворянского рода, тряся петушиным висячим подбородком. Я видел Первую Русскую Революцию¹⁶ещё в сознательном возрасте, даже в те времена такого не было.

– Не хотите воду наливать, идите в рощу садитесь, пока все места не заняли.

– А Вы чего здесь околачиваетесь, если ведёрки налили?

– Жалобу писать буду. Входящий номер поставлю, а копию письма себе. В суд подам на этих варваров.

– Верно! В следующий раз надо вместе письмо написать. Да, господа? А потом коллективно идём в суд. Я покупал квартиру в элитном доме, обещали солидных соседей, а в итоге в рощу зайти невозможно.

С грохотом распахнулась дверь, из конторы выбежал посетитель с бланком в руках, жена заслуженного человека рванула в кабинет.

Сразу при входе женщина упёрлась в стол с электрическим чайником. За ним сидела дама средних лет в белой театральной рубашке времён Екатерины Великой и юбке до колен, обтягивающей заматеревшую в административных кабинетах задницу. Из-под юбки виднелись две поросячьих голени в туфлях.

Помещение конторы представляло собой вытянутый от окна до двери прямоугольник со стенами голубого цвета, под стать благородной крови обитателей гнезда.

¹⁶ Первая Русская Революция 1905-1907 гг.

По диагонали из угла в угол перекатывался пожилой управляющий конторы Ханырин, осуществляя моральную поддержку двум передовицам домашнего хозяйства.

– Нет, ну а как он хотел? – прокомментировал Ханырин предыдущего посетителя, протёр голову шёлковым платком, развел руками в стороны и помотал головой.

Управляющий представлял собой идеальный шар, из которого произрастали необходимые человеку конечности. Центр шара с радиусом сантиметров семьдесят располагался в районе желудка. С протёртой от возраста макушки Ханырина спускалась гармошка из складок, по которой горным ручейком стекал пот. Мокрыми от пота были клетчатая рубашка а-ля передовик колхоза и льняные штаны до середины голени, мода на которые пришла из «дикого зарубежья». Из-под штанов торчали две ноги в серых носках и советских сандалиях.

Вся жизнь управляющего прошла в тесной связке с коммунальным хозяйством, на котором, если не наврал доктор, он съел целого сенбернара. Грандиозный размах жилищно-коммунальной деятельности Ханырина в период развитого социализма съёжился в наши времена до обычных должностных инструкций по уборке двора, ремонту коммуникаций и сбору платы за пользование благами цивилизации.

За долгие годы ответственной службы Ханырин отработал идеальный стиль работы с посетителем. После отвода или отказа в просьбе управляющий разводил руками в стороны

и спрашивал: «Нет, ну а как Вы хотели?». Когда же посетитель уходил, Ханырин сокрушенно мотал головой со словами: «Нет, ну а как он хотел?» – или «как хотела она», если проситель женщина. Навыки работы с клиентом Ханырин передал сотрудиникам управляющей конторы.

По сравнению с улицей в кабинете было прохладно, но очень душно и влажно. Маленький кондиционер натужно ревел пыльными соплами, грозя в скором времени сдохнуть.

На стенах конторы висели немногочисленные предметы, а именно: часы пластмассовые, фотография Ханырина на рыбалке, фотография Ханырина по грибы, фотография Ханырина на охоте, фотография Ханырина на самокате, ещё штук десять фотографий Ханырина на разных вручениях грамот, календарь на прошлый год и плакат рэпера Хумуса с крупной надписью «моим землякам».

Вдоль левой от входа стены стоял шкаф – ровесник Октября. В нём хранились деловые папки с подписанными корешками: входящие, исходящие, приходящие, канализация, берёзовая роща, ремонт.

– Что у вас? – дама в театральной рубашке строго глядела на посетительницу.

– Как что? Воды нет опять!

– Понятно. Сейчас разберёмся. Галюш, дай я гляну журнал отключений, – обратилась первая дама к своей копии за соседним столом.

Обе дамы синхронно встали и зацокали на каблуках на-

встречу друг другу. Посередине они кивнули головами и, цокая как лошади на булыжной мостовой, поменялись местами.

За новым столом первая дама долго смотрела в монитор и водила компьютерной мышью.

– Наверное всё-таки не здесь, – пришла она к выводу.

Она встала и поцокала к одному из шкафов. Пыхтя вытащила несколько папок, вернулась обратно.

– Так, здесь тоже нет.

Произошла процедура возврата папок.

– Галюш, дай я вернусь на своё место, в ящиках посмотрю.

Обе дамы встали, и произошел цокающий обмен в другом направлении.

Первая дама порылась в ящиках стола, но опять ничего не нашла.

– Хорошо, не волнуйтесь. Вот Вам бланк. Составьте заявку по образцу в коридоре за дверью и на неделе занесите нам. Не переживайте, разберёмся, как только найдём документы.

– Нет, ну а как Вы хотели? – развёл руки Ханырин.

Со следующим посетителем повторилась аналогичная процедура.

Судя по всему, ритуал не менялся годами. Если бы Ханырин мог, то запатентовал бы его как идеальное решение коммунальных вопросов.

Зазвонил телефон, какой-то удачливый дворянин прорвался на линию.

Галюша взяла трубку.

– Управляющего мне, – без дежурных приветствий потребовал мужской бас и сразу представился женским именем. – Мадам Ахова Кларета Михайловна.

Галюша пожала плечами и передала трубку Ханырину.

– Мадам Ахова на той стороне.

– Хорошо только мадам, а не баронесса, – пробормотал управляющий в сторону. – Слушаю, Ханырин у телефона.

– Послушайте, Ханырин, я устала уже звонить в вашу службу. Постоянные проблемы. Вы дождётесь у меня, я сообщу об инциденте наверх.

– Что случилось, мадам? – спросил Ханырин с французским прононсом. – Я весь во внимании.

– Я не могу искупать графиню, у нас в квартире пропала вода.

– К Вам приехала внучка, мадам?

– Графиня – йоркширский терьер, между прочим из самой Англии, её прабабушка знавала Черчилля. Ути моя крошка.

– Вы это мне или Черчиллю?

– Болван!

– Я Вас понял, мадам, работы ведутся, но точных сроков окончания мы сказать не можем. Советую для Черчилля заказать воду в магазине, – Ханырин повесил трубку.

– Нет, ну а как она хотела?

Никто, конечно, не собирался ничего устранять. Это было

попросту невозможно.

Когда строили квартал, то заказали проект со всеми расчётами, в тогда знаменитом бюро «Ласкин и его город» под руководством самого архитектора Ласкина.

У архитектора водились серьёзные связи в мэрии, где он согласовывал проекты своего бюро. Поэтому многие обращались именно к нему.

Компания-заказчик приехала в бюро на дорогих машинах, все в костюмах и галстуках. На улице встречали хлебом-солью, но внутри ели икру и разливали шампанское. Ласкин произнёс торжественную речь:

– Сегодня исторический день. Мы закладываем фундамент нашего с вами будущего, господа. Конечно, пока на бумаге, но в скором времени стены «Дворянского гнезда» станут реальностью и символом новой эпохи. Поднимем бокалы, господа.

Посвятив почти две недели грандиозной попойке, приступили к разработке проекта.

После представления первого варианта в бюро приехал глава компании-заказчика, прилично одетый, с костюмом и галстуком. Они заперлись с Ласкиным в кабинете и долго совещались.

Проект решили исправить. Убрали подземные парковки, красивые подъезды и оставили два лифта вместо шести на подъезд. Также отказались от межкомнатных перегородок, что через многие годы стало ноу-хау современного строи-

тельства.

Но и этого главе компании-заказчика показалось недостаточно. Строительство всё равно обходилось слишком дорого.

Ласкин насмерть ругался со всеми представителями, которые приезжали в костюмах и галстуках. И наотрез отказался вносить дополнительные изменения.

– Мы дорожим своей репутацией, и меня там не поймут! – сказал Ласкин указывая пальцем наверх.

Ни глава, ни представители больше не приезжали. Вместо них закладывая фундамент будущего прибыли спортивные парни без костюмов и галстуков.

Ласкина положили в багажник и увезли на три дня.

Когда он вернулся, то из «реальности новой эпохи» убрали всё лишнее, оставив в проекте только красивые фасады и название.

Наверху намек поняли и подписали проект в работу.

При возведении «Дворянского гнезда» выяснилось, что убрали не всё. Поэтому с «лишним» категорически боролись по ходу строительства.

Как сказал один из прорабов: «Будущим дворянам ходить в уборную следует только по крайней необходимости».

– Нет, ну а как они хотели? – резюмировал финал стройки Ханьрин.

В выходные дворяне обычно сидели дома и пользовались всем подряд без крайней необходимости. Включали чайники,

смотрели телевизор и скорее всего ночевали в уборной. А в такую жару всем дворянским кагалом лезли в холодный душ. Вода просто не успевала дойти до последнего этажа, где жила мадам Ахова. Из-за труб диаметром меньше чем нужно, вода вообще с трудом доходила до половины дворянских квартир.

Поэтому выходные и праздники Ханырин не любил.

Ещё один звонок вывел управляющего из тяжких раздумий. Он сам подошёл к телефону.

– Ханырин, ты там спишь или трубку боишься взять? – начал весёлый голос. – Что, дворяне беснуются? Понимаю, жара, в это время они беспокойные, кровопийцы эти.

– А, Богданов, у тебя тоже сортир засорился? – узнал Ханырин директора ремонтной бригады.

– Нет, мой сортир обычный, советский. Система выдерживает мощь рабочего класса. Проверили тремя поколениями, – засмеялся Богданов. – Слушай, у меня экскаваторщик повредился в субботу на шашлыках. Играли в Мушкетёров, дебилы. В общем гвардейцы оказались сильнее, а этот придурок в больнице. Я помню у тебя этот, как его, Оберзяев вроде могёт. Да и корочка у него есть. Дай его на понедельник, у меня работа там в одном офисном комплексе образовалась.

Ханырин почуяв запах наживы, подал знак дамам, чтоб они пока никого не пускали в кабинет.

– Что значит дай? На Оберзяеве весь уклад дворянской жизни держится. Без него супостатов оставишь – беды не

миновать. Без воды голубая кровь всем сословием в рошице осядет, штаны спустит и дворянское собрание там на короточках проведёт. Неизвестно, чем дело закончится. Может, и бунт поднимут. Дворянин сейчас тёмный пошёл, несознательный. Чуть что, за телефон хватается и давай трезвонить знакомым князьям. Дорого мне их жалобы обходятся. Не дам, Богданов, не умоляй.

– Ладно тебе, договоримся, свои люди. Что ты сразу, не дам? Отплачу, в долгу не останусь.

– И что же ты предлагаешь? – оживился Ханырин.

– Ты скажи, что сам хочешь? Оберзяев твой, назови разумную цену.

– У Оберзяева руки золотые, голова светлая. Работающий.

– Ты мне ещё про зубы его расскажи и историю болезни пришли по почте. У нас что? невольничий рынок? Я его в аренду беру, на день, может на два. Ханырин, давай не жадничай, а то найду в другом месте.

– Ну хорошо, хорошо, – засуетился управляющий. – Выделишь мне пару человек через недельку на фазенде септик выкопать? Душегубов сто лет назад свергли, а сами всё квадратно-гнездовым¹⁷ ходим.

– Смотрю, понабрался ты. Фазенда! – заржал Богданов. – Я тебе лучше экскаватор дам с машиной. У меня маленький, в аккурат впишется в твои шесть приусадебных соток. За час всю территорию в септик превратишь. А экскаваторщиком

¹⁷ Способ посева. Здесь аллегория.

возьмёшь работающую голову с золотыми руками.

Ханырин почесал проплешину на голове. Предложение, конечно, справедливое, на нём и подзаработать можно. Отрыть котлованы соседям, например. Единственное, что вызвало вопрос – способность Оберзьева к такому подвигу. Ханырин страшно жалел, что выгнал Петровича. Вспылил, наломал чугунных труб. Теперь делать нечего. Петрович нашёл работу у себя в Твери и возвращаться не хотел. А Оберзьев отмечал повышение и больше разрушал, чем делал, этими своими «золотыми руками». Всё разваливается. Зима близко, последняя трудовая зима.

– Хорошо, договорились! Завтра отправлю Оберзьева к тебе, – управляющий повесил трубку.

Глава 13 Чёрный квадрат

Сорнякова – Водкина

До обеда солнце озаряло своим светом офисные помещения «Студёного ручейка». Его жаркие лучи растекались по стенам кабинета Петра Петровича, разглядывая грамоты, вымпелы и разнообразные призы за участие в профильных выставках. Огненным фронтом солнечный свет плыл по карте страны с запада на восток, освещая великие реки, великие озёра и города, павшие под натиском вездесущих менеджеров из отдела продаж. Все победы скрупулезно накололи красными флажками.

На противоположной стене, за столом генерального директора висела черно-белая фотография прапорщика, ещё молодого, но уже с большими усами, лицо перемазано чёрным. В правой руке граната, в левой – автомат Калашникова. Прапорщик раскрывал пасть в немом крике, а на заднем фоне клубился чёрный дым. Внизу фотографии шла надпись: в атаку.

Пётр Петрович отлично помнил, как перед увольнением в запас они взяли в оружейной комнате автомат, учебную гранату и портупею. Подожгли крышку на пустыре, измазали лица сажей и устроили прощальную фотосессию.

Слева от фотографии находился большой портрет обрюзгшего мужчины, в камзоле восемнадцатого века. На

лбу мужчины красовалась большая волосатая родинка. Подпись внизу портрета гласила: Повелитель Млечного Пути. А ещё левее висело полотно с квадратом Малевича¹⁸, руки самого Петра Петровича. Картина располагалась точно над креслом директора «Студеного ручейка».

Рисовал свой квадрат бывший прапорщик почти неделю.

Как-то во время дружеской попойки, по случаю восьмого марта, зашёл спор об искусстве. Затронули футуризм, экспрессионизм, сюрреализм и, конечно, авангардизм с основным направлением супрематизмом. Неразрешимым камнем преткновения предстали картины Казимира Малевича, а в частности, Черный Квадрат и Белое на Белом.

К концу спора в желудке у каждого прапорщика – участника застолья находилось примерно по литру прозрачной как слеза, палёной водки.

– Просто любой дурак, – выдал Пётр Петрович, захрумкивая солёным огурцом очередной тост за «наших баб».

– Что любой дурак? – спросил сослуживец.

– Да любой дурак состряпает этот квадрат. Я понимаю там, персики на столе или баба какая, голая на кровати. А квадрат-то... Ни одного предмета на холсте. Берёшь маркер, – Пётр Петрович описал рукой зигзаги в воздухе. – Ничего сложного, а стоит миллионы! Хоть бы укроп какой положил или гранёный поставил, – он икнул, изо всех сил ста-

¹⁸ К. Малевич – Российский и советский художник авангардист, основоположник супрематизма.

раясь контролировать тяжелые веки, наполненные уже под завязку.

– Смотри, у нас художник-авангардист здесь на складе работает. Может, рисовать начнёшь? Красный квадрат Сорнякова-Водкина¹⁹!

Прапорщики заржали и налили ещё по одной.

– Во-первых, писать, – Пётр Петрович поднял указательный палец вверх и бросил на собутыльников презрительный взгляд. – Картины пишут, а не рисуют, деревня. Маслом там разным, акварелью специального цвета. А во-вторых, – очередной стакан опрокинулся в горло знатока искусств. – Малевич уже накатал Красный квадрат. Казимир вообще специализировался на квадратах. Выдавал по несколько штук в год, разного цвета. Плодовитый был бестия. Даже белый на белом изобразил²⁰. Мошенник из него хоть куда.

– Как это белый на белом?

– Не знаю. Может, денег на краски не было, а может, совсем сорвался от безнаказанности. Только эту картину американцы выкрали. Теперь ищут в ней тайный смысл.

– Ну тогда напиши свой черный квадрат! Продашь чуть подешевле, бабок поднимешь. Поторговаться конечно надо, чтоб цену набить, но какая разница коллекционеру? Если смысл не меняется, то зачем переплачивать деньги?

– Это верно, – Пётр Петрович задумался, вспомнив про-

¹⁹ К. Петров-Водкин – Российский и советский живописец.

²⁰ Белое на белом, Красный квадрат – картины Казимира Малевича.

гноз на месяц – создайте что-нибудь интересное и вы станете загадкой для людей вокруг вас. – А ведь точно, возьму и напишу картину.

На следующий день прапорщик направился в специальный магазин. Купил чёрную масляную краску, холст, мольберт, а также стопку листов ватмана, гуашь и кисти для тренировки.

Задача оказалась не из лёгких. Несмотря на видимую простоту, работа не ладилась. Пётр Петрович помогал себе линейкой, транспортиром и циркулем, старательно высовывая язык и хмуря брови. Делал контуры на ватмане, а потом закрашивал чёрным. Когда очередной эскиз бывал готов, прапорщик отходил на пару метров оценить своё произведение, но в глаза сразу бросалась фальшь супрематистского искусства. Квадрат не желал быть квадратом. То он выглядел прямоугольником, то трапецией, то фигурой, которой математики пока не придумали название. Тогда Пётр Петрович пошёл на хитрость и стал рисовать прямоугольник специально. Получалось вообще черт знает что, и прапорщик приуныл.

Через ещё пару дней он нашел в себе силы сходить в Третьяковку, где измерил все грани черной натуры рулеткой. За что его чуть не арестовали. Бдительная старушка-надсмотрщик закричала «вандалы» и засвистела в свисток. Пётр Петрович еле ноги унёс, ощутив на себе весь груз отрицания невежественным обществом полёта мысли художника-авангардиста. Об этом инциденте написали в одной из газет под

заголовком «Четырёхугольные дела».²¹

Придя домой в растрёпанных чувствах, прапорщик напился и разнёс студию в хлам. А утром, на развалинах его творческого пути, аккуратно приколотый канцелярскими кнопками к листу фанеры висел холст с идеальным черным творением.

Пётр Петрович уяснил три вещи: Малевич – на самом деле гений; к настоящему художнику озарение приходит неожиданно; а также почему люди искусства пьют горькую. Картину продавать прапорщик не стал, натянул холст на подрамник и купил дорогую, в золотой патине, раму.

Пётр Петрович Сорняков стоял у окна своего рабочего кабинета. Вид открывался на противоположную сторону от кабинета Ванваныча. После двенадцати солнце понемногу начинало скрываться за углом здания. Лучи светили косо, как будто прощаясь, и потом исчезали совсем. В час дня светило занимало полный паритет между окнами конкурирующих «ручейков». И уже после двух, сначала неуверенно, а потом во всю силу, пялилось на сюрреалистичную обстановку офиса Ванваныча, отбрасывая на пол причудливые тени фигурок богатства и плодородия.

Перед окном многонациональная бригада рабочих готовилась к вскрытию асфальта. В пятницу прорвало трубу, когда после месячного отключения пустили горячую воду.

²¹ Аллюзия к словам песни В. Высоцкого «Бермудский треугольник».

Земля просела, и образовалась большая лужа, которая, впрочем, сразу высохла на такой жаре. Пробоина была небольшая, но всё равно требовалось копать котлован. Сегодня попросили машины переставить на другую сторону. Пётр Петрович так раскорячил свой внедорожник (он улыбнулся про себя), что Чарку, наверное, энергия Ци убила своим высоким напряжением.

Рабочие в специальных комбинезонах с ляжками на загорелых плечах уже подогнули генератор и небольшой экскаватор, суетились, раскладывая кольца длинного черного шланга. О чем-то болтали и подкалывали водителя экскаватора, который был явно не в форме после вчерашних возлияний. Слышался смех.

Одиннадцать часов, а такая жара. Сколько там? Градусов тридцать сейчас. Через пару часов невозможно будет выйти на улицу. Как раньше в городе обходились без кондиционера?

Пётр Петрович без перерыва жамкал губами и вытягивал их в трубочку, от чего усы то закрывали его нос, то открывали. Солнечные лучи освещали «его университеты», подпернутые лёгкой сединой.

Сколько ему сейчас? Сорок девять. Обернуться не успеешь, и всё. Прошло его время. Не то, чтобы переживал сильно, но кое-что очень беспокоило. Он многого достиг в жизни. Сорняков повернулся и посмотрел в зеркало, которое висело рядом с его рабочим столом, соорудил торжественное

выражение на лице и опять углубился в раздумья.

Сколько он маялся и страдал, стойко переносил тяготы и лишения воинской службы, терпел ту несправедливость, с какой отнеслась к нему жизнь. А теперь всё в порядке, ну почти всё. Приличная работа, большой чёрный внедорожник с открытым кузовом, не новый, но и не в кредит. Даже квартира есть малюсенькая в Троицке – теперь Москва! Никто и представить себе не мог, что простой паренёк из деревни Савельевка, что заблудилась в сибирских кедровых лесах... Паренёк не с самыми хорошими оценками в школе... Вдруг на тебе – Москвич! Директором в крупной торговой организации работает.

Однако докучала небольшая ложка дёгтя в этом бочонке мёда с кедровыми орехами. У Петра Петровича не было семьи.

После школы прапорщиков, когда произошло распределение по воинским частям, Сорнякова отпустили на побывку в родную деревню. Молодой был, гладкий. Пётр Петрович нежно пригладил «моржа». Он плохо помнил эти дни. Сойдя с поезда, он встретил Витьку, школьного друга. Выпили. А дальше всё пошло отрывками. Дискотека в соседнем селе. Какая-то баба. Витек делит её со здоровым парнем – кулаки как кувалды у молота. Затем утро. Они с Витькой на сеновале в обнимку. Болело всё тело. Выпили. Пошли разбираться, что случилось вчера.

В памяти нестройно всплывали картины далекой сибир-

ской молодости. Время уже засветило пленку тех старых событий, оставляя в сознании лишь редкие вспышки двадцать пятого кадра. Наливают в стаканы. Опять сеновал. Несутся на мотоцикле через ячменное поле. Трактор... Близко. Дядя Ваня тракторист. Витька сверху орёт ему в лицо. Кирюха в белом халате разливает по стаканам. Точно! Кирилл же тогда устроился в травмпункт санитаром. Опять сеновал. Баба, из-за которой вышел весь сыр-бор на дискотеке. Она лезет к нему, жарко целует. Господи... Чем от неё несёт?! Его тошнит. Утро. Жарко. Солнце уже высоко. Большой костёр вечером. Собирается вся молодёжь. Что с ними сейчас? Самогон. Ночь. Голые бегут на речку. Лида, Лидка! Он кричит молодой черноволосой бабе в теле. Лица в темноте не видно. Да это же та, с дискотеки. Зарывается с головой в больших грудях. Обхватывает их руками. Жарко. Открывает глаза. Он на боковой полке в плацкартном вагоне. Скоро Казанский вокзал. Молодость остаётся позади.

Лидка приехала к нему через месяц. Но отношения в тесной комнатке общежития не клеились. Глубокие чувства терлись, бились, ломались. Об *«общий туалет из комнаты направо по коридору, до конца, синяя дверь»*, об *«когда у нас будет машина? Вон, даже у Голубцова есть»*, об *«давно уже пора иметь квартиру»*, об *«все люди как люди, а ты...»*, об *«Виталик вот приехал из Савельевки»*, об этого капитана Голубцова, которого он заставлял в их комнатухе, возвращаясь со службы. Боже, как же жарко.

Лидка собрала вещи через два года. Ему было всё равно. От Голубцова она тоже ушла. Встретил её случайно через несколько лет. Выглядела на миллион. Все пальцы в перстнях. Красивая всё-таки. Декольте. На шее огромная золотая цепь с сапфиром, такая же, как у её нового спутника. Да это же тот парень с кулаками-кувалдами! Виталик, наверное. Они вышли из черного мерседеса. Она – в норковой шубе, он – в малиновом пиджаке. Помнит её презрительный взгляд. Виталик даже не смотрел в его сторону.

Через месяц их нашли в том же мерседесе. В телах на двоих больше тридцати пуль калибра семь-шестьдесят два.²²

Витька умер, заснул на морозе по-пьяни. Кириюху зарезали на одной из дискотек. Отец потом написал в письме.

Женщин Сорняков пускал в свою жизнь неохотно. Стеснялся своего жуткого безденежья. Нет, конечно без них никак, он же мужчина. Но больше старался напроситься к ним в гости. Потом сбегал, обрывал все контакты. Он знал, не подходят они ему. Звёзды послали ему то глубокое понимание человеческих отношений, которое неподвластно даже Зигмунду Фрейду. Он листал его книги, но был не согласен.

Материальное положение понемногу налаживалась, но звездное небо оставалось глухим. Дарило счастье не ему, Петру Петровичу Сорнякову, а кому-то другому, кто был больше достоин, на его, неба, пропитанный миллиардами лет мудрости взгляд.

²² Калибр патронов автомата Калашникова.

И вот сегодня звезды говорили, да нет, просто кричали изо всех созвездий! Сорняков дрожал всем телом, читал и перечитывал всю доступную информацию. На столе разложил сегодняшний гороскоп, похожий на карту военных действий со стрелками между знаками зодиака. Даже отослал пять тысяч рублей за внеочередную связь Повелителю Млечного Пути. Он получал его прогнозы по подписке, но сегодня другое. Сегодня не стоит мелочиться. Сегодня стрелец спустил тетиву и послал стрелу из созвездия девы прямо в сердце уставшего козерога. Судьба готовила встречу. Сегодня будущее предстанет перед ним в розовом свете. И всё, что нужно от него, не так-то и много, если честно – взять ситуацию в свои руки. Жарко, как же жарко.

Звук отбойного молотка вернул Сорнякова в кабинет. По лбу текли крупные капли пота. Без четверти двенадцать. Солнце ещё светило в окно, раскаляя офисный кабинет.

– Что за черт? – Пётр Петрович поднёс руку к дефлектору кондиционера. Воздух не шёл.

Глава 14 Плюс на минус

Голованов стоял на крыше, пустыми глазами гипнотизируя электрощит. От обугленных останков валил черный едкий дым. У инженера по коммуникациям трепетал весь его двухметровый организм; дрожали колени, подрагивали руки, вибрировало тело.

Вот и конец. Сейчас арестуют, отправят на каторгу. Зачем я только согласился? В интернете рассказывали – на каторге только бульон из сосновой коры дают, мошкара мясо заменяет, а на гарнир прошлогодняя листва. Не проживу в таких условиях, помру.

Из люка кровельной шахты появилась плешивая голова Ванваныча. Волосы по бокам проплешины торчали в противоположные стороны. Весь этот забавный комплекс вращался по заданной траектории между инженером и его работой. Выразительный взгляд полководца говорил о том, что Голованов сейчас разделит участь электрощита, а может, сразу превратится в пепел, минуя предварительные стадии. Горе инженер съезжился и уменьшился в размерах.

– Ты что наделал, тунеядец? – полководец уже выбрался на крышу и стоял на цыпочках, стараясь заглянуть в лицо горе-инженеру. – Ты что тут устроил, я тебя спрашиваю?

– Мм мм...у, – промычал Голованов, не в силах найти хоть какой-нибудь подходящий ответ, и еле справляясь с

дрожащей нижней губой.

– Что ты мычишь тут, Му-Му перекормленная? Тебя, что просили сделать? Ты хотел теракт устроить?

Голованов испуганно посмотрел на директора.

– Меня посадят?

– Тебя утопят! Привязывай вот на шею и ищи подходящий водоём, – Ванваныч пнул в сторону горе-инженера лежавший рядом шлакоблок.

Голованов обреченно потянул руки к шлакоблоку.

– Ты что делаешь?

– Ну Вы же сказали привязывать на шею.

– Господи, за что мне это?! Где ты водоём собрался искать? Всё пересохло вокруг! Я тебе сказал лишить противника спасительной прохлады, деморализовать и пустить в ряды сомнения. А ты что сделал?

– Поменял.

– Что поменял?

– Плюс на минус поменял.

– Прекрасно! Взорвал водородную бомбу и уничтожил и своих, и чужих.

– Ну Вы же сами сказали поменять.

– Господи, Голованов, – Ванваныч взялся за голову. – Скажи, тебя папа в детстве бил?

– Нет, – проблеял Голованов.

– Может, мама? Ты не спал с родителями во время пубертатного периода? Братья, сестры есть? Голованов, все про-

блемы идут из нашего детства. Наверняка что-то скрываешь.

– У меня сестра есть, старшая, – сознался инженер.

– Вот! – Ванваныч аж подпрыгнул. – Вот он ответ! С этого и надо было начинать. Наверняка, Голованов, ты надевал её платья, брал её помаду и вертелся около зеркала? Сознайся, Голованов!

– Один раз.

– О-о, Голованов! Ма-ла-дец! – Ванваныч отошёл в сторону, чтоб внимательнее рассмотреть двухметровую бородастую фигуру инженера. – Представляю с трудом, но жизнь преподносит и не такие фортеля, а ведь не хотел на подоконнике фотографироваться. Стеснялся! За честность объявляю благодарность!

– Правда? – обрадовался Голованов.

– Всё, – продолжил Ванваныч, не обращая внимания на инженера, и заходил кругами, убрав руки за спину. – Начну прямо завтра. Всех соискателей на работу буду спрашивать об их тяжелом детстве. Составлю анкету из тридцати вопросов, и пока не испишут сто листов секретарской бумаги, продолжения не последует. К чему эти глупости – какой у вас опыт работы? есть высшее, нет высшего? Первый же вопрос ребром – чем вас били в детстве? Далее варианты ответа: ремень дедушки, ножка табуретки, железная цепь, плетёшь из спальни родителей, другое. Должны рассказать: где? когда? кто? Ответы типа «у меня было счастливое пионерское и всё прошло в трудовых лагерях» – не принимаются. Если

эти психи наврут о прошлом, значит, наврут и в будущем.

Из электрошита продолжал валить дым, солнце палило нещадно, но Ванваныч не замечал. Великий полководец ускорял шаг, накручивая знак бесконечность между Головановым и шлакоблоком.

– Зачем ждать до завтра? У нас полный офис психов и необъятной работы. Сегодня же подготовлю вопросы, а Милу заставлю сидеть до ночи, пока не подготовит всё как надо. Далее. Второй вопрос не менее важный, чем первый. С какой максимальной высоты вы падали вниз головой? Кто из родных вас ненавидел? как сильно? Расположить в порядке убывания. Ваш любимый порногерой? С какого класса вы начали пить? Каким вы предпочитаете съесть сердце врага, запечённым или варёным? Представьте – вы сидите у камина, вам шестьдесят... Боже! – Ванваныч остановился перед Головановым. – Мы задаём не те вопросы.

Ванваныч подошёл вплотную к инженеру.

– Почему Вы хотите работать у нас? Что ты ответил?

Голованов начал крутить зрачками, потому что вопросов ему вообще никто не задавал.

– Возможность роста, перспективы развития, самореализация. Компания самая передовая в отрасли, – вспомнил Голованов необходимые выражения.

– Да–да, всё верно. А надо было тебя спросить, зачем? Зачем ты вообще хочешь работать? А, Голованов? Что ты конкретно забыл на работе? Ты же просто хочешь жрать, –

Ванваныч замолчал, отвернувшись в сторону.

Инженер, видимо, и правда, хотел жрать, а Ванваныч спровоцировал своими словами бурный звук в глубине его желудка. Утробный рокот вывел оратора из раздумий, откуда он вернулся в озверевшем состоянии.

– Вам же, Голованов, ничего нельзя поручить, всё обосрёт, изгадите, а крышку не опустите. Мол нате, смотрите, что мы тут наделали. Где твой амулет? – с новой силой накинулся он на инженера и продолжил.

– Ничего не делают. Просто надеть небольшой амулетик и тот не в состоянии. Как, скажи мне, пожалуйста, можно избежать всего этого без талисмана? – Ванваныч направил свой указательный палец в сторону электрощита. – Черт вас всех задери. Невозможно ничем заняться, только сосредоточишься.

И действительно, перед тем как появиться на крыше, Ванваныч принял на грудь и забылся в своих ежедневных баталиях. Громкий хлопок вынес полководца с поля брани, где он сражался с усатым чудовищем. Чуть не упав с бронированной джакузи – в этот раз оружие было более современное – Ванваныч выбежал в коридор. Работники уже толпились у лестницы на крышу. Наорав на менеджеров, чтоб они расходились по своим делам, директор полез наверх.

Тем временем Голованов выудил из широких штанин маленькую фигурку слона²³ и торжественно поднёс её прямо к

²³ Аллюзия к стихотворению В. Маяковского «Стихи о советском паспорте».

носу спасителя.

– Вот. Всегда ношу с собой!

Хобот, который должен смотреть вверх и притягивать богатство и удачу, обломился под самый корень. Без хобота фигурка напоминала недовольного поросёнка.

Полководец без сил опустился на шлакоблок.

Глава 15 Видение в розовом

– ...мы передаём репортаж непосредственно с места событий, – на фоне скрежета строительной техники вещал задорный голос диктора радио. – На место коммунальной аварии приехал лично президент. Вы не можете видеть, но президент сейчас лично встречается с жителями «Дворянского гнезда». С минуты на минуту ждём, когда он выйдет к журналистам. Напомним: вчера вечером произошла ужаснейшая коммунальная авария в элитном комплексе на юго-западе Москвы. Тонны нечистот заполнили все окрестности и внутренние помещения комплекса. Жители отказываются терпеть дальше, они вышли с плакатами на улицу. Среди них много известных лиц. Пока оцепление не сняли, но из официальных источников к нам приходит информация, что ведутся активные работы по устранению техногенной катастрофы. Сейчас у нас есть возможность задать вопросы человеку, который знаком с ситуацией изнутри. В прямом эфире бывший местный депутат Свинобоков. Добрый день! Прокомментируйте пожалуйста эту жуткую трагедию.

– Здравствуйте, уважаемый ведущий, добрый день, уважаемые слушатели. Мне посчастливилось возглавить штаб операции по борьбе с коммунальным бедствием, и я полон решимости оправдать оказанное мне доверие. Операция получила рабочее название – Дворянский излом. На данный

момент мы уже развернули брезентовые палатки и организовали горячее питание для всех нуждающихся дворян. Расконсервированы стратегические запасы, к месту аварии подвозится самое необходимое: тушёнка, перловая каша, солдатские портянки и одеяла. Сейчас идут переговоры с жителями соседних хрущёвок о возможности хотя бы на время приютить у себя обездоленных жителей элитного комплекса. Конечно, не бесплатно. Мы обеспечиваем переговорный процесс и гарантируем солидную компенсацию, а по всем финансовым вопросам можно обращаться лично ко мне. Сразу хочу предупредить, откликнулось слишком много людей, народ у нас гостеприимный, поэтому, чтоб никого не обделить, мы ввели квоту на подселение – одна хрущёвка – один дворянин. Просим с пониманием отнестись к возникшим ограничениям. Но ситуация остаётся сложной, если не сказать опасной – многих жителей до сих пор не можем найти. Списки пропавших висят на подъездах «Дворянского гнезда», правда ознакомиться с ними сейчас крайне затруднительно. Доступ имеют только аккредитованные специалисты, в том числе и ваш покорный слуга. За моей спиной орудуют баграми волонтеры, поиски пропавших дворян идут буквально по колено...

Раздался телефонный звонок.

Женщина за столом приглушила радио.

– Татьяна Алексеевна, добрый день! – в телефонной труб-

ке закрипел знакомый голос генерального директора «Студёного ручейка».

– Добрый, Пётр Петрович! Но раз Вы позвонили, то боюсь ненадолго. – ответил спокойный женский голос.

– Ну что Вы, Татьяна Алексеевна. Просто неудобно Вас беспокоить по ерунде.

– Говорите уже, что случилось?

– Скажите, кто сейчас заменяет Владимира Никанорыча?

– Никто, он завтра будет.

– У нас тут кондиционеры не работают, хотя в соседнем крыле всё нормально. Не знаю к кому обратиться.

– Что значит не работают? Во всём офисе?

– Ну да. С утра всё было нормально, а где-то полчаса назад перестали.

– Хорошо, я к вам зайду. – ответила Татьяна после нескольких секунд молчания.

– Ой, спасибо большое, Татьяна Алексеевна, а то сам я... ну Вы понимаете...

Татьяна повесила трубку.

Администратор здания понимала, Сорняков сам не пойдёт разбираться. Внешние блоки сплит систем находятся на крыше, а выход на неё через офис Чарки. Старая вражда двух ручейков уже давно переросла в войну двух морских держав. Обсуждение боевых сводок стало любимым занятием населения офисного комплекса. Так и называли «сводки с мокрого фронта», хоть стенгазету выпускай. Татьяна улыб-

нулась, они с Никанорычем тоже были грешны. Главный инженер по работе наведывался во все уголки комплекса и так, между прочим, вставлял в разговор пару слов о ручейках.

Старый, умный, с юмором. Никанорыч умел передать информацию всего одной фразой. Но манера, тембр голоса, уместность. Оставаться серьёзной было невозможно.

Она слышала Никанорыча, даже когда тот отсутствовал. Его голос воспроизводил в голове Татьяны короткие предложения, и казалось, что он находится совсем рядом.

«Перехвалите сейчас, Татьяна Алексеевна», – засмутился Никанорыч.

Татьяна работала администратором почти пятнадцать лет. Никанорыч чуть больше. Когда она пришла, сработались сразу. Татьяна со своей неиссякаемой энергией и мудрый Никанорыч со своим знанием техники и инженерных коммуникаций.

А сегодня она осталась без главного инженера. Никанорыч отпросился, чтоб уладить семейные дела.

Татьяна взяла рацию со стола и вышла из кабинета.

* * *

Комплекс состоял из двух зданий. Первое строение занимали склады и, когда Татьяна пришла работать, на его месте простирался пустырь с завалами строительного мусора. Совместными усилиями с владельцем комплекса удалось заключить договор на аренду земельного участка и построить современный складской павильон. Несколько лет Татьяна ра-

ботала почти круглосуточно.

Второе офисное здание состояло из двух отдельных крыльев по три этажа, которые соединяла галерея с высокими потолками. Оба крыла построили под углом друг к другу, и комплекс напоминал латинскую букву «V» с галереей на стыке двух сторон. В левом крыле располагались небольшие компании, правое занимали несколько крупных организаций. Первый и третий этажи были враждующими ручейками, они делили пространство ещё с двумя фирмами. Второй этаж сейчас пустовал. Компания обанкротилась месяц назад и съехала. Бизнес переживал нелёгкие времена. «Жёлтый ручеёк» тоже постоянно задерживал арендную плату. В отличие от Сорнякова, который руководил фирмой по принципу «ничего не трогаешь – ничего не болит», ох уж Никанорыч, Чарка стремительно разрушал свою компанию. За каких-то полгода он сумел разнести в пух и прах всё, что долгие годы строил предшественник. Татьяна понимала – часть третьего этажа скоро освободится.

Кабинет администрации находился в левом крыле на втором этаже. Татьяна спустилась по лестнице и прошла через галерею. Навстречу шелестела Мила из «Жёлтого ручейка». За ней семенили два молодых человека со скорбными лицами. Мила широко улыбалась, смотрела в телефон и тыкала в экран пальцами.

– Да не волнуйтесь вы, документы точно там. Сейчас на третий этаж зайдём. Заодно чайку попьём с сахарными крен-

дельками. Небось проголодались уже? – Мила повела команду за собой, а Татьяна открыла дверь «Студеного ручейка».

В лицо пахнуло жарким, влажным воздухом. Сразу чувствовался контраст.

«Работа кипит», – прокомментировал ситуацию голос Никанорыча.

В офисе стоял оглушающий грохот, в открытые окна врвался стук отбойного молотка. Казалось, что рабочие копают яму прямо в центре Сорняковского кабинета. Все двери открыли нараспашку, таким образом удавалось заставить воздух хотя бы немного двигаться.

– Татьяна Алексеевна, добрый день ещё раз. Ну вот, сами посмотрите, – Сорняков выбежал навстречу администратору. Он был без пиджака, в одной рубашке, под мышками уже проступили тёмные пятна.

Взгляды, полные надежды, устремились на женщину со всех берегов «Студеного ручейка».

– Да, вижу. Жарковато у вас. Я правильно поняла, не работают только кондиционеры?

– Да–да, остальное в порядке, не волнуйтесь, – заторопился Сорняков. – Мы за всем следим, да и кондиционеры работали. Не знаю, что там случилось. Только жарко очень, а работы много, период сейчас очень сложный.

– Понятно. Пойдемте на третий этаж, вместе посмотрим.

– Ой, Татьяна Алексеевна, а я то Вам зачем? Я не очень понимаю в технике, – Сорняков сплёл пальцы рук на груди

и испуганно смотрел на Татьяну.

– Пригодитесь, Пётр Петрович, если понадобится грубая мужская сила.

Татьяна старалась не встречаться с Чаркой лишний раз. Не то, чтоб возникали какие-то проблемы, просто обычно Ванваныч начинал нести несусветную чушь, особенно если переберёт. Перебирал он редко, но под шафе находился всегда. Хотя, если честно, ей нравился Чарка. Несмотря на алкоголь, мыслил он достаточно ясно. Ванваныча Татьяна называла «130 почему». Почему пьёт? Почему откровенно разрушает компанию? Почему он вообще её возглавляет? Почему Фэн-шуй? Почему не тратит свои мозги на благо? Почему всегда говорит не пойми что? Почему не женат? А может, женат? Татьяна не знала. Она не знала ничего, только поверхность. Непроницаемый панцирь из мутных насмешливых глаз. Может, поэтому он интересен? Но иногда Ванваныч зарывался. Татьяна резко не отвечала, но именно поэтому старалась избегать лишних встреч. Иногда ей казалось, что Чарка ведёт себя как школьник, влюблённый в одноклассницу.

Вместе с Сорняковым они поднялись на третий этаж, в офис «Желтого ручейка».

Какофония из десятков металлических подвесок сшибала с ног прямо на лестнице. Складывалось ощущение, что взбунтовавшиеся макаки захватили симфонический оркестр, растащили контрабасы с тромбонами по углам и те-

перь извлекали звуки из музыкальных инструментов обычным для обезьян тривиальным способом – скакали по ним и бросали их об пол. Грохот стоял грандиозный. Как вообще кто-нибудь мог работать в этом офисе, оставалось загадкой. Входная дверь в «Жёлтый ручеёк» хлесталась на сквозняке, разбивая и сталкивая потоки ароматного дыма, струившиеся из дверного проёма.

За стойкой администрации сидела густо покрашенная девица, раскачиваясь в такт «симфоническому оркестру». На её лице застыло выражение обкуренного шамана во время спиритической связи с духами. Девица никого не замечала, находясь в прострации.

Картину обряда дополняли безмолвные фигурки лягушек, черепах и пузатых колдунов.

Во влажном, жарком и непрозрачном воздухе дышать оказалось нечем. В эту секунду солнце уничтожало своими лучами офис Сорнякова, и только это обстоятельство спасало обитателей «Жёлтого ручейка» от неминуемой смерти.

Ударом ладони о поверхность стола Татьяна вывела покрашенную девицу из состояния транса.

– Живо погасите все ваши палочки.

Девица вскочила и так стремительно бросилась исполнять приказ, словно долгие годы готовилась к одному единственному заданию, а всё, чему она научилась, свелось к простому действию – потушить дымные палочки.

Татьяна и Пётр Петрович пошли следом, наблюдая, как

девица кидала дымные палочки в вазу с водой.

В общем помещении происходили странные перемещения менеджеров, никак не связанные с основным направлением деятельности. Сотрудники организовали два живых кольца, один внутри другого. Перед каждым менеджером внешнего круга находился один из представителей внутреннего. Сотрудники были одеты в белые рубашки с разводами от пота, на фоне которых отчаянно бросались в глаза большие бусы с разнообразными оберегами. В самом центре находилась пухлая девушка в розовом костюме. Она держала в руках бубен среднего размера.

«Зажжение алого пламени на саммите вождей племени – тумба-юмба», – возник в голове Татьяны голос Никанорыча.

– Итак, те, кто падает, закрывают глаза. Я слежу-у, – пухлая девушка обошла всех по кругу, изучая зажмуренные лица. – И на счет раз... два... три, – звонко ударила в бубен.

Внутренний круг разом рухнул назад, а внешний поймал – каждый своего партнера. Послышался довольный смех и крики боли.

– Ну вот, молодцы. С пятого раза наконец получилось! – захлопала в ладоши блондинка в розовом. – Так, что случилось?

Оказалось, что одно из внутренних звеньев при падении наткнулось на хобот от талисмана внешнего звена, и теперь ругалось, почесывая спину.

Татьяна огляделась. Остальные помещения офиса выгля-

дели пустыми.

«Аниматора пригласили», – раздался голос Никанорыч.

«Господи, чем же они занимаются?» – подумала Татьяна.

«Работают», – ответил Никанорыч.

– Так! Никто не расходится. У нас ещё остались мероприятия, – скомандовала блондинка. Девушка заметила Татьяну С Петром Петровичем, положила бубен на стол и подошла.

Татьяна сделала шаг вперёд.

– Здравствуйте! Я администратор здания. – Татьяна протянула руку навстречу девушке.

– Здравствуйте! Вера. Я новый сотрудник «Жёлтого ручейка», – девушка сделала ответственное лицо.

– Не вижу Ивана Ивановича. Как его можно найти?

– А... они с Головановым на крыше. Там что-то случилось, не знаю. Перестали работать кондиционеры. Разбираются уже давно.

– Понятно, тогда мы пройдем через ваш офис наверх.

– Конечно, пожалуйста.

Татьяна заметила, что блондинка не отрываясь смотрит на усы Сорнякова.

– Извините, а что вы тут делаете, если не секрет? – поинтересовалась Татьяна уже собираясь уходить.

– Это наука такая – тимбилдинг! С помощью неё мы создаём атмосферу доверия и понимания в коллективе, что приводит к слаженной работе и в конечном итоге, процветанию компании, – выстрелила блондинка, а яблочные щёки

покрылись румянцем. – Сейчас мы только в начале пути.

– Понятно, – вздохнула Татьяна.

«Подходят к финишу», – добавил голос Никанорыча.

Администратор повернулась и пошла в конец коридора, где находилась лестница на крышу.

Пётр Петрович даже не шелохнулся, застыв на месте как каменное изваяние. Он стоял с большим пальцем во рту, который оказался там по явному недоразумению во время короткого отключения мысленной связи между головным мозгом и остальными конечностями. Рот распахнулся сам собой при виде видения в розовом.

Бывший прапорщик был не в силах пошевелиться.

Будущее предстанет перед вами в розовом свете.

В горле пересохло. Пётр Петрович безмолвствовал в течение всего разговора. Усы нервно поддёргивались. Она... Это она... Хотелось кричать и плакать одновременно. Пётр Петрович вытащил изо рта палец, который ограничивал проявления бурной радости, и заскулил как побитая собака.

Сбылось! Всё сбылось! Звезды никогда не врут! Надо позвонить Повелителю Млечного Пути, сказать, что он прав. Обрадовать! Как же хорошо, что судьба свела его с настоящим провидцем. Заслуженным нострадамусом своего дела. Оракулом, который на двести процентов отрабатывает деньги, потраченные на его прогнозы.

Взгляд бывшего прапорщика поднимался от ног всё выше

и выше. Пульса колотились, сердце ломало грудную клетку. Какие линии, абсолютные пропорции, тело богини. Она спустилась из созвездия Девы, как и предупреждал Повелитель. Ярко красный рот с небольшими капельками пота над верхней губой. Невероятной красоты серые глаза, под пристальным взглядом которых у Сорнякова потели подмышки. Рубиновые щёки и блестящие, немного выющиеся белые волосы.

Она стояла перед ним, будто средневековый живописец преподнёс ему в подарок лучшую картину своей жизни. Сорняков смотрел на бледно-серый треугольник Рубенсовской женщины, образованный отворотами рубашки и основанием шеи, не в силах оторвать взгляд. По треугольнику скользила капелька пота, оставляя влажным пройденный путь. В её сверкающих гранях отражалось сказочное убранство «Жёлтого ручейка».

Сорняков трудно дышал, стены с драконами темнели и светлели, треугольник вздымался и падал, лягушки в отражении плавали из стороны в сторону. Бывший прапорщик не отводил взгляд.

Шершавым сухим языком он прошёлся по колючему фундаменту своих университетов, но это не принесло облегчения. Капелька ускорила падение, добежала до тёмной развилки и рухнула в блаженную пустоту. Туда же загремели остекленевшие глаза бывшего прапорщика.

Сквозняк шатал ослабшее тело. Мягкость в ногах прово-

цировала тошноту.

С трудом Пётр Петрович извлёк разбитое вдребезги зрение из провала магического треугольника и поднял его на новую высоту.

Она тоже смотрит на него! О боже, она заметила...

Не зря он столько времени потратил. Сколько ухаживал, сколько вложил всего себя, чтобы его труд оценили по достоинству. Пётр Петрович машинально пригладил усы, на время закрыв их ладонью. Убранство офиса плыло перед глазами, только видение в розовом, с задорной улыбкой и серым взглядом, который украдкой смотрел на его университеты, оставалось ярким и четким.

– Пётр Петрович, Пётр Петро-о-ович! Вы меня слышите? – Сначала глухой звук, а потом понятные слова стали врываться в сознание. Его звали по имени. Татьяна Алексеевна уже подошла к лестнице и приглашала Сорнякова последовать за ней.

Директор «Студеного ручейка» произнес пару невнятных слов с извинениями и побежал за Татьяной, высоко закидывая ноги, как школьник на большой обеденной перемене.

Глава 16 Литературный кружок на крыше

Душный офис Сорнякова оказался настоящим оазисом в пустыне по сравнению с тем, что творилось на крыше. От черного покрытия шёл нестерпимый жар. Воздух висел густой, пропитанный рубероидом. Птицы не пели, ветер не дул, сверху всё живое плавило солнце.

Татьяна приложила ладонь ко лбу, пока глаза не привыкли к яркому свету. Одежда мгновенно пропиталась потом. В пятнадцати метрах от выхода Ванваныч вместе с Головановым прятались от солнца под небольшим козырьком, который Никанорыч установил для защиты во время дождя. Директор «Жёлтого ручейка» сидел на строительном блоке, обхватив голову руками. Голованов стоял перед ним, как нашкодивший ребёнок. Позади зияло черное обгорелое нутро электрошита, из него тоненькой струйкой вился черный дымок.

– Вот они! Вредители проклятые, – заорал Сорняков, расстреляв Голованова двумя фразами.

Ванваныч увидел гостей, быстро вскочил на ноги и повернулся к инженеру по коммуникациям.

– Чтоб ни звука от тебя, Герасим ты недоделанный! Понял? – прошипел полководец. – Я сам всё объясню, только головой кивай, когда надо. А то разжалую обратно в Му-Му

и пойдешь у меня пузыри пускать по этапу.

То ли от головокружительного карьерного роста, то ли от исчезающих в жарком мареве перспектив оказаться в местах, не столь отдалённых за совершенный теракт, но настроение Голованова сразу поднялось. Если бы он имел хвост, то полководец бы увидел, как инженер по коммуникациям весело охаживает им свои огромные бока. Да что там хвост, Голованов был готов облизать Ванваныча с ног до головы, настолько отлегло у него от сердца.

Великий полководец уверенно шагнул навстречу вновь прибывшим.

– Ой, Татьяна Алексеевна к нам пожаловали, а мы не ожидали тут с Головановым, что вы зайдёте. Бесположились. Никанорыча-то нет, – худые щёки Ванваныча грозили треснуть от его широкой улыбки. – У Вас всё хорошо, я надеюсь? Жара вон какая, а Вы на крышу, да по крутой лестнице. Не стоило, право, так переживать. Что мы, два взрослых человека не разберёмся? Могли бы нам гонца послать. Зачем самим то?

«Началось», – подумала Татьяна. – «Теперь только ждать, пока сам остановится».

– Чего это я говорю? Глупости какие, – Ванваныч приседал и приплясывал вокруг администратора. – Давайте лучше спустимся к нам в офис, посидим у фонтана, послушаем музыку ветра, обсудим, так сказать, сей неприятный инцидент. Насладимся покоем. Здесь часового оставим, даже

двух, – Ванваныч показал руками на Сорнякова и Голованова. – Пусть покараулят, пока Вы отдыхать изволите. Полноте Вам по крышам лазать.

– Чарка, ты на ночь Достоевского начитался? Теперь сплёвываешь то, что в мозгах не поместилось? – перебил его Сорняков и, видно, так обрадовался удачной шутке, что неосмотрительно обнажил наметившийся старческий прикус.

– Ой, не может быть! Бывший младший прапорщик перечить нам изволили. Какой пассаж! хочу я вам сказать. Прощу, скорее прикройте халтуру дантиста, дышать и так нечем. Не позорьтесь Вы на всю крышу. Хотите, я Вам дам телефон своего стоматолога? После правильного лечения, Вы с лёгким сердцем сможете отрезать ваши дремучие заросли – скрывать работу специалиста не будет никакой нужды. И слова Ваши военщиной пахивают. Вас где, извините, воспитывали? Вечно тыкаете интеллигентным людям. В отличие от Вас, Сорняков, я немного интересуюсь русской классикой. Читаю нашумевшую литературу и могу уничтожить Вас без оружия, используя лишь сотую часть великого словаря бессмертного Владимира Ивановича.²⁴

– В отличие от меня? Ха. Да я всего Достоевского прочел, включая раннее.

– О, нет! Какой напор, безумный, бурный натиск! – Ванваныч занял позицию Пушкина на экзамене в царском се-

²⁴ В. И. Даль.

ле. – И что же по-Вашему раннее?

– Да хотя бы «Горе от ума», «Каштанку»²⁵ читал его в детстве.

– Как мило, – Ванваныч сложил руки в районе подбородка. – Интересно где проходило Ваше пролетарское детство? Скорее всего вы делили его на двоих с Головановым. Представляю, как вы запирались на чердаке, забирались под одеяло и при свете фонаря склоняли кудрявые головы над историей несчастной таксы. Слёзы текли ручьем, а судьба почившего гуся угасала в детских сердцах. Вы знали, что меня называли в честь этой благородной птицы?²⁶

– Что?

– Неважно, Сорняков, неважно. Вы плакали навзрыд и душевные переживания отодвинули в сторону Ваш рассудок, где Антон Михайлович тут же стал Фёдором Павловичем.²⁷ А далее... Кстати, актуальный вопрос! У Вас была сестра, Сорняков? Ладно, не будем теребить прошлое, – продолжал Ванваныч, остановив вытянутой ладонью позыв бывшего прапорщика вставить актуальный ответ. – Хватит вам на двоих одной сестры Голованова. И вот вы лежите под одеялом, мокрые от слёз. Голованов в платье сестры на голое тело, губы в густой бороде горят яркой помадой. Вы прижимаетесь к его дружескому плечу в поиске защиты. Перед глаза-

²⁵ «Горе от ума» А. С. Грибоедов; «Каштанка» А. П. Чехов

²⁶ Гусь Иван Иванович – персонаж рассказа «Каштанка».

²⁷ Ванваныч меняет отчества А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

ми проносятся отрывки из Ваших любимых произведений: Снежная королева продаёт Чичикову душу отважного Кая, Чацкий, протестуя против Российской действительности, отправляется в зазеркалье, Буратино от неразделённой любви ложится на рельсы, Киса режет горло Остапу, после чего терзается муками совести и признаётся во всём Порфирию Петровичу. От нахлынувших чувств Вы лезете целоваться к Голованову. Но Ваш друг по несчастному детству – опасный дворник-маньяк. Он не читал раннего Достоевского, и душа его черства. Душегуб мычит, скидывает хищным движением деревенское платье, комкает и засовывает его Вам под усы. Вы безвольно висите на плече абсолютно голого чудовища, а из-под гордости всей Вашей жизни торчит белый хлопок в горох. На Вашей доверчивой шее, Сорняков, заботливо привязан кирпич, а у ног плещется Москва река. Картина маслом, Вы не находите? – Ванваныч театрально смахнул слезу.

– У тебя не все дома, Чарка. Мы сейчас же вызовем доктора.

Но Ванваныч проигнорировал предложение о срочной госпитализации.

– Сорняков, Вы Му-Му не читали в детстве своём? – Ванваныч ухмыльнулся в лицо обалдевшего прапорщика. – Вон рядом, Герасим стоит. Вы могли бы обсудить все аспекты этого литературного произведения и наконец выяснить у первоисточника как он стал душегубом.

Голованов довольный, что появилась возможность нако-

нец помочь Ванванычу, радостно закивал головой.

Но бывший прапорщик не замечал.

– Читал, и не один раз, не волнуйся.

– Отлично, Сорняков! – Ванваныч радостно раскрыл руки для возможных объятий. – Раз Вы в курсе повествования и даже находитесь в самой гуще событий – напоминаю! Вы висите на плече голого дворника-маньяка, заметьте, голодный, так как наш Герасим скорее всего щи с мясом сожрал сам. Нельзя терять ни секунды! Предлагаю Вам вцепиться гнилыми клыками ему в горло и вместе, патриотично пуская пузыри, идти на самое дно. Возможно, и вы придёте к выводу, что обоюдная смерть станет настоящим избавлением для нашего общества.

У Сорнякова от злости шевелились усы.

– Я тебя, Чарка, раздавлю как клопа, – зашипел Пётр Петрович.

Но Ванваныча было не сломить.

– Расцениваю столь грозный тон как невозможность увязать развитие сюжета с горькой правдой голодного детства. Сорняков, Вы кроме гороскопов читали хоть что-нибудь? Или как на приёме у окулиста, через усы видите только Ш, Б, Н, К, а смысл не доходит?

– Я, Чарка, хоть чего-то добился, а ты только лысиной своей блестишь тут на солнце. Лучше б унитазы так начищал, глядишь, и продажи пойдут. Все склады под завязку.

– У нас, Сорняков, звездочета нет на окладе. Не можем

точно просчитать планы на будущее.

– Поговори со своими лягушками, может, они что расскажут, а то скоро ржавые подтёки оттирать придётся, что останутся от вашего желтого ручейка, – заржал Пётр Петрович, радуясь новой удачной шутке.

Татьяна подошла ближе к электрощиту и, пока шли прения сторон, рассматривала обугленный скелет проводов.

«Литературный кружок», – напомнил голос Никанорыча.

– Пора заканчивать творческий вечер, – согласилась Татьяна. Она обернулась к оппонентам. Вид её лица заставил притихнуть литературных полиглотов.

– Иван Иванович, Вы нам не расскажете, что тут произошло?

От спокойного ледяного тона желудок инженера по коммуникациям сжался, а ноги стали ватные. Голованов, перед которым снова появилась одиночная камера, пожизненно, без права переписки, тихо осел на шлакоблок.

– Это из-за жары, – линия защиты пришла в голову Ванваныча в нужную секунду. – Видите, Татьяна Алексеевна, что творится, – полководец воздел руки к небу. – Видимо, что-то нагрелось, потом что-то замкнуло, где-то щёлкнуло, затем вспыхнуло и в конце хлопнуло.

Татьяна молча смотрела, как читатель нашумевшей литературы пустился танцевать «яблочко» и старался объяснить свою версию произошедших событий.

– У нас как раз было совещание. Обсуждали вопросы раз-

вития компании. Я выслушал доклады подчиненных, а потом взял слово...

– Прошу, только по делу, Иван Иванович, – перебила его Татьяна, не дав сказать «слово».

– Так я по делу. Вы же знаете этих сотрудников. Каждому надо по сто раз объяснять, что они должны делать. Всё приходится самому, они даже под ноги не смотрят, следить приходится за каждым шагом. И заметьте, в этой тяжелой обстановке мы продолжаем исправно платить за аренду, – добавил до кучи Ванваныч.

– Иван Иванович! – Татьяна начинала терять терпение.

– Просто хочу, чтоб Вы поняли, что мы тут ни при чем. Что мы из кожи вон лезем, работая над процветанием нашего комплекса. Мы всегда готовы прийти на помощь и протянуть руку, даже в самое нелёгкое время и, если нужно, взять ответственность на себя, – сказал Ванваныч и протянул вперёд правую руку «помощи».

– Чарка, если Вы сейчас же не объясните, что делали тут на крыше, будем считать вас основными виновниками произошедшего.

Голованов похолодел. Только что замаячивший приказ о досрочном освобождении хотели заменить проездкой к «нам на Колыму»²⁸. Он сложил руки в молитвенный замок и с надеждой смотрел на полководца.

– Вы несправедливы к нам, Татьяна Алексеевна, матуш-

²⁸ Слова персонажа из фильма «Бриллиантовая рука». Режиссёр Л. Гайдай

ка, – заторопился Ванваныч и опять «включил Достоевского». – Как только-с мы услышали хлопок-с, то немедленно отправили Голованова наверх, дабы он разузнал, окаянный, что тут стряслось на самом деле. Он четко изложил обстановку-с, и мы также прибыли-с на место происшествия, где и находились в ужасном волнении, когда Вы пришли-с.

Татьяна на мгновение закрыла глаза. Внутри бушевал ураган, мысли неслись. Но надо успокоиться, надо взять себя в руки. Она работала с большим количеством людей. Добрые, злые, импульсивные – все были очень разные. За двадцать пять лет работы, сначала учителем истории, а потом управляющим, ей удалось научиться терпению. Она справлялась и с хулиганами в школе, и с заносчивыми руководителями компаний. Но эти двое заставляли искать внутренние резервы. А где их брать? Она тоже человек... Тяжёлый разговор с Игорем – её мужем, чёрт, когда же это началось...? Неделю назад он уехал со своим классом на озеро Байкал, продолжает работать учителем. Сегодня вечером должен вернуться... Бессонная ночь, эта надпись на заборе, теперь кондиционеры в такую жару.

Она стояла красивая и спокойная, солнечный свет резкими тенями подчеркивал её правильные черты лица.

В глазах Ванваныча на мгновение появилось выражение смысла и бесконечной тоски.

– Хорошо, я поняла Вас. На сегодня всё оставим как есть, а завтра Владимир Никанорыч разберётся.

Глава 17 Апокалипсис

– Кхм-кхм. Извините, что помешала.

Все, кто находился на крыше, обернулись. В пылу ораторских баталий участники не заметил, как Верочка выбралась на крышу и стояла рядом с люком.

– Надеюсь, что не нарушила гармонию вашего разговора?

Пётр Петрович тут же забыл все усмешки проклятого конкурента. Да и глупо как-то думать о Достоевском или о бессмысленной смерти безродной дворняги, когда перед взором опять появилось видение.

Будущее предстанет перед вами в розовом свете.

Возьмите ситуацию в свои руки.

Нельзя терять ни секунды. Вперёд!

– Нет конечно, что Вы, – Пётр Петрович как легкоатлет взял дистанцию до Верочки в три скачка, втянул в себя лишние килограммы и тут же обернулся ясным молодцом. – Сорняков! Бывший офицер! – кивнул достижением всей своей жизни бывший прапорщик и щёлкнул каблуками ботинок.

– Вера, – представилась девушка и уставилась на усы.

– Ой, ну Вы можете звать меня Пётр, – спохватился Сорняков, – ну как Петра первого. Король был такой, царь наш. У нас одно имя на двоих, точнее, на троих с моим папой. А потом он город построил, и ему тоже дали... почти такое же имя, как у нас с царём, с папой, – Язык совсем не слу-

шался «бывшего офицера» и жил своей жизнью. – Мы тут с коллегами обсуждаем литературные произведения как раз той эпохи, Вы могли бы присоединиться к нашей беседе. Вышла серьёзная загвоздка в определении криминальной составляющей жестокого, я бы сказал, немилосердного убийства невинного животного. Мы серьёзно полагаем, что человек, совершивший это преступление – серийный маньяк. Нам очень важно мнение компетентного человека. К тому же большого профессионала, как мы уже успели заметить снизу, – Сорняков скруглил правую руку и, не дав разобраться Верочке в криминальной составляющей, как бы пригласил её прогуляться. Верочка машинально пошла на встречу, и они в сцепке молодоженов подошли к Ванванычу.

Зазвонил телефон. Татьяна взяла трубку и отошла в сторону.

– Да. Добрый день! Да я уже в курсе, спасибо. Нет. Сегодня не получится. Из-за жары сгорел электрический блок. Конечно. Постараемся решить проблему завтра. Я Вас понимаю, но... – на том конце провода, видимо, бросили трубку.

Татьяна вздохнула и обернулась к остальным.

Представление продолжалось.

Верочка, под ручку с просто Петром – царем нашим топтались перед Ванванычем, как будто ждали его благословления. Ванваныч стоял как римский император, выставив левую ногу вперёд и положив правую руку на плечо верной Му-Мы, который сидел подле, на шлакоблоке.

Все участники представления размышляли о своём.

Верочке было ужасно стыдно, поэтому она смотрела вниз на рубероид. Стыдно перед Иван Ивановичем, потому что она стояла напротив генерального директора под ручку с их конкурентом, и стыдно перед Петром Петровичем, против которого они устроили диверсию, а он на самом деле оказался галантным офицером. Изымать свою руку из Петра Петровича на данную секунду казалось неловко.

«Бывший офицер», напротив, чувствовал себя очень ловким и руку отпускать не хотел. Во-первых, он ловко представился офицером, а во-вторых, задел представителя враждебной организации. К тому же, будущее в розовом свете вполне осязаемо сопело справа, в розовым настоящим.

Ванваныч ничего не чувствовал, но догадывался, что к происходящему здесь Фэн-шуй никак не привяжешь, следовательно, зачем здесь Верочка – абсолютно неясно. Вообще ему жарко, он хочет пива, а их операция провалилась или, точнее, состоялась, но лучше бы она провалилась.

Голованов ни о чем не думал, он скулил рядом с Ванванычем, сидя на шлакоблоке.

Татьяна просто ждала, чем закончится следующий акт.

Весёлый маленький смерч юлой кружил танго с кровельным мусором, над крышей оптической иллюзией завис самолёт, солнце отмахивалось от неожиданного облака. На телевизионной антенне притихли вороны.

Вместе с Татьяной развязки ждала и природа.

– Я пришла сказать, Иван Иванович... – начала Верочка, не отрывая глаз от рубероида и не вынимая руки из бывшего офицера.

Но Ванваныч не дал закончить фразу.

– Не может быть! Доченька! Как я рад! Я скоро стану дедушкой! – Ванваныч сначала сложил руки на груди, а потом разложил на противоположные плечи «молодых родителей». Директор «Жёлтого ручейка» бросился в пляс и радостно закружился, выписывая конечностями загадочные ан деор, па فاي, рон де жамб анлер, гран плие и остальные французские названия вращения ног, туловища и рук.

Верочка с Петром Петровичем смотрели на этот танец с молодым капиталистическим неприятием. Накружившись вдоволь, Ванваныч подошёл к ним и строго спросил:

– Где жить собираетесь? Я человек хороший, но квартирный вопрос испортил мой славный деревенский характер, а Москвичей превратил в волков, крокодилов и змей подкожных. Теперь животные грызут друг друга насмерть. Повсюду идёт война. Брат борется с братом, вместе они сжидают со света родителей, те – бабушек и дедушек, которым остаётся только прятаться по углам и защищаться шваброй. Даже в дремучем лесу сражаются за своё койко-место, – Ванваныч повернулся к Сорнякову. – Но Вы – бывший офицер, а бывшие офицеры – образованные люди и, конечно, знакомы с классикой.

Сорняков, при этих словах, гордо посмотрел на Верочку,

усы сделали круговое движение против часовой стрелки.

– Процесс борьбы трех поколений, – продолжал Ванваныч, – достоверно раскрыл Лев Толстой в пересказе бессмертной эпопеи «Война и Мир», на страницах которой бедной девочке угрожают три лохматых медведя. Но надо признать, что в данной трагедии есть и вина самой девочки-Маши.²⁹ Пытаясь найти себя в этой жизни, она заблудилась в причинно-следственной связи – почему от осины так и не родились апельсины? после чего осквернила ложе каждого члена семьи. К сожалению, в роли Машеньки выступаете Вы, Сорняков. И опять возникает актуальный вопрос...

«Бедная Машенька», вся потная от жары и напряжения с опавшими, невыразительными усами раскрыла рот, чтоб нахамить. Но тут «девочку» сковала ужасная мысль и накрыла очередная волна потоотделения; а вдруг он действительно отец? Взял дочь на работу... Так, Чарка думает, что мы встречаемся давно! Как воспользоваться ситуацией? Грубить нельзя. А что делать? Свежая мысль пришла на ум и убила всех лесных обитателей.

Бывший прапорщик её озвучил немедленно:

– У меня свой угол в Москве с красивым видом во двор, потолки два шестьдесят пять. Черная машина и престижная работа. Я состоявшийся человек с оригинальной внеш-

²⁹ «Три медведя» английская сказка. Получила известность в пересказе Л. Н. Толстого. Позднее в русском варианте девочка получила имя Маша. Ванваныч смешивает произведения писателя.

ностью. Нам от Вас ничего не надо, – перешел снова на «ВЫ» Сорняков и торжественно посмотрел на Верочку.

Верочка ошалело перевела взгляд с рубероида на лидеров двух ручейков. Мозг, привыкший к линейной работе, отказывался принимать задачи, не связанные с тимбилдингом. Мысли метались в голове, но на контрасте с Бедной Машенькой не задерживались и вылетали в раскалённую атмосферу. В отличие от владельца своего угла, Верочка так и не придумала, что можно ответить.

Профессионалу тимбилдинга помог новоиспечённый отец.

– Два шестьдесят пять! Вот это да! Два шестьдесят пять! Два метра, шестьдесят пять сантиметров. На целый метр больше моей девочки, – Ванваныч закрыл лицо руками и начал качаться из стороны в сторону. – Вы растоптали её молодость с высоты Вашей глупости.

Ванваныч оторвал руки от лица и повернул свою скорбь в сторону «доченьки».

– Так вот как всё случилось... – Ванваныч влажными глазами посмотрел на Верочку. Горе безутешного отца передалось окружающим. Даже Голованов перестал скулить и с интересом глазел на происходящее с уровня шлакоблока. Ванваныч всхлипнул и продолжил. – Как же так, доченька моя? Этот солдафон заманил тебя обманом? Не бойся признаться отцу. Что он пообещал тебе? На тебя давили тяжелые своды его развратного логова? Ты не смогла удержаться от обилия

роскоши? За пышными усами не разглядела сердце коварного дьявола?

– Послушайте, – попытался Сорняков остановить поток сознания безутешного отца.

– Не вступайте в наш разговор с дочерью!

Ванваныч умело разъединил крендельковую сцепку, внутри которой стартовали физические процессы диффузии. Взял под руку розовое будущее и отвел его на почтительное расстояние от коварного настоящего.

«Бедная Машенька» осталась одна, перебирала пухлыми ноженьками, не зная, куда девать свободные рученьки.

– Верочка, Вы согласны сегодня побыть моей дочерью? – зашептал неожиданно просветлевший отец, с места в карьер. Ванваныч уловил сомнения бывшего прапорщика и в мятежной голове теперь зрел новый план.

– Иван Иванович, я ничего не понимаю. Что происходит? Я запуталась.

– Не волнуйтесь, скоро мы всё распутаем.

В водовороте изошрённых галлюцинаций своего директора, Верочка позабыла всю науку личностного роста и на мгновенье отдалась бурному течению.

– Что же мне делать? – застонала она.

– Ничего! Вам надо заниматься своей работой, как прежде. Только теперь Вы моя дочь, ну хотя бы до вечера. Кричать на каждом углу об этом не следует, а то ещё спугнёте энергию Ци своими молодыми связками. Просто согла-

шайтесь, если спросят.

– И это всё? – Верочка стала приходить в себя и потихоньку выбираться на берег.

– Да, всё. Согласитесь, это не сложно!

– И я смогу спокойно заниматься тимбилдингом со всеми сотрудниками?

– Конечно, Верочка! Тимбилдингом, тимхантингом, тимбитингом, тимчемхотименгом. С вашими идеями работникам некуда деться. Они обречены стать профессионалами.

– Ну, тогда я не против, только зачем это Вам?

– Верочка, современное предпринимательство требует нестандартных подходов к воплощению банальных идей. Разве Вы не согласны?

– Согласна.

– Тогда идите, возьмите свои профессиональные инструменты и слепите мне коллектив в единый кулак, которым мы ударим по нашим конкурентам. – закончил Ванваныч на высокой ноте.

Стресс от тяжёлого разговора с «отцом» прошёл. Верочка решила и себе выбить кое-какие привилегии по работе.

– Я пришла на крышу доложить, что предварительные занятия мы закончили, и я пока отпустила сотрудников немного поработать. Основные мероприятия перенесла на после обеда. Иван Иванович, я бы хотела сегодня полностью погрузить команду в атмосферу тимбилдинга. Чтобы никто мне не мешал.

– Отличное предложение, – Ванваныч поджал подбородок с нижней губой, соглашаясь с Верочкой. – Обещаю, сегодня коллектив Ваш. Лепите из них, что хотите.

Ругань, крики, скрежет металла по металлу, утробный рёв уставшего двигателя наполнили воздух откуда-то снизу, под самыми стенами здания.

– Откуда здесь труба?

– Оберзяев, едрить его!

– Увози, Оберзьяй-бай!

– Ща рванёт, давление-то какое.

Разошлось и затихло. Трубный гул, сначала тихий и далёкий, постепенно приближаясь, в одно мгновение превратился в рёв горного водопада, представ перед зрителями огромным грязевым потоком. Водный столб поднялся на несколько метров выше здания, раскинув в сторону свои рыжие беспокойные ветви.

Стая голубей металась в психическом припадке, маленький смерч побросал мусор на крыше, в надежде спастись вороны матерясь рванули с антенны. Только солнцу было наплевать, его лучи столкнулись с миллионами рыжих брызг и заискрились радужными мостами, приглашая зрителей походить по их горбатой поверхности.

Фонтан ревел и ругался, хлестал коричневыми плетями по раскаленной пустоте. Воздух наполнился водопроводной свежестью. В новом, захватывающем зрелище тонули про-

блемы, которые ещё секунду назад казались такими важными: ошибки непослушной дочери, сгоревший электрощит, борьба поколений и так и не раскрытая причина полутора-вековой жестокости работников коммунальных служб по отношению к домашним животным.

Татьяна подбежала к краю крыши, туда же отправились новоиспечённые отец с дочерью и владелец своего угла в Троицке. Вся группа посмотрела вниз.

Из центра грандиозной воронки, хватая потоки грязи, нёсся верх не менее грандиозный, ревущий поток разрушительной рыжей влаги.

Берега воронки сыпались вниз, отверстие быстро расширялось, водный смерч подхватывал и поднимал вверх строительный мусор, заботливо укрытый под слоем асфальта предыдущими строителями. Куски бетона, щебень, арматура и металлические обрезки со звоном и грохотом осыпались то тут, то там. Лавируя между обломками, сталкиваясь друг с другом, как хорошо разогретые атомы, носился целый Вавилон. С ляжками на загорелых плечах вавилоняне размахивали руками и орали каждый на своём языке. Никто никого не понимал, вершилось столпотворение.

На гусенице небольшого экскаватора стоял Oberzjev. Верочка его сразу узнала. Мокрый, весь в рыжей глине, с лицом испуганного шизофреника и глазами, светлым бельмом застывшими на коричневом фоне.

На прекрасном, чистом и никому не известном языке ему

что-то орал рабочий рядом, используя в качестве перевода убедительные удары руками. Оберзьев предохранялся куском картона, но защита выглядела неубедительно.

Носитель чистого и прекрасного лягнул напоследок Оберзьева поочерёдно обеими ногами, после чего заволок его в кабину.

– Заводи, Оберзьяй-бай, утонет!

Машина завелась, и, выпустив в небо параллельный с грязевым потоком столб черного дыма, отступила к воротам. Раздался новый скрежет, фонтан резко сбавил силу и высоту, но увеличился в ширину. На месте, где стоял экскаватор осыпался асфальт и «культурный пласт», что был туда упрятан.

Позади коммунальной катастрофы, почти у самых ворот, одновременно в трубку телефона и открытую пасть водопроводного люка орал упитанный рабочий в чистой спецовке.

– Закрывай, Айбек! Авария говорю! Авария на! Закрывай быстрее! Что?

– Какую крутить?

– Не вижу!

– Синюю крутить?

– Да, синюю крути!

– Она не крутится, начальник.

Упитанный бросил телефон и удавом нырнул в металлическое жерло.

На площадку серым горохом высыпала целая ватага мест-

ных работников и служащих. Они внесли свою лепту в общий хаос, выписывая зигзаги вокруг фонтана и сталкиваясь между собой. Без перерыва тыкая пальцами в экраны своих устройств, менеджеры орали, выли, ржали как загнанные лошади и визжали от счастья. Собирались по двое, по трое, гурьбой, обнимались и прыгали, поджимая ноги.

Из открытых окон к грязевому потоку молодыми, но жадными побегами тянулись руки, сжимающие пальцами свои устройства. Руки отчаянно двигались вперёд, стараясь хоть немножко, но опередить конкурентов. Вместе с руками из распахнутых окон вылетал восторженный рёв футбольных трибун.

Водяной поток начал слабеть, но в борьбе за жизнь рванул вверх последний раз и осел под дружный визг и хохот толпы, унося прекрасную радугу с собой в пучину.

Только в середине грязного озера, тяжело дыша и всхлипывая, продолжала вздыматься вода.

Наступила почти мёртвая тишина, прерываемая утробным рокотом лужи и нервными сигналами машин раскалённого города.

– Это совсем не то, чего я хотел, – сказал упитанный рабочий, выбираясь из люка.

Картина лопнувшего грязевого желудка открылась перед Татьяной сверху.

Мокрая глиняная жижа переливалась на солнце, от неё поднимался слабый пар. Везде валялись осколки асфальта,

грязный щебень и строительный мусор.

Рабочие боязливо собирались в центр желудочной катастрофы, тихо обсуждая увиденное.

Менеджеры возвращались обратно в здание. Пришли в себя голуби, слетели вниз и, довольно курлыкая, расхаживали между булыжниками, оценивая масштабы разрушения и хлебная дефицитную воду. С карканьем возвратились вороны и опять расселись на телевизионной антенне.

На безоблачном небе всё так же светило солнце.

– Все живы, обормоты? – гаркнул упитанный.

– Да, начальник.

– Где этот Оберзьев, чтоб его разорвало как трубу.

– Нельзя, начальник, пахнуть будет, – горе строители заржали.

Площадка наполнилась безмятежным весельем.

Татьяна обернулась и молча направилась к шахте на крыше. Через секунду администратор исчезла из вида.

Сорняков вспомнил, что оставил в кабинете нараспашку окно и, следуя чувству долга, заторопился вниз. Около шахты он сообразил, что даже не объяснился с розовым будущим, хотя оно чудным образом превратилось в осязаемое настоящее. К нему теперь можно подойти, постоять рядом, обнять и натурально потрогать. Сорнякову не хотелось, чтоб вчерашнее будущее, минуя осязаемое настоящее, стало лишь воспоминанием прошлого. Поэтому Пётр Петрович

помчался назад, но остановился в пяти метрах от цели, застыв в неопределённом временном континууме. Потрогать ему вряд ли сейчас дадут, а что сказать в такой неловкой ситуации, бывший прапорщик просто не знал. Он развернулся и побежал обратно к шахте. Преодолев несколько метров, Сорняков снова встал и задумался: как-то неудобно получается, надо срочно что-то предпринять. Но идей не находилось, в перегретой голове дули пустынные ветры. Минут пять бывший прапорщик носился между настоящим, прошлым и будущим, пока наконец долг не взял вверх. Пётр Петрович решил разобраться в спокойной обстановке, разложить всё на звёздных весах, тщательно взвесить и принять необходимое решение. В конце концов позвать на помощь Повелителя Млечного Пути. Уж он-то точно объяснит и расставит по полочкам все коллизии тяжёлого выбора. С тоской взглянув на розовый плод своих терзаний, бывший прапорщик скрылся в шахте.

Верочка нерешительно помялась, не зная, как правильно поступить в такой ситуации. Почти все уже разбежались, инструкции она получила, её руки развязаны. Что дальше делать на крыше, Верочка не знала. Незаметно, бочком она отправилась в шахту вслед за галантным офицером.

Ванваныч, который продолжал смотреть вниз на грязевую стихию, обернулся к Голованову. Тот так и сидел на шлакоблоке, не в силах поднять своё огромное тело. Инженер тихо рыдал, проклиная Фэн-шуй и всё, что с ним хоть как-то

связано.

– Хватит слёзы лить! До завтра у тебя подписка о невыезде. Можешь расслабиться.

– А завтра что?

– А завтра Никанорыч выйдет на работу, скорее всего с топором.

Ванваныч ухмыльнулся.

Голованов понял, что Колыма – просто рай на земле, захныкал громче.

– Чего реवेशь, Чудовище?

У инженера по коммуникациям плечи ходили ходуном.

– Что мне делать? Это ведь Вы меня заставили. Всё расскажу, как есть.

Ванваныч посмотрел на Голованова сверху вниз.

– Ты читал «Преступление без наказания»?³⁰

– Вы опять за своё? В школе проходили. – Голованов поднял мокрые глаза на полководца.

– Вот именно, что проходили, а надо было задержаться, хотя бы на пару дней. Подумать.

– Чем мне ваш роман сейчас поможет?

– А тем, Голованов, что не надо становиться на скользкую дорожку Раскольниковова. Нельзя повторять чужие ошибки. Раскаяние – первый шаг к отступлению. А сделав первый шаг, вторым ты шагаешь на станцию Обираловка.³¹

³⁰ «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский

³¹ Железнодорожная станция из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

– Что я там забыл?

– Вот именно, Голованов, лучше туда не ходить. Надо готовиться к новой борьбе. Проигранная битва – ещё не проигранная война. Для нас это только начало.

– Но я не хочу воевать. Я готов сдаться и во всём чисто-сердечно признаться.

– Нет, Голованов, теперь только активное сотрудничество спасет тебя от справедливого возмездия. Так что вставай, Голованов, и будь готов. Ты пионером случайно не был?

– Нет, – буркнул инженер поднимаясь.

– И октябрёнком скорей всего тоже. Ужасное детство, Голованов, ужасное. Общество поставило крест на детях девяностых, выдавая абсолютную анархию за демократию и свободу слова. Ты рос в тёмных подъездах с разбитыми лампочками и жевал жвачку, рассматривая грядущие перемены через пыльное окошко лестничной клетки. Ты не видел светлой цели, мой друг. Да и как тут увидишь? Когда костёр ты разжигал только для того, чтоб на его останках изжарить маринованный кусочек мяса. Ты уходил во тьму синих ночей³², и, жмурясь от наслаждения, плыл за сладким дымом удовольствий, не осознавая, что несёт его никакой не ветер перемен, а лишь обычный сквозняк. А свет от костра только мешал таиться в кустах, оголяя твою не менее ужасную юность.

Ванваныч достал фляжку, сделал несколько глотков с за-

³² Аллюзия к словам пионерской песни «Взвейтесь кострами синие ночи».

крытыми глазами, завинтил крышку обратно и немного помолчал.

– Ты задумываешься только тогда, когда заносишь пароль в окно безопасности и какой выбрать соус к остреньким крылышкам. За твоей роскошной бородой, которая отнимает у тебя всё свободное время, скрывается пустота. Там нет ничего, кроме красивой волосатой оболочки. Там нет капитала и нет манифеста,³³ но может, так оно и лучше, Голованов. Твой кумир – это толстая силиконовая жопа. Но радуйся, Голованов! Ты не один. Имя вам – легион. Весь мир следит, как задница ходит, лежит и одевается. Обсуждает её достоинства и недостатки. Единственное, что все знают, но не хотят обсуждать – её роль в пищеварительном процессе.

Стояла неестественная тишина. Клаксоны молчали, шины не шумели по дорожному полотну, птицы окончательно покинули полуденный зной. Только провода гудели под напряжением, и тяжело дышал инженер по коммуникациям.

– Скажу тебе по секрету, Голованов. Ведь я тоже страстный поклонник. Я безответно влюблён в её красоту. Что ты так дышишь, не знал? Я не пропускаю и дня, чтоб не ознакомиться со всеми подробностями её насыщенной жизни. Иногда я пугаюсь её огромностью.³⁴ Эта задница – моя аль-

³³ Ванваныч имеет ввиду внешность немецких философов. «Капитал» К. Маркс, «Манифест Коммунистической Партии» К. Маркс и Ф. Энгельс.

³⁴ Аллюзия на высказывание Александра З о России: «Нашей огромности бояться».

ма-матер. В стихах о ней прошла моя молодость. Но ничего не поздно менять, мой друг. Мы исправим ошибки твоего пыльного прошлого. Иди вот сюда.

Инженер по коммуникациям нехотя подошёл к Ванванычу.

– Согни правую руку перед собой. Так молодец. Ладонь выше головы. Будем принимать тебя в пионерскую организацию. Ты расстаёшься с предрассудками прошлого и ставишь интересы «Жёлтого ручейка» выше своих. Тебе понятно, Голованов?

– Ну... да, наверное.

– Отлично. Тогда будь готов!

– К чему?

– Не к «чему», а всегда готов. Ты бы хоть пару заметок прочитал на досуге, с уставом организации ознакомился. Без необходимых знаний никогда не разберёшься, что нарушать можно, а что нужно. Кстати, за участие в пионерском движении ты получишь бонус. Освобождаю тебя от Фэн-шуйной повинности. Пионеры, слава богу, не верят в Фэн-шуй. Амулет можешь выкинуть, всё равно он уже не рабочий. Стульчак можешь больше не опускать. Итак, Голованов! Будь готов!

– Всегда готов! – обрадовался Голованов, что в туалете теперь сможет думать только о главном.

– Ну вот и отлично. Я раскину мозгами и, когда надо, тебя вызову. Иди пока размышлять о соусе и давай прочь с этой

крыши, пока окончательно не свихнулись.

Город наполнился обычным шумом. Вороны, которые пропустили картину водопроводного апокалипсиса, наблюдали из-за угла последующий прием в пионерскую организацию. Они находились в безумном восторге, залиvisto каркали и выражали полное одобрение.

Глава 18 Реквием по унитазу

Человек мечтает.

Москвичи мечтали о море, умирая от нестерпимого зноя в стенах раскалённого города.

Верочка мечтала об удачной карьере, раскладывая на столе приспособления для сплочения корпоративного духа.

Пётр Петрович мечтал о своём розовом счастье, застыв на полу своего кабинета, покрытого налётом глины, и собираясь позвонить Повелителю Млечного Пути.

Голованов мечтал избежать уголовной ответственности, заедая горестные мысли хрустящей картошечкой со сладким соусом.

Иван Иванович разрабатывал план победы Фэн-шуй в отдельно взятом административном комплексе. Хотя это только предположение – о чём мечтает Ванваныч, всегда оставалось загадкой.

Татьяна мечтала, чтобы этот день поскорее закончился. Время только час дня, а проблем уже на месяц вперёд. Весь комплекс стоит без воды, и надо найти решение.

Но человек всё равно мечтает.

Когда-то давным-давно мечтали и наши плосколобые предки и даже те, что жили до них. Мечтал завоеватель в дальнем походе и труженик села с загорелым лицом, мечтал мореплаватель и первый переселенец.

Способность мечтать объединила мужчин и женщин, детей и взрослых, богатых и бедных, сумасшедших и в здравом уме, людей всех национальностей и вероисповеданий. Мечтал раб и рабовладелец, воин и пчеловод, мелкий воришка из подворотни и грозный разбойник с большой дороги. Мечтала дворовая девка и всемогущая королева, отъявленный хулиган и ученик приходской школы. Мечтали угнетённый и господствующий классы.

Мечтали о богатом урожае и жирном улове, о сказочном богатстве и вечной славе. Мечтали о деревянной игрушке на рождество, о равенстве прав, о справедливости во всём мире, о жизни без войны, о счастье, о любви и радости.

Мечтали, встречая рассвет и провожая солнце за горизонт.

И всё бы ничего, но сильно затекали ноги.

До 1596 года никто не соизволил изобрести унитаз.³⁵ Мечтать приходилось быстро, почти на бегу. Из-за таких неудобств мечты обрывались на самых важных местах. Только появится первая голубая звезда, и вот, пожалуйста, острая боль в колене. Только представишь себя в роли справедливого правителя, который дарует жизнь врагам и защищает слабых, ноги онемели и уже не держат.

А что остается делать?

³⁵ Изобретение одного из прототипов унитаза с водяным смывом приписывают Джону Харрингтону (1560 – 1612) – английскому поэту, крестнику королевы Елизаветы 1 Тюдор (1533 – 1603). Харрингтон описал прототип в своём произведении. После изобретения находился в опале.

Мечте нужно время для осознания. Её нужно поливать и вскармливать. За ней нужно ухаживать, как за капризным саженцем. Мечту необходимо холить и лелеять, чтоб она крепла, росла и становилась могучим деревом. Но никто не собирался ломать голову, чтобы помочь мечте. А ей-то что? Раз и ушла. Всё. Мечты больше нет. Пустота. Вот и махали мечом направо и налево или прятались за невежеством мрачного средневековья.

Но нашелся один поэт-мечтатель, который отказался мириться с таким положением вещей и перекинул сукатое бревно через выгребную яму, отделяющую человека от его мечты. Он изобрёл унитаз и преподнёс его в дар своей королеве.

Усевшись на первом прототипе, который разделил мир на до и после, добрая королева наконец-то расслабила затёкшие ноги. Потихоньку, не спеша, малюсенькими шажочками мечта как бутон раскрывалась во всей своей красоте и заискрилась огнями надежды. Не зря тот век называют Золотым Веком Англии. Ведь именно тогда Уильям Шекспир написал Ромео и Джульетту, Гамлета и Короля Лир. Боль в коленях больше не беспокоила великого драматурга.

Унитаз смело шагнул в тёмный мир без мечты и отправился в путь развязной походкой, освещая фаянсовым светом мрачные закоулки нашей души. Он заглядывал в роскошные палаты и уютные домики, путешествовал на поездах и круизных лайнерах, поднимался в горы и улетал в космос. Унитаз дарил людям надежду, не прося ничего взамен, а лишь

безропотно принимая на себя обратную сторону нашей красивой и сытой жизни. Той жизни, которую мы учились строить благодаря мечте.

Даже в молодой Советской России век назад понимали, что людям нужно мечтать. Производство унитазов стояло отдельной строкой в пятилетних планах. Не оставалось сомнений, что светлое будущее невозможно построить, сидя на корточках. Страна ударными темпами ковала удобное место для воплощения в жизнь основной доктрины построения коммунизма: заводы рабочим, земля крестьянам, мечта – будущим поколениям.

Очень жаль, что даже сейчас, в двадцать первом веке, не все люди имеют возможность мечтать.

Если спросить, какое самое важное место в вашей квартире? Что вы ответите? Спальня? Гостиная? Кабинет? А может, что-то конкретное? Холодильник, например, или кожаный диван? Чушь какая-то! Это как сказать, что самое любимое место в машине – водительское кресло. Да, удобно, и что дальше? Как оно раскрывает вашу натуру? Никак. Что оно даёт кроме удобной посадки? Да ничего!

Кресло не заедет в болото по самые уши, не сможет разогнаться, как космический корабль. Вы не поедете на кресле путешествовать с друзьями. Вы вообще прячете кресло за тёмными стёклами. Неужели по нему можно сказать, что вы богаты? Нет. А может, чертовски богаты? И опять нет! В конце концов кресло может просто занять ваш водитель. Ну

так вообще ерунда получается.

Разве с утра вы стоите в очереди к холодильнику, изнывая от желания схватить кусок масла и пару яиц? Разве вы несётесь как ветер на кухню, чтоб занять место у стола?

Нет, нет и нет!

Как только вы открываете глаза, вы сразу стремитесь в сортир, отворяя дверь волшебного храма дорогой плитки и сверкающей керамики, яркого света в дорогих зеркалах и чистого белого унитаза. Разве не вы создали это великолепие?

Показывая своё жилище, вы можете отмахнуться от всего: от разбросанной одежды, плохо покрашенной стены или разводов на потолке. Но открывая дверь в сортир, вы ждёте одобрительного удивления, украдкой поглядывая на визитера. Для вас как мёд слова восхищения вашим отменным вкусом.

Этот храм – воплощение ваших трудов. Это вы подбирали палитру цветов. Это вы ругались и спорили, склонив головы над разворотом очередного каталога. Это вы обошли километры белоснежных сверкающих рядов. Для чего? Чтоб забежать на пару минут? Ха-ха, очень смешно.

Вы идёте в сортир с книжкой в руке. Даже можете держать там целую библиотеку. Не зря унитаз создал поэт. Сидя верхом, вы берёте на бордаж корабли или кружитесь в вальсе королевского бала. Несётесь со скоростью света или проваливаетесь в волшебный мир фэнтези. Вы примеряете на себя модную одежду с цветных страниц или уезжаете в жаркие

страны. Странно, что редакторы журналов ещё не догадались проложить мягкую бумагу между страницами глянца. Было бы очень практично.

Из сортира отдают приказы, назначают руководителей, командуют заводами и корпорациями. Сидя на унитазах, в голову приходят спасительные формулы от опасных вирусов и ответы на неразрешимые математические задачи века. С удобного места руководят городами, а может, даже и странами.

Унитаз соединяет сердца! И не только самим словом.³⁶

Вы можете общаться по телефону с приятелем из Австралии, говорить маме, чтоб не волновалась, писать сообщения своим любимым и отправлять селфи друзьям. Вы думаете, где они? Ответ очевиден. Там же, где и вы. Только далеко, на другом краю планеты.

Вы скрываетесь за дверью, чтоб побыть одному, наедине со своими мыслями. Мечтаете о будущей работе, о повышении зарплаты, о том, что вы волшебники, наделённые невероятной силой, и только вы спасёте этот мир. Вы улетаете так далеко, что только стук в дверь способен привести вас в чувство и заставить уступить место следующему мечтателю.

И вот вы встаете, совершаете необходимые процедуры и нажимаете на спуск. Но в ответ ничего. Вы жмёте ещё. Вода не льётся. Даже намёка нет, что она была. Вы дёргаете ручку крана, но и там лишь утробное шипение.

³⁶ От латинского unitas – единство.

Паника!

Вы не понимаете, что делать, куда бежать, о чем говорить. В растерянности вы стоите и проклинаете весь мир и тот день, когда кто-то осмелился подарить людям возможность мечтать. Вы прикрываете крышкой отходы от ваших мечтаний и бежите в коридор узнать у соседей, есть ли у них вода. Но в коридоре уже многолюдно. Все волнуются, спрашивают. Подъезд наполняется возмущенным гулом. Во взглядах один вопрос: Что случилось? Кто посмел так грубо и бесцеремонно прервать ставший привычным процесс?

Вы звоните в диспетчерскую, требуете ответа, и вам его дают:

– Воды больше не будет. Никогда не будет. Вы не понимаете – НИКОГДА!!!

Мечты летят ко всем чертям. Сверкающий храм, когда-то самое любимое место в квартире становится пустым. Зачем эта итальянская плитка с красивыми прожилками под мрамор? Зачем фаянсовый унитаз, на котором так удобно сидела ваша задница? Блестящие немецкие краны, дизайнерская подсветка, бесконечные полки флаконов. Библиотека с полными собраниями сочинений. Стопки глянцевых тётенок и бугристых дядечек. Зачем? Всё становится бессмысленным.

Вы больше не всадник без головы, вам плевать на слово по вертикали из пяти букв, вас не интересуют песчаные пляжи. Производители плитки и сантехники становятся банкротами, разоряются модные дома, не выпускаются глянцевые

журналы. Стилисты царапают эскизы на равнодушных столах бесплатных столовых. Перестают издавать книги. Закрываются целлюлозные комбинаты. Поэты пьяными голосами горланят стихи опадающим листьям. Они улетают с осенним ветром или остаются лежать на холодной земле; чернеют, разлагаются и навсегда исчезают под выпавшим снегом.

Друг из Австралии не звонит. А когда? Нет времени общаться, посылать сообщения, признаваться в любви. А без любви нет продолжения. Нам больше нигде мечтать. Мы черствеем душой.

Люди больше не могут жить вместе и уходят из городов, начиная борьбу за землю и пропитание.

Человечество катится вспять, бессмысленно погибая в безумной войне. На земле остаются дикие племена, а история начинается заново.

В это время конец всего прогрессивного человечества начинался на третьем этаже, в офисе компании по продаже сантехники «Жёлтый ручеёк».

Часть вторая.

Глава 1 Конец прогрессивного человечества

Куранты отбили два часа пополудни, предупредив разомлевших горожан, что шутки кончились. Теперь экватор режет Москву вдоль Тверской, навещает вождя пролетариата и, огибая Храм Василия Блаженного, теряется где-то в районе Кузьминок. Москвичи и гости столицы дружно слизывали с рук пломбир, который стекал белыми ручейками, плавясь под солнцем. Холодный квас хлебали, словно пиво на октоберфест. Бездомные псы дышали, как марафонцы-курильщики, прячась в тени деревьев. Стайка ворон в Парке Культуры обсуждала полураздетых девиц на газонах. В фонтанах было многолюдно. Работать как всегда никто не хотел.

Солнце бесстыдно заглядывало в открытые окна Жёлтого ручейка. Предметы играли волшебным светом. Струи фонтана в центре братского полукруга переливались словно бриллианты. Солнечные зайчики, сталкиваясь друг с другом, носились по стенам. Сидя на стопках монет, искрились трёхлапые жабы, обещая денежное изобилие. Сверкали пузатые дядьки Хотэи, предрекая успех. Переливались

семь богов счастья, светясь мудрым светом из разных углов. Небольшой сквознячок теребил связки монет и играл «музыкой ветра», превращая офис в сказку. Трубили во все хоботы слоны, скалились красным светом драконы, ползали бронзовые черепахи, гримасничали обезьяны. Около фонтана вели беседу три китайских мудреца. В стороне, в ожидании бухгалтера Милы маялись три курьера из службы срочной доставки, компаний: «Цунами», «Быстрый олень» и «Юркий ветер».

Обстановка располагала к послеобеденному отдыху.

Из туалета вышел толстый рябой менеджер Лёва, бросил взгляд по сторонам и, убедившись, что его никто не заметил, отправился на своё место.

Потихоньку с заслуженного обеда стали возвращаться довольные работники. Никто не торопился. Велись непринуждённые разговоры, обсуждались общемировые проблемы, сравнивали последние достижения науки.

За столами сидели сытые менеджеры. Кто-то вяло передвигал карты по мониторам, кто-то знакомился с мотивационной таблицей штрафов под названием «Теорема Ахримена». Периодически вскрикивали телефоны, слышались рабочие разговоры:

– Ну что Вы? Это белое венецианское стекло с надёжным турецким механизмом по последним немецким технологиям. Монгольская компания с разрешения индийских партнёров открыла производство у нас, в Околокукуевке. Всё верно

– комплектующие из Китая. Не волнуйтесь, цена существенно опережает качество, сметают на ура. Конечно, на предприятии абсолютный контроль. На заводе работают исключительно иностранцы с соответствующей подготовкой и квалификацией. Всё уже приготовили, не переживайте. Завтра отгружаем, – Вован, счастливый обладатель нового автомобиля, повесил трубку. – Лёва, унитаза Околокукуевские нашлись?

– Нашлись-то нашлись, но последний хороший экземпляр забрал себе Алёша из Мармеладовки, ещё четыре бракованные, – ответил толстый рябой менеджер.

– Что с ними? – Вован теребил хобот слона, висевшего на груди.

– Затворы не держат, есть трещины и сколы, поверхность в черных вкраплениях. Наверно, где-то нарушили технологию.

– Когда новые поставки?

– Да ты что, Вован, какие поставки? Завод закрылся в том месяце, – ответил Лёва

– Тогда придётся отправлять! Заказ уже оплатили, – Вован решительно отпустил хобот, и слон с деревянным стуком ударился о край стола.

На концах братского полукруга двое разом подняли головы и вместе вздохнули.

Он и Она, молчаливые и печальные, сидели напротив друг друга. Она в белой рубашке, Он в сером пиджаке. Она рас-

кладывала пасьянс, Он скролил ленту. Она хотела ему всё сказать, Он хотел во всё ей признаться. Она вздыхала и смотрела на него поверх монитора. Он вздыхал, поднимал голову и смотрел ей в ответ. Тогда Она гордо отворачивалась и вздыхала. Он отводил взгляд и тоже вздыхал. Они возвращали глаза к мониторам.

Так они молчали, вздыхали и скролили, печали не было конца.

– Всё верно, Абрам Акварельевич, всё верно! Отправим всю партию сразу. Да, не переживайте, это отличные евразийские смесители. Околокукуевское предприятие сейчас лидер данной отрасли. Пожизненная гарантия, – тощий менеджер тряс кулачками над головой, приседал, вставал со стула и всячески выражал бурную радость от намечавшейся сделки. – Что значит, почему так дорого? Ну мы уже с Вами обсудили цену. Вы хотите уменьшить заказ? – тощий поник и опустил кулачки. – Ну хорошо, пусть будет шесть и двенадцать. Вы хотите ещё уменьшить? Ладно, пусть будет по-вашему, мы опустим цену ещё на три процента. Спасибо, Абрам Акварельевич, немедленно подготовлю документы. Сразу, Абрам Акварельевич, сразу всё отправим. «Жёлтый ручеёк» – надёжный партнёр и дистрибьютор Околокукуевского завода.

Поговорив, тощий вскочил из-за стола и опять затряс кулачками над головой.

– Мой первый заказ! Мила, где Мила? Мне надо выпи-

сать шесть умывальников и двенадцать смесителей. Кто-нибудь знает, где Мила? – тощий менеджер продолжал суетиться и трясти кулачками. Он выписывал диаметры и радиусы по братскому полукругу. Бегая между вздыхающими влюблёнными, тощий создавал невидимую связующую нить. Пробега по замысловатой хорде, он останавливался напротив каждого сотрудника, заглядывал в глаза и спрашивал местонахождение Милы.

Менеджеры пожимали плечами, Он и Она качали головой и тяжело вздыхали. Местоположение Милы никто не знал.

Тошнотворная жара расплзлась по офису.

В братский полукруг вошла Верочка.

– Скоро начинаем. Так что поживей, пожалуйста, закругляйтесь с делами. Я наметила несколько мероприятий по поиску чувства локтя и понимания партнёра без слов. Задания будут сложные, но надо постараться, результат приятно удивит. Вы мне нужны полностью на сто процентов.

Тощий зашёлся дурным криком.

– Я не могу, у меня Абрам Акварельевич ждёт в Абакане.

– Подождёт. Распоряжение Ивана Ивановича.

– Нас сегодня пораньше не отпустят? А то жарко, сил нет. – взмолился толстый рябой Лёва. Его место располагалось на самом солнце. Пот тёк, и Лёва таял на глазах.

– Придется поискать силы. Откройте окна, впустите воздух.

– Да уже всё открыли и впустили, что можно. А где Голо-

ванов? Пусть хоть вентиляторы сбегает купит.

Заплыла Мила, шурша юбками и тыкая пальцами в телефон. Её улыбка осветила увядший лик тощего менеджера. На бухгалтера налетели Цунами, Быстрый олень и Юркий ветер, возбудив волнообразные движения необыкновенных жиров. Дождавшись, пока всё уляжется и утрясётся, все три скорохода в один голос начали умолять отдать поскорей документы. Каждый рассказал, что ему нужно посетить ещё три, четыре, даже пять мест. Все места паломничества находятся строго по краю города. И что если иметь воображение, между ними можно начертить пятиконечную звезду, а Цунамец гордо сказал, что его воображение позволяет начертить шестиконечную. Позади них прыгал тощий менеджер, потрясая кулачками. Он дрожал, лез вперёд, но обладатели звёзд затирали его могучими плечами.

– Я вспомнила, где оставила папку вчера, – Мила широко улыбалась, излучая радость человека, который узнал, где находится клад. – Быстрее со мной!

Курьеры, исполненные надежды, отправились вслед.

– Мила, мне нужно выписать накладные, вот бланк заказа, – тощий менеджер протягивал листик бумаги, зажатый в худеньком кулачке.

Бухгалтер, не отрываясь от телефона, засунула бланк под мышку, и весь состав застучал юбками прочь из офиса.

Тощий, потрясая кулачками, помчал в туалет, где налетел на огромный хобот выходявшего оттуда Вована.

Вован, нервно оглядев братский полукруг, наткнулся на понимающий и пылкий взор рябого Лёвы. Владелец слона сел на место и потупил глаза на хобот. За ним притопали Он и Она. Она горела стыдливым румянцем и вздыхала, Он не знал, куда деть свои руки, и тоже вздыхал. Оба обрушились без сил на стулья, спрятались за мониторами и вздохнули. Вован не выдержал и вздохнул тоже. Лёва стерпел и не вздохнул.

Из-за мониторов снова вздохнули, Вован подхватил, и в конце концов не выдержал Лёва. В ту же секунду четыре пары глаз пересеклись в районе фонтана. Образовалось тайное братство полукольца.

По коридору прошмыгнула пристяжная тройка из отдела маркетинга. Коренной – Охапет Ахрименович, полу-бальзаковец с жидкой соломой на голове, а за ним пристяжные Косоглазин и Кривозорин. Тройка скакала со стороны туалета в неизвестном направлении.

Вернулся тощий, надёжно припрятав кулачки в карманах. Вид имел потерянный. Он ерзал глазами по полукругу, в надежде найти понимание. Однако братство смотрело на амулеты и тяжело вздыхало. Принимать тощего в свои ряды никто не желал. Он проник на свой стул и сделался невидимкой.

Тем временем, пока братство полукольца облегчённо колыхалось под тяжкими вздохами, большинство сотрудников такого облегчения не чувствовали. Они печальные выходили

из кабинок, в которых издалека слышалось присутствие человека. Так и не выполнив свой регулярный послеобеденный долг, менеджеры испытывали тревогу и нервное возбуждение. Сухие губы шептали неприличные сентенции и поносили всех по матери. Поняв, что удобств больше нет, блага цивилизации изгадили, а отмыться невозможно по причине отсутствия спасительной влаги, сотрудники сотрясли атмосферу праведным ором. Обличительные слова и отходы от переработанной пищи искали выход. На потолке загудела музыка ветра.

Количество орущих стало превосходить тайное братство и постепенно оформилось в некое подобие агрессивного племени. Амулеты угрожающе покачивались. Во главе племени встали Твердынов и Плывунов. Такой расклад грозил перерасти в смуту и избиение на почве социальной неприязни. К радости братского полукольца, среди вечного ора возникло разумное предложение отправиться в соседний офис.

Улюлюкая победный клич, племя пронеслось по фарфоровым лягушкам и мудрецам, вынесло двери навстречу солнцу и умчалось прочь. За их спинами осталась разорённая дорога богатства и плодородия.

Твердынов и Плывунов, ноздря в ноздю, молча неслись рысью по межэтажным пролётам. Нереализованные желания сближали. Перила гудели от напряжения. По лестничным сводам ходило эхо. Чёрные ботинки с загнутыми носами синхронно подымались и опускались, перелетая через

три ступеньки, отважно печатая твёрдый шаг. Волевые лица новых вождей дышали решимостью, как будто сошли с плаката времён индустриализации – «А ты выполнил свой план?». Для полного антуража не хватало знамени.

Позади них, также молча поймав ход ноги, мчались продажи, закупки, финчасть, логистика и кадры. Синие вены чертили виски, ко лбам прилипли волосы, по щекам тёк пот, очи горели надеждой на справедливый исход.

Навстречу организованными колоннами неслись работники компаний левого крыла. Межэтажные пролёты гремели как на параде. Поравнявшись с левокрыльной колонной на историческом стыке первого и второго этажа, Твердынов и Пльвунов бросили на соперников презрительный взгляд и перешли на галоп. Продажи, закупка, финчасть, логистика и кадры последовали за жожаками, а левое крыло устремилось вверх по лестнице.

Когда племя Жёлтого ручейка пересекало галерею первого этажа, позади с грохотом разлетелись в стороны двери основного конкурента. Из его недр, сначала шагом и неровной толпой выступило племя «Студёного ручейка». Оценив обстановку, конкуренты быстро реорганизовались, сомкнули стройные ряды и перешли на лёгкий аллюр для разминки, который, впрочем, через секунду превратился во вполне спортивные скачки.

Борьба за выживание началась.

Племя Жёлтого ручейка опережало Студёный на доб-

рые полгалереи и первым подскакало ко входу в левое крыло. Створки дверей легко поддались в противоположную от привычного направления сторону. В разгоряченные морды пахнуло прохладой работающих кондиционеров.

Это добавило сил и надежд.

Впрочем, преследователи, как спринтеры, отчаянно двигая руками по сторонам, в два скачка оказались в хвосте колонны и задышали сухим горячим паром во влажный круп отстающего отдела логистики. Кордон со страхом оглянулся и схватился за финчасть, которая была немногим, но всё же моложе. Бежать стало легче.

Последовал приказ вождей занять весь пролёт и не дать противнику выйти вперёд. Жёлтый ручеек разомкнулся, захватил всё пространство от стены до перил и первым достиг заветной цели. В спину упёрся Студёный ручеек. Дыша, как киты во время случки, оба племени остановились перед двумя латинскими литерами на двери. Каждая буква в отдельности не значила ничего, но их сочетание несло спасительный контекст.

У двери стоял часовой.

Глазам ручейков предстала знакомая картина разрухи и разложения в отхожих местах. Знакомый менеджер из дружественной организации выполнял роль сторожевой собаки, лая на любопытных, которые заглядывали в дверь туалета. Он облегченно, но застенчиво пошаркал сначала одной, потом другой ногой. Поскрёб пятнышко на плитке дивными

завитыми мысками дорогих импортных штиблет и наконец ответил елейным голосом, что мол сами всем офисом справляли нужду в супербыстром питании через дорогу напротив, и пока их коллектив делал всё согласно зову сердца и нормам воспитания, чей-то чужой коллектив, не имея высоких чувств и моральных качеств, превратил их уборную в туалет на подмосковном шоссе. Теперь даже к умывальнику подойти невозможно. Потому и приходится ему охранять доверенный объект от разных засранцев из соседних компаний.

Студёный ручеёк опомнился первым, к тому же находился в выигрышной позиции. Пока Жёлтый делал спасительную рокировку между уставшей логистикой и целеустремлёнными вождями, конкуренты уже пробежали вниз один пролёт и сверху виднелись лишь решительные затылки арьергардной части колонны.

Погоня началась снова.

Оба племени, топоча как бегемоты, пересекли площадку перед зданием и сквозняком прошили раскрытые двери КПП. Ветром смело нехитрую бухгалтерию охранника Василя, а также проходной барьер вместе с валидатором. Ответственный страж даже глазом не повёл, и лишь метко заметил:

– Ишь, носятся сегодня туда-сюда, приспичило им там всем что ли?

Морда к морде оба ручейка перелетели дорогу, не обращая внимания на возражения водителей и визг тормозов.

Прыгая от нетерпения, они гурьбой завалились в «Транс-

национальную котлету» – гигантскую сеть ресторанов сверхбыстрого питания. Но там все были уже начеку. Корпоративный уклад сети мёртво стоял на прямых нержавеющей рельсах. На тимбилдинг молились во время утренних построений, понимали друг друга, не говоря ни слова, чуяли за версту локоть товарища и затылком могли прочесть приказ вышестоящих командиров.

Устав от десятков халявщиков из комплекса, которые изгадили весь туалет, но ничего сверхбыстро не съели, сотрудники единым фронтом встретили непрошенных гостей, заслонив фаянсовую амбразуру своими корпоративными телами. Покупать котлеты, чтобы зайти в туалет, не осталось ни сил, ни времени.

Ручейки метнулись в соседнюю блинную – «Кузьминишна и Фомич». Заведение не сетевое, но приличное. Здесь любовь к тимбилдингу сильно хромала, но жаждущие работники комплекса успели наследить и здесь. Снова ждало разочарование. Около заветной цели стояла уборщица, поглаживая швабру, конец которой был заботливо заточен. По краям от неё со скалками для раскатки теста стояли собственной персоной – Кузьминишна и Фомич. Коридор к заветной мечте вёл узенький, с флангов не обойти.

В отчаянии ручейки забрались в последнюю надежду – кафе «Горный перевал».

Но в «Горном перевале» оказалось совсем страшно. Тимбилдинг на Кавказе культивировался веками и всасывался

с молоком матери. Не дай бог заденешь кого! Разбираться прибудет сначала аул, затем район, город и в завершении целая республика. За столами спокойно сидели яркие представители вышеупомянутых административных единиц, недобро улыбались, точили ножи и пели горные песни. Во всех угадывались выразительные родственные черты.

Рисковать никто не хотел.

Ручейки мучительно выдохнули и спустились с «Горного перевала» на улицу.

Общее горе сближает. Поразмыслив и выработав единый план, оба племени рассредоточились в соседних дворах. Но в подворотнях их ждало полное разочарование. Здесь уже побывало такое количество аборигенов из комплекса, что старожилы, только завидев белые рубашки, тут же затрясли своими морщинистыми подбородками, и за каждым представителем племени образовалась надёжная слежка. Не скрываясь и не таясь, за спинами изнемогающих менеджеров семенили две-три опытные старухи, стуча костылями.

Измученные, усталые, страдающие от переполнявших их объёмов, ручейки стали стекаться обратно в офисы.

Верочка коршуном налетела на бедное, потрёпанное в дальних походах племя, с требованием немедленно приготовиться к мероприятию. Но искренние физиологические потребности больше не позволяли думать и полностью блокировали участки мозга, отвечающие за рациональное мышление и конструктивные отношения внутри племени.

Поднялся душный галдёж, крики возмущения и требования улучшить невыносимые условия труда. В «Жёлтом ручейке» разгорался полномасштабный бунт. Требовалась только искра.

– Такого раньше не было, – почти разжёл костёр мятежа Охапет Ахрименович, выйдя всем отделом маркетинга посмотреть на праведный шум.

Но в офис вбежал Твердынов с уставшим, но всё ещё волевым лицом. Он сполз по косяку двери и прошептал:

– В «Студёном» туалет открыли. Надо спешить. Я пробрался первым. Но скоро об этом узнают все.

Революции не произошло.

Племя во главе с оставшимся Плывуновым силой корпоративного единства впечатало Верочку в стену и промчалось по Твердынову вниз по лестнице.

Глава 2 Трубопровод

За прошедшие столетия трудовой люд очень точно охарактеризовал приход разнообразных несчастий в быт человека. Выразил, так сказать, весь процесс незвано-негаданного вторжения, используя точные народные наблюдения:

Беда на беде, бедой погоняет.

Пришла беда – отворяй ворота.

Беда не приходит одна.

Беда бедой беду затыкает.

Беда беду родит.

Беда беду кличет.

И ещё сотни две-три других пословиц и поговорок.

Все неприятности, как подметило острое народное зрение, всегда приходят совместно, гурьбой, словно где-то договорились. График посещения нигде не висит, когда вздумают окаянные, тогда и шлёпают в гости.

Нет, чтоб по-людски! Культурно постучать в дверь, заглянуть, извиниться – мол, так и так, я ненадолго, не волнуйтесь, за минутку управлюсь. Мы ж люди, не звери! Понимать должны. У всех своя работа. Кто-то строит, кто-то ломает.

Пускаем окаянное.

Ну, заходит лихо одноглазое, делает свои грязные дела и шмыг за дверь. И все довольны, претензий ни к кому нет.

Если, не дай бог, зайдёт ещё какая напасть, то обязательно

вежливо спросит: «Я не рано? Столкнулась просто с подружкой на лестничной клетке. Ситуация из ряда вон, понимаю. Ценю и уважаю ваше личное пространство, но мне тоже надо работать. Я пока рядом постою тут, как будете готовы – дайте знать».

Ну что делать? Раз пришла, не выгонять же! Вздыхаете, как положено, прячете драгоценности, проверяете огнетушители, выключаете электрические приборы, убираете ножи, отправляете детей к бабушке, и командуете:

– Заходи, раз пришла! Только давай поскромней, и так натоптано.

Напасть заходит, творит всякие гадости – по-другому ведь она не может, от рождения такая зловредная. Максимум что иногда спрашивает разрешения, мол: это можно испортить, а это сломать? Вы, конечно, ворчите, но соглашаетесь, и опять же! не всегда. Пусть совесть имеет, в конце-то концов!

Разгромив, что позволили, напасть откланивается, извиняется за причинённый ущерб и уходит с глаз долой. Всё. У вас есть законный отпуск перед посещением следующей.

Вот и жил бы человек со всякими бедами душа в душу.

Так нет!

Такое ощущение, что все беды получили воспитание в надоедливой религиозной секте. Заваливаются некстати, без стука, беспардонно и целой ордой. Не спрашивая, отворяют ворота, скидывают верхнюю одежду и, топоча грязными сапожищами, следят по всему полу, превращая твоё обитание

в кошмар.

А уж когда беда всё-таки переобувается, съёт свои костлявые ноги в домашние тапочки, становится совсем худо. Несмотря на показное воспитание, ты понимаешь – тварь на долго.

И точно! Одна напасть открывает холодильник, другая ложится на диван, третья садится за твой рабочий стол, и некогда приятное течение времени превращается в абсолютный кошмар. Напасти разбредаются по углам, и твоя жизнь летит ко всем чертям.

Пока ты пытаешься одну беду выгнать из спальни – вторая хозяйничает на работе, ты бежишь туда, но следующая уже подцепила жёлтым слоистым когтем крышку бака со старым бельем. Ты ещё не успел разобраться с первыми тремя, а новые уже толкаются в коридоре, нетерпеливо барабанив в твои двери. Справиться с ними невозможно. Это как колесо обозрения, только ты не на аттракционе, а рядом, в закрытой будке смотришь через небольшое окошко, как твои горести и напасти, отвратительно кривляясь, сменяют друг друга. Колесо крутится всё быстрее, начинает мутить, но ты всё равно бессилен. Пока все эти разномастные беды не накружатся всласть, карусель не остановится.

Как любой российский предприниматель Татьяна знала особенности национальной работы. В этот чудесный день двери комплекса гостеприимно открылись для всех бед и напастей. И хотя прямой корреляции не прослеживалось, от-

сутствие Никанорыча являлась одной из них.

Татьяна села за свой стол, чтоб на секунду расслабиться.

Очень хорошо, что получилось подвести воду хотя бы к одному санузлу. Временное решение, но такое необходимое. Пока не починят трубу, других вариантов всё равно нет. Богданов обещал до завтра всё исправить, кровь из носа.

Странный этот Богданов. Татьяна даже испугалась его сначала. Надо же, в прямом смысле слова бил своего работника, натурально колотил его своими огромными ручищами. Татьяна видела такое в первый раз. Слава богу всё обошлось, работник выжил, а Богданов предложил до завтра подключить воду напрямую шлангом от колодца.

Конечно, смешно, но «трубопровод» пришлось протянуть через кабинет Петра Петровича. Санузел «Студёного ручейка» оказался ближе всего, и шланга хватило в аккурат по прямой.

Ладно не растает. В офисе у них, конечно, ужас.

«Зато удобства без очереди», – закончил мысль голос Никанорыча.

В любом случае, Богданову спасибо, хотя его бригада – виновник бедствия.

– Интересно, что ждать дальше? – Татьяна покачала головой.

Ни одно приличное литературное произведение не обходится без «тут в дверь постучали» в самый разгар сюжета. Но это случится позже, а пока...

Глава 3 Кабинет Петра Петровича

По кабинету генерального директора «Студёного ручейка» разлилась душная тишина, которую нарушало шипение шланга на полу и нервные звуки ошалелого от жары города.

Напротив директорского стола, правильным равнобедренным треугольником сидели трое людей в атласных халатах. Одежда вершины геометрической фигуры сверкала серебряными звёздочками на красном бархатном фоне, у двух других вершин такие звёздочки отсутствовали, и халаты переливались только однотонным синим атласом. Головы сидящих украшали чёрные с серебряной патиной треуголки времён Петра Первого, а пальцы трёх пар рук сверкали перстнями и камнями всех цветов радуги. На бархатной груди вершины треугольника раскачивался огромный золотой орден, с не менее огромным изумрудом по центру. Волбу чернела покрытая волосами родинка, величиной с медный советский пятак.

Со всех трёх верхушек не переставая лился пот, который они синхронно вытирали шёлковыми платочками, на пару секунд приподнимая треуголки.

Ещё мгновение назад воздух сотрясал ожесточенный спор между углами треугольника и бывшим прапорщиком. Обсуждались возможные способы объединения влюблённого сердца Петра Петровича с вероятно влюблённым – его из-

бранницы из Жёлтого ручейка. А так как роль равнобедренного треугольника в создавшемся любовном треугольнике по сути являлась образующей, не снимался с повестки и вопрос: чем непосредственно станет заниматься один треугольник в другом, и какая выгода ожидается у каждой из сторон?

Многоугольный геометрический узор вышел довольно сложным, но просим отнестись с пониманием. В истинной и непридуманной любви всё всегда нелегко.

В раскрытом окне зазвенели голосами рабочие. Гул города прерывался глухим шлепками и ударами:

– Убью тебя Оберзьев. Потом убью Ханырина. Будете артефактами в этой яме лежать, ей богу.

С улицы, сквозь раскрытое окно в кабинет входил пожарный шланг, извивался по полу и выползал через приоткрытую дверь в коридор. Шланг потел холодным конденсатом и утробно журчал. От него, на уже подсыхающем пласте глины, расходились в стороны тёмные сырые пятна. Во время коммунальной аварии кабинет залило коричневой грязью. Поток покрыл всё живое и неживое слоем примерно в сантиметр, пощадив только черный квадрат Сорнякова-Малевича и фотографию его армейской службы.

Из-за двери в кабинет долетал гомон изнывающей очереди к единственному в комплексе работающему унитазу.

– Послушайте, я имею полное право на достоинство и социальное обеспечение. Вы не смеете лишать меня простой

возможности сходить по нужде. Это записано в Конституции!

– Дверь закрой, используешь своё право после меня.

– Хам студёный! Вы не можете так нагло влезать в очередь.

– Можем. Наш туалет. Здесь твоя Конституция не работает.

– Господа, прошу побыстрее. Какая разница, чья Конституция, если она всё равно не работает. Ненужные споры вызывают только острую резь.

– Скоро там? Предлагаю установить ограниченное время посещения.

– Правильно. Тут из последних сил в себе держишь, а они политикой занимаются. Стыд совсем потеряли.

Пётр Петрович двумя руками теребил своего моржа. Усы сильно сдали в объёмах и выглядели совершенно нездоровыми.

Бывший прапорщик размышлял о том, что случилось следом за апокалипсисом.

Сразу после известных событий на крыше бывший прапорщик вернулся к себе в смутном любовном волнении. Горячее сердце уже прожгло грудину и стучало где-то рядом за пиджаком. Что делать с таким открытым острым чувством, Пётр Петрович не знал. У Повелителя Млечного Пути линия оказалась занята, поэтому в томительном ожидании Сорняков просто стоял у зеркала и разнонаправленно шерудил сво-

ими университетами до тех пор, пока не раздался телефонный звонок.

– Как дела твои земные, небесный друг мой козерог? – в трубке, как будто с другой галактики, Сорняков услышал космический голос Повелителя.

Небесный Козерог так обрадовался, что минут за двадцать излил в телефонную трубку всё, что так болело и плескалось в обнаженном сердце. После чего подробно описал свой романтический путь от появления на свет до дырки в груди. И закончил рассказ бывший прапорщик, стоя коленками на глиняном полу. Он сложил руки в замок и умолял повелителя приехать как можно скорее, чтоб спасти верного последователя своего от неминуемой смерти.

– Хорошо, – сказал Повелитель, медленно пережёвывая слова. – По меркам вселенной мы тут неподалёку, но хочу сразу предупредить. Личная встреча – не разговор по телефону. Ты не сможешь обращаться ко мне, как я к тебе. Ученикам не позволено говорить с повелителем, дабы гласом своим не оскорбить путь его млечный. Все вопросы и ответы только через моего адъютанта или слуги. Расходы твои, мой козерог, в таком случае незначительно возрастут. Ты готов?!

В отличие от Голованова, Сорняков отлично помнил своё пионерское детство и отчеканил, рефлекторно согнув руку в локте на уровне лба:

– Всегда готов, мой Повелитель!

– Тогда для начала переведи тридцать тысяч за срочный

вызов. Немедленно! Номер карты ты знаешь.

Вселенная по меркам Повелителя Млечного Пути действительно оказалась крохотной. Небесный оракул материализовался минут через десять в сопровождении адъютанта. Оба провидца поглощали люля-кебаб и запивали красным вином в «Горном перевале» через дорогу. Правда, из-за возмутительных условий работы, а также отсутствия общепринятых достижений цивилизации в офисе Сорнякова, космическая команда собралась уже ретироваться, но несчастный козерог прожёл две дорожки в усах своими радиоактивными слезами и за небольшую надбавку в двадцать тысяч рублей уговорил всех остаться.

Ещё раз, выслушав подробную хронологию событий, Повелитель пошептался с адъютантом и последний огласил слова владыки:

– Дать правильный ответ не так просто, как кажется, – адъютант сделал паузу. – Без специального прибора здесь не обойтись.

– Что же? Что же это за прибор, говорите? – Пётр Петрович, раздавленный тяжестью первых слов адъютанта, снова воспарил к звёздам после последних.

– Это небесный сачок. Оборудование профессиональное и существует в единственном экземпляре не только на земле, но и во всей галактике. Сачок собирает магнитные всплески от ближайших к нам Центавры и Сириуса. Оборудование привезёт слуга его превосходительства через минут десять,

не больше. Но инструмент весьма хрупкий и дорогой, а в таких условиях, – адъютант махнул рукой на условия, – наладка требует концентрации всех служащих Млечного пути. Необходимо немного довести, ещё тысячу тридцать. Но спешим обрадовать. Небесный сачок даёт девяностопроцентную гарантию положительного исхода дела. Это существенный результат, которого добилась наша команда.

– Скажите, а нельзя повисить надёжность сачка? Ну ещё процентиков на шесть-семь? – заблеял радостно козерог. – Сделаю всё от меня зависящее, материальное, ценное.

Служащие Млечного Пути посоветовались ещё раз.

– Сегодня, звёзды могут гарантировать только 95 процентов. Мы сделаем всё, что в наших силах. Материальное и ценное нас не интересует, достаточно пятнадцати тысяч.

Бывший прапорщик с радостью сумасшедшего перевёл две указанные суммы, а также ещё четыре, нет даже пять тысяч для верности.

По прошествии десяти минут явился слуга Повелителя – здоровенный такой детина. Он облизывал пальцы и, по-видимому, перед самым своим появлением находился в том же месте, где и его небесные соратники. Дитина вырос настолько огромным, что у Петра Петровича не осталось никаких сомнений – слугу воспитала корова, из которой он, не отрываясь, пил молоко, держа бурёнку над головой.

Слуга притащил с собой огромный деревянный ящик, из которого извлекли миллион деталей и собрали что-то на-

подобие адронного колайдера, только в миниатюре, но гораздо сложнее. Каждая деталь механизма могла двигаться и вращаться в любом направлении, достаточно только прикоснуться или подуть. Сорняков кружился вокруг, словно он подопытный электрон в этом колайдере, тянул руки к сачку сквозь подмышки Повелителя и дул на него поверх плеч адъютанта. Сначала его пытались отогнать вежливо, но затем слуга оторвал его от пола и отнёс в район черного квадрата, чтоб не мешал.

К центру получившейся конструкции приладили руль от гоночного болида.

Повелитель взял лист чистой бумаги, засунул его в зубастую нишу механизма, подул и провернул рулевое колесо. Зубастая ниша сомкнулась, послышался стальной скрежет и звук издевательства над бумагой. Через минуту лист стал отперфорирован замысловатым образом.

– Готово! Сачок на боевой изготовке! – сказал Адъютант и обратился к Сорнякову. – Нам необходима тишина, Пётр Петрович, и встаньте, пожалуйста, со стороны улавливателя волн. Аппарат сам настроится на Ваши личные данные. Постарайтесь не шевелиться, чтоб не исказить информацию.

Адъютант несколько раз крутанул какой-то рычаг справа от руля и подал команду взмахом руки.

Все четверо замолкли, а бывший прапорщик просто окаменел напротив растопыренных железных пальцев, между которыми висела изрядно пожелтевшая рваная марля. Бед-

ный козерог не только не двигался, но и старался не дышать, чтоб не дай бог не сдуть важные данные куда-нибудь в сторону.

В тишине кабинета утробно шипел шланг и тикал механический таймер сачка.

Пётр Петрович даже почти задремал.

Примерно через полчаса таймер взорвался пронзительным звоном, заставив бывшего прапорщика непроизвольно вздрогнуть и выдохнуть. Сачок угрожающе зашевелился.

Адъютант покачал головой и придирчиво осмотрел все механизмы профессионального оборудования.

– Мы же просили Вас, Пётр Петрович!

– Я ненарочно, просто звонок раздался так неожиданно, – стал защищаться Сорняков.

– Ладно, будем надеяться, что информация о Вас передана без помех. Сейчас мы всё равно это не проверим. Будем пробовать!

Сорнякова немного отпустило, и он расслабил затёкшие конечности.

Адъютант приклонил голову и отошёл на шаг в сторону от чудо-аппарата.

Повелитель занял его место и вставил в сачок новый, девственно чистый лист бумаги. Хитрая машина заново искусала первозданную поверхность со всех сторон.

Служители Млечного Пути хищно схватили то, что осталось после экзекуции и принялись на свет изучать дырчатые

узоры, тихо переговариваясь.

– Нам ещё нужен рабочий материал, – попросил слуга.

Бывший прапорщик нырнул под стол и извлёк оттуда почти чистую пачку бумаги. Сдувая и смахивая с неё подсохшую грязь, передал её адъютанту, а тот в свою очередь Повелителю.

За каких-то полчаса загадочный сачок искусал космическими зубами всю пачку из пятисот листов.

Теперь белые страницы сплошь покрывали глиняный пол. По ним ходил Повелитель в атласных башмачках, почесывал космическую родинку на лбу и бормотал заклинания.

Мелкими шагами в поклоне к нему подплыл адъютант, и с почтением выслушал старшего оракула.

– Пётр Петрович, скажите, у Вас нет никакого воспаления? – донёс адъютант вопрос повелителя до адресата.

– У меня простатит, – вырвалось у козерога, он покраснел, смутился от своей горячности, но всё же закончил. – Немного запущенный, но я обязательно навещу специалиста.

– Тогда с этой стороны не получится.

– Какой стороны?

– Вы не волнуйтесь, у человека много сторон. А Вы очень разносторонний человек, многое прошли, – адъютант указал на Чёрный квадрат и фотографию с автоматом. – Рассматриваем все возможности, что предоставили магнитные всплески.

– Тогда какие всплески годятся, если простатит не подхо-

дит? – заволновался влюблённый козерог.

– Мы сейчас как раз смотрим на свет сквозь отверстия судьбы, которые сделал небесный сачок. Простатит нам не подходит. Он – незримое препятствие.

– Как препятствие? Врач заверил, что с ним живут все мужчины после сорока и женщины после пятидесяти, а качество жизни не меняется.

– Врачи докопались сегодня до поистине революционных знаний, – ответил адъютант приторным голосом. – Но и многого врачи не умеют. Вы сами это прекрасно знаете, Пётр Петрович. Например, как вылечить влюблённое сердце?

– Но что же мне делать, Повелитель? – небесный козерог уронил слезу в дремучую чашу своих университетов.

Повелитель пошептал на ухо адъютанту.

– Прошу Вас обращаться ко мне. Мы ищем решение, но нужно согласовать действия.

Млечный путь собрался на совещание. Булькающий шёпот говорил об остроте проблемы. Слуга с адъютантом предлагали решение, Повелитель совал им под нос щепотку из пальцев карат в двести и тёр большим о средний с указательным. Помощники кивали и начинали булькать заново. Спор выдался ожесточенный, вызвав обильное потоотделение служащих Млечного Пути. Руками в перстнях они чесали свои млечные халаты, стараясь пробиться к сути.

Козерог, словно космический ветер между обратной стороной луны и солнцем, метался между черным квадратом и

самим собой, молодым и с автоматом. Дёргал волосы из усов, рвал их в клочья и что-то загадывал.

Наконец щепотка пальцев перестала мелькать у вспотевших носов. Вверх поднялся только большой, с ярко красным рубином.

Все расселись по стульям и обтирались платочками.

Слуга поднял с пола три листа и подал повелителю. Небесный оракул рассмотрел каждый артефакт на просвет и аккуратной стопочкой сложил на коленях.

– Подойди ко мне, небесный друг мой козерог. Сядь здесь, – скомандовал Повелитель Сорнякову, минуя адъютанта, и махнул рукой куда-то на пол.

Козерог повращался на месте, словно собака в поиске, куда отлить, и уселся на пол около атласных башмачков повелителя. Слуга и адъютант подошли с двух сторон и растянули перед глазами Повелителя и небесного козерога по одному искусанному листочку, которые держали в руках.

– Смотри, мой ученик, – Повелитель взял с колен один из своих экземпляров и приложил к листу, что держал слуга.

Большинство дырок стали невидимы, но некоторые точно совпали, горя на просвет синим июльским небом раскрытого окна.

– Такое редко случается, – продолжал Повелитель магическим голосом, рисуя шариковой ручкой соединительные линии между совпавшими дырками. – Я наложил созвездие Козерога на Гончих Псов. Важнейшие для нас звёзды совпа-

ли. Сейчас ты видишь перед собой Деву с Единорогом. Целомудренное животное скачет за Девой,³⁷ но не может её нагнать. Теперь ты понял, почему мой адъютант спросил про воспаление? Оно создает помеху. Но ты не волнуйся, – успокоил Повелитель козерога, который начал ёрзать простатитом по мокрому полу. – Смотри дальше.

Повелитель совместил второй лист с тем, что держал адъютант.

– Я наложил Часы Юга на Волопаса Севера. Видишь? – несчастный козерог закивал головой, но ничего не увидел, кроме россыпи совпавших отверстий. – Волопас теперь пасёт Волосы Верочки³⁸, но у нас ещё осталось время, чтоб справиться с задачей, так как Змея и Заяц гонятся за тобой.

– Что мне делать, Повелитель, скажите? – но Повелитель ничего не ответил и прикрыл глаза.

– Вы должны обращаться ко мне, – сказал адъютант. – Вы нарушаете порядок смутных галактик. Это может плохо закончиться.

– Скажите, что мне делать? – Сорняков умоляюще посмотрел на адъютанта. – Я исполню всё необходимое.

– Не волнуйтесь. Сейчас прояснится прогноз звёздного неба, – ответил адъютант.

Слуга и адъютант сложили все четыре листа вместе, а Повелитель приложил к ним последний. На свет загорелись

³⁷ Здесь и далее Повелитель говорит о созвездиях.

³⁸ Аллюзия к созвездию Волосы Вероники

семь дыр от Большой Медведицы, а её любой козерог знает с детства. Бывшего прапорщика посетило откровение. Он чувствовал, что понимает и осознаёт. Он был готов к решительным действиям. Пётр Петрович сквозь проступившие слёзы посмотрел на служителей Млечного пути. Те нежно улыбались.

– Я узнал, я узнал! Теперь я смогу?

– Да, ученик мой. Я сам вижу такое впервые в жизни, и это удача. Тебя ждёт награда за твою душевную щедрость, – Повелитель встал и поднял руки к потолку кабинета. – Зачерпывай ковшом свою щедрость и выливай её на тех, кого ты ценишь и любишь. И наградой тебе будет упавшая к твоим ногам Полярная звезда. Ты овладеешь ей, как тигр тигрицей, как восточный шах своим гаремом, как Большая Медведица владеет Малой. Ты пленишь её своей необузданной силой и уже ничто не станет помехой. Но будешь ли ты щедрым, ответь, небесный друг мой козерог? Большая медведица спрашивает тебя.

– Буду, мой Повелитель.

– Есть ли препятствия, которые я не знаю.

– Нет, мой Повелитель.

– Тогда вставай, ученик мой. Обсудим необходимые детали.

– Надеюсь, отец её нам не помешает, – пробормотал козерог вставая.

– Отец? – услышал адъютант.

– Ну да, Верочка работает у своего отца. Чарка – его фамилия.

– Чарка? – повернулся Повелитель.

Глава 4 Село слезам не верит

Мы – воспитанные люди. Пропускаем пешеходов, уступаем место в метро, стараемся не грубить старшим.

В нашем лексиконе намертво прижились и застряли вежливые слова, которые мы без разбора расходует направо и налево, не задумываясь о предназначении: прошу, пожалуйста, извините, позвольте и так далее.

На первом этаже, в стеклянной галерее, изнывая от мучительных потребностей, топтались несколько десятков сотрудников с трёх этажей комплекса. Нужда собрала всех вместе, не обращая внимания на положение и социальный статус. Руководители дышали в спины уборщицам, простые менеджеры пихали локтями топ-менеджеров, спорили представители средних, малых и высших звеньев, продажи смешались с закупками, а серые костюмы с белыми рубашками. Толпа, отдалённо напоминавшая очередь, могучим авторитетом давила на дверь «Студёного ручейка». Представители всех уровней и потенциалов упражнялись в знании учтивых слов и обходительных выражений.

– Куда Вы лезете?

– Я занимала.

– Прошу прощения, никто Вас не видел.

– Пожалуйста, извиняю. Глаза держите наготове.

– Позвольте. Не заставляйте меня применять силу.

– Не позволю, я сама сейчас применю силу.

– Ах так! Сейчас Вы у меня узнаете, что такое настоящая вежливость...

Приятно всё-таки, что мы живём среди воспитанных людей.

Почти в самом начале очереди, если быть точнее – четвертым, тосковал знакомый нам тощий менеджер. Дверные стражи из «Студёного ручейка» пропускали к заветной цели по четыре счастливица. Понимая, что скоро он проникнет в заветную дверь, тощий еле сдерживал свои агрессивные кулачки, засовывая их под мышки и пряча в карманы. Но тело всё равно тряслось и извивалось от предчувствия скорой победы.

В кармане зазвонил телефон.

– Да, Абрам Акварельевич, здравствуйте ещё раз. Конечно, мы уже оформили документы. Не может быть, здесь какая-то ошибка. У нас самая маленькая цена на рынке. Я помню статус Вашей компании. Кто предлагает? У околкукуевской сантехники не может быть конкурентов. Как три и шесть? Вы же заказали шесть и двенадцать. Мы уже скинули цену ниже металлолома. Ну хорошо, хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Если оставите шесть и двенадцать, мы дадим Вам бонус. Очень хорошо, я подготовлю предложение через минут двадцать. Срочно?! Просто у меня важное мероприятие намечается. Вас понял, отбрасываю важные мероприятия в сторону. Статус компании... срочно... бегу, не

отключайтесь.

Тощий с горестью посмотрел на заветную дверь и запрыгал по ступеням на третий этаж. Очередь проводила его насмешливым взглядом и радостным воплем. Свежеиспеченный счастливчик крикнул вдогонку обидные слова.

Пока очередь изгалялась над тощим менеджером, стражи раскрыли двери и не успел никто вымолвить «ой» в свободный проём прошуршала юбками Мила, а за ней прицепом Цунами, Быстрый Олень и Юркий ветер.

Двери снова захлопнулись.

– Ой, – сказала очередь.

– Включите хоть телевизор, так повеселее будет, – заорали где-то с хвоста.

– Да, точно! – подхватил ещё ряд голосов, и после уже вся толпа требовала зрелищ.

Охранник нехотя выбрался из своей конуры, сделал дугу по залу и нажал на пульт.

– Вторую давай, там футбол.

– Задолбал ваш футбол. Восьмую давай, там последняя серия «С ней взаперти», ща самая развязка.

Охранник стоял перед светящимся экраном, двумя руками прицелившись в телевизор. Нажимая на кнопки, он старался найти канал, который удовлетворил бы всех.

Разноцветные огни зажглись в сопровождении оглушительной музыки, и пёстрый прямоугольник красивой студии, как карусель с игрушками над кроватью ребёнка, угомонил

крики изнывающих менеджеров.

После рекламы продолжалось социальное ток-шоу «Село слезам не верит»³⁹ о превратностях человеческой судьбы в сельскохозяйственной местности.

На зелёной неказистой лавочке, с прической медузы Горгоны, в простеньком красном платице до середины бедра и ботфортах королевских мушкетёров, сидела упитанная девица и рыдала. Плечи содрогались в безутешном горе, лицо девица закрывала руками. Перед ней на столе лежало сливочное масло, ряженка и кефир известного бренда «Усмешка дояра».

Зрители в студии тоже плакали.

Софиты устали в центр, туда же направилась камера.

Известный ведущий Грей Изумрудов, склонив голову, протирал огромные очки агронома, на стёклах которых засохли подтёки от слез. Продолжая всхлипывать, он поднял микрофон, и на волосатой руке блеснуло швейцарское качество «Харитон-Константин»:

– Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Мы продолжаем нашу передачу – «Село слезам не верит». И сегодня у нас гостя, которую в самый разгар уборочной страды обманул сосед Виталий. Встречайте – сосед Виталий!

Камера сместилась вправо и выхватила лавочку, где нога на ногу сидел небритый мужик и сплёвывал на пол шелуху от семечек. Руки в широком душевном охвате мужик заки-

³⁹ Аллюзия на фильм В. Меньшова «Москва слезам не верит».

нул на спинку лавочки. Одет сосед Виталий был в серую рубу, полосатые штаны и подвёрнутые кирзовые сапоги. Пуговицы на груди небрежно расстёгнуты, а за робой виднелась тельняшка и волосатая грудь. Из-под кепки на голове торчала молодецкая шевелюра. Сосед Виталий широко улыбался всеми своими – двумя зубами.

Грей Изумрудов продолжил.

– Сосед Виталий надругался над простотой столичной девушки, до весны беззастенчиво пользуясь её доверием. Обещал тёплую хату и здоровый домашний скот. Эта жуткая история произошла в селе Диканькино, что под Малыми Тараканами Околокукуевского района, куда Эсмеральда приехала из столицы Подмосковья. Но и это ещё не всё! Оставайтесь с нами и вы узнаете, почему даже после такого унижения у нашей героини нет дома, а она живёт с табором цыган и платит ипотеку.

Зал потемнел, наполнился пошлой музыкой и дискотечными огнями.

– Встречайте! Табор цыган, которые стали свидетелями этих гнусных событий и знают всё не понаслышке.

Камера показала лавочку слева. Вокруг стоял, сидел и лежал цыганский табор в двадцать человек. Пёстрый, красный, цветастый, в юбках и платках. Мужчин не было. Цыганки улыбались, золотые зубы искрились и вносили в студию уют и хорошее настроение. Половина табора приплясывала, половина предлагала всем окружающим рассказать судьбу.

– И наших уважаемых экспертов, – представил ведущий.

На богатых кожаных диванах сидели эксперты. Свинобоков в строительной каске, рэпер Хумус в кепке наоборот и лидер движения «За права валютных дольщиков» Снежана Монеткина в костюме гейши и с такой же причёской.

Ведущий подошёл и сел на лавочку героини.

– Всмотритесь в это простое без изысков лицо несчастной девушки, – предложил ведущий.

Девушка с причёской медузы отложила руки от лица в сторону, и брыли, оказавшись без необходимой поддержки, повисли бельём.

Очередь в туалет начала всматриваться.

Своё простое без изысков лицо девушка для баланса смазала толстым слоем тонально крема, а также красной, черной и синей красками в необходимых местах. Слезы так тщательно перемешали палитру, что лицо не выглядело таким уж простым, как сказал ведущий, а смотрелось вполне себе изысканно.

– Эсмеральда, давайте оставим в первой части программы всё, что с Вами вытворял сосед Виталий. Ваш рассказ поднял шквал эмоций и заставил нас плакать от бессилья. Понятно, почему телезрители так бурно откликнулись и завалили нас комментариями, окончательно подвесив сервер передачи. Такая история, без сомненья, заслуживает экранизации. Всё, что с Вами вытворял сосед Виталий, должны не только услышать, но и увидеть люди своими глазами. После про-

граммы я запишу Вам свой номерок и электронную почту моего друга, у него небольшая киностудия на реке Майн. Вы сможете рассказать историю всему миру. Итак, как вы стали жить в доме этого негодяя?

Эсмеральда провела тыльной стороной ладони над верхней губой, что позволило окончательно расстаться с обидным клише, которое повесил ведущий, шмыгнула носом и открыла рот:

– В столице с работой обычно туго, ценные кадры никому не нужны, и я подалась в село. Шла уборочная страда, – Эсмеральда всхлипнула. – На улицах никого не осталось; все, от мала до велика, ушли дёргать репу, даже животных домашних забрали.

– Понятно. И Вы встретили соседа Виталия, который в одиночестве бичевал на селе?

– Да. Я хотела приобрести небольшой домик и встретила соседа Виталия. Он предложил временно пожить у него.

– И Вас ничего не смутило? Вы сразу бросились в хату?

– Конечно! А Вы бы не бросились?

– Возможно. Но мне нужны мотивы. Без мотивов я бы не бросился даже под поезд, – возразил ведущий.

– Сосед Виталий обещал помочь с домашней скотиной, плюс жил он в крепком бревенчатом пятистенке.

– Согласен, условия, конечно, заманчивые. От такого соблазна разве удержишься. Хороший пятистенок продаётся в наше время только за доллары! Да и как Вы могли тогда

знать, что сосед Виталий окажется обычным авантюристом.

– Как Вы можете? – возмутилась Монеткина. – Нравы столичной молодёжи просто поражают. Позариться на жилплощадь? Что Вы хотите, столичная дурочка? На селе живут черствые люди.

– Позвольте, у меня как раз песня есть по теме, – подключился Хумус и даже встал в необходимую позу, но его тут же осадили.

– Давайте всё-таки продолжим программу, – попросил Изумрудов. – Мы обязательно позволим всем желающим исполнить песню.

В это время на левой трибуне разгорался конфликт. Цыгане требовали плату за проезд по дальней дороге, но зритель сопротивлялся и никак не хотел оплачивать билет. Ромалы к этой секунде уже разошлись по залу и рассказывали зрителям, что их ожидает в будущем. Изумрудов дал команду помощникам навести порядок и собрать табор на место.

В студию вбежали три здоровых молодца. Раздались крики цыган и глухие удары. Табор с грохотом вернулся к своей лавочке, а из студии вынесли тело скупого безбилетника.

Свинобоков с Хумусом переглянулись и обняли друг друга.

Софиты освещали обстановку.

Грей Изумрудов подошёл к соседу Виталию и опасно сел на краешек лавочки. Тот засунул руку в карман и щедро отсыпал ведущему семечек.

Лёд отчуждения растаял.

Ведущий растроганно посмотрел на Виталия и начал задавать вопросы мягко, дабы не обидеть щедрого человека.

– В первой части программы сосед Виталий рассказал нам, что он коренной житель Диканькино, – ведущий сплюнул мешавшую шелуху, сунул микрофон в двузубый рот Виталия и создал вопросительный вид.

Сосед Виталий освободил рот от семечек и улыбнулся ещё шире. Взгляд выражал презрение и торжество.

– В третьем поколении. Кулаки мы потомственные.

– Да, без сомнения, соседу Виталию есть, чем гордиться. Вся страна завидует ему. Но всё же! Несмотря на то, что сельский быт возвращает человека, делая его глухим к чужим бедам, почему Вы так и не смогли остановиться?

– Дело надо доводить до конца, – констатировал сосед Виталий и отправил в рот пригоршню семечек.

– Здесь я с Вами согласен. Но Вы пользовались Эсмеральдой без малого всю Полярную ночь. Хочу напомнить телезрителям, что Околокукуевский район находится недалеко от полярного круга. Несмотря на то, что вся его территория располагается в зоне вечной мерзлоты, местные аграрии умудряются возвращать сельскохозяйственные культуры круглый год, а репу используют в качестве местной валюты. Даже клубника, культивированная на заледенелой земле, по качеству превосходит аналоги с берегов Мёртвого моря. На сегодняшний день Околокукуевский район является

центром притяжения, куда стремятся попасть все желающие хорошо подзаработать. Мы отвлеклись, поэтому вернёмся немного назад: Вы пользовались нашей героиней без малого всю Полярную ночь, а внутри Вас так и не шевельнулось ничего человеческого. Невероятный самоконтроль! Вы продали дом Эсмеральде, который Вам не принадлежит, а также параллельно сдали его в аренду табору цыган, – Изумрудов сделал паузу и запил семечки ряженкой «Усмешка Дояра». – Если честно, то как по мне, дельце Вы обтяпали великолепно. Скажите, Вы где-нибудь учились? Может, за границей? Невероятное пересечение знаний и навыков обхождения с людьми. На Родине такое образование не найти.

Вся галерея пришла в движение. Изнывающие очередники забыли о своих неприятностях и самоотверженно бросились на защиту обманутой героини в буквальном смысле слова, не щадя живота своего.

– Во даёт Изумрудов! Отсыпали семак, и он поплыл!

– Рекламируют всё подряд, лишь бы платили.

– Такие вот, как сосед Виталий, совсем охренели у себя на селе. Возомнили невесть что, стыд потеряли. Живут на всём готовеньком. Репа цветёт, как на дрожжах, только парить успевай, а нам продают втридорога. Валютные спекулянты сплошные, а не аграрии.

– И Изумрудов продан им с потрохами. Я слышала, по утрам на столе у него молочко натуральное, яйца, творожок. А раз в месяц, за спиной директора канала, даже мясо свежее

получает.

– То-то он такой налитой. Давно пора закрыть этот бедлам.

– Сейчас будут издеваться над Эсмеральдой, зря она пошла.

– Так заплатили. Ипотеку отдавать надо.

– Я тоже в деревню переселяюсь. Только индийскую. Дауншифтером стану. Буду на песке лежать, да на океан глазеть и бананы с ананасами трескать.

Все обернулись к колоритному представителю среднего звена.

– Кто тебя в Индии ждёт? Есть-то ты чего будешь, без денег?

– Там папайя сама растёт на деревьях, как репа в полях. Только ходи собирай, – парировал колоритный представитель.

– Потом вернёшься на лавочку к Изумрудову, будешь в слезах рассказывать, как стая орангутанов обманула тебя в сезон дождей.

Очередь оживилась. Терпеть стало легче.

Тем временем, шоу на экране продолжало свой неспешный полёт.

Цыгане бесцельно шатались в центре зала.

Свинобоков с соседом Виталием расположились на дорогом кожаном диване, грызли семечки и бросали шелуху в каску.

Грей Изумрудов на время снял очки агронома и подсел к Монеткиной. Камера показала один из богатых кожаных диванов.

– Снежана, что бы Вы посоветовали Эсмеральде? – поинтересовался ведущий.

Монеткина выпрямила спину и красиво наклонила голову на бок.

– Эсмеральда, скажите у Вас валютная ипотека?

– Да, почти.

– Что значит почти?

– Я сама денег не видела, их отдали соседу Виталию, но оплачиваю в рублях по курсу.

– Значит, валютная. Это отлично!

– Вы так считаете? – приободрилась героиня.

– Конечно! Я как раз представляю организацию по защите таких, как Вы, от таких, как они, – Монеткина кивнула в сторону соседа Виталия и Свинобокова. – Какая сумма и в какой валюте?

– Пять тысяч долларов.

– Так мало? – расстроилась Монеткина. – Тут будет посложней. Дело в том, что наша организация на рынке уже много лет, никто даже не помнит, сколько. И чтоб держаться на плаву, мы берём комиссию десять процентов. За пятьсот долларов никто даже не шевельнётся и на клиента не посмотрит. У нас ценник от трёх тысяч начинается. Вам, дорогая, всё-таки лучше воспользоваться советом ведущего и

съездить к берегам Майна. Рассказать и показать телезрителям, как всё случилось на самом деле, – Монеткина повернулась к ведущему. – Грей, мы надеемся на Ваше обещание, данное героине.

С зелёной неказистой лавочки раздался волчий вой, полный скорби и отчаяния.

Грей Изумрудов снова надел очки и бросился успокаивать Эсмеральду, одной рукой обнял героиню, а другой взял пакет кефиру и сделал три больших глотка.

– Рекомендую! – причмокнул ведущий, и камера выхватила кефир «Усмешка Дояра» в волосатой руке с «Харитон-Константином».

Изумрудов вышел в центр студии. Из-за кулис выплыла помощница в кокошнике. Она несла поднос, на котором лежали два конверта.

– И теперь, уважаемые телезрители, долгожданные результаты теста, которые без преувеличений ожидает вся страна, – ведущий сделал необходимую паузу. – Напомню, после прошлой программы мы взяли ДНК тесты Эсмеральды, рэпера Хумуса и двадцати представительниц цыганского табора, которых вы сейчас видите на нашей передаче.

В студии напряжённо заиграла музыка, погасли огни, свет озарял только лицо самого Грея Изумрудова.

– Открываем данные. Итак, на 99% Эсмеральда является родственницей почти всего табора цыган, а также двоюродной сестрой Хумуса по линии его отчима. Вы можете в это

поверить? – зал взорвался аплодисментами. – Но и это ещё не всё. Как мы и обещали, сделан ещё один ДНК тест – соседа Виталия.

Ведущий раскрыл второй конверт.

– Невероятно! Вы даже в страшном сне не можете представить, что я сейчас держу в руках. Это просто ДНК-бомба! Мы вам обязательно расскажем, кем на самом деле является сосед Виталий, почему у него такой высокий интеллект и кому из сильных мира сего он приходится родственником. Но расскажем мы эту ошеломляющую новость только завтра. Не пропустите нашу передачу, на которой вы узнаете настоящую правду о сельском быте, и какие ещё тайные узы связывают село и город. Кстати, мне подсказывают помощники: «Село слезам не верит» вырвалась в лидеры рейтинга среди всех передач нашей страны. Шампанского зрителям!

Зал взорвался искренними аплодисментами. Ведущий поклонился.

– А сейчас мы попросим нашего дорогого гостя, рэпера Хумуса, исполнить известную композицию «Деревенский ДНК». Настоящий шедевр, бешеный ритм и огненное звучание. Песня возглавила наш хит-парад – «Колхозный трэш – 20», и уже более пятнадцати недель не спускалась ниже первого места. Встречайте!

Пятно софитахватило рэпера в районе потолка.

На полусогнутых, загибая и кивая головой в такт огненному звучанию, Хумус спускался между рядами зрителей

вниз по лестнице. По дороге известный исполнитель обнимал всех женщин, кто не сопротивлялся.

Зрители в студии пустились в пляс под бешеный ритм настоящего шедевра. Вместе со зрителями бесилась цветомузыка.

Перед камерой пронеслись хороводом шестьсот сорок зубов золотых, два зуба жёлтых, просеменила гейша, проплыла строительная каска, огромный ассортимент продукции «Усмешка дояра» и замкнули шеренгу очки агронома и волосатая рука с «Харитон-Константином».

Пошли титры.

Из дверей «Студёного ручейка» вышла Мила в сопровождении трёх скороходов. На них кинулись с претензиями.

– Успокойтесь, мы не сделали ничего такого, только спросили документы, – гонцы на всякий случай скрылись за необыкновенными жирами Милы.

Умиротворенный вид всех четверых говорил об обратном. Они точно сделали кое-что такое, только разбираться в противоречии фактов и домыслов никто не стал, боясь потерять место в уборную. Очередная четверка счастливых нырнула в «Студённый ручеёк».

* * *

В эту секунду на КПП маялся от жары плотный гражданин в кожаной куртке. Рост средний, череп лысый, под носом жидковолосая насмешка над любым представлением о том, что такое усы.

Минуту назад гражданин постучал в окно Василя и приложил к стеклу удостоверение.

– Сообщи администратору здания.

– Да-да, сейчас, – Василь суетился. – Ничего себе у вас имечко.

Василь набирал номер телефона, гражданин надменно осматривал парковку.

– Татьяна Алексеевна, добрый день! Охрана с КПП беспокоит. Да, всё в порядке. К Вам пришли из организации, – Василь посмотрел на удостоверение через стекло, – Государственный Пожарный Надзор. Лейтенант...

Но гражданин уже убрал удостоверение.

– Сам представляюсь.

– ...ага, хорошо, пропускаю, – Василь повесил трубку. – Проходите. Вход напротив.

Лейтенант ГПН направился к зданию.

Глава 5 Инспектор

Татьяна спустилась в галерею.

Кондиционеры явно не справлялись со своими обязанностями и с трудом охлаждали невероятное количество менеджеров, мечтавших попасть в заветные двери. К тому же, часть техники простаивала из-за отсутствия электричества.

На стене шумел телевизор, на экране творилось что-то несусветное. Очередь в туалет смотрела ток-шоу.

На входе стоял лысый гражданин в кожаной куртке не по жару и взирал на буйное паломничество к дверям со стражей.

«В марте вышел из дома», – раздался голос Никанорыча.

«Инспектор, наверное», – подумала администратор.

Татьяна подошла и протянула руку.

– Добрый день! Татьяна Алексеевна – администратор здания.

– лейтенант пожарной охраны Робинзон Апполинарий Вальдерфраммович, – представился гражданин.

«Перед нами неопровержимые доказательства тайной связи Пятницы с Даниэлем Дефо»,⁴⁰ – изрёк голос Никанорыча несвойственную ему длинную речь.

– Что здесь происходит? – заинтересовался Апполинарий

⁴⁰ Даниэль Дефо (1660 – 1731) – английский писатель. Автор романа «Робинзон Крузо».

Вальдерфрамovich.

– Очередь в туалет, – ответила Татьяна.

– Здесь он один, не пойму? Всё у нас не так. Я слышал, в Англии очень серьёзно относятся к личной гигиене.

– Нет. Санузлы на каждом этаже, но все бегают именно сюда, – не сдержалась Татьяна. – Так ЗДЕСЬ заведено. Проводя время в очереди, люди знакомятся, обсуждают производственные вопросы, завязывают контакты. Только таким образом удаётся сохранить деловые отношения.

«Татьяна Алексеевна, на Вас не похоже», – прогудел голос Никанорыча.

В этот момент из дверей «Студёного ручейка» вышли четверо человек, и очередь вдавила в проём следующую партию.

– Это внеплановая проверка? – продолжила Татьяна, – Нас уже навещали недавно, месяца три назад. Разрешите документы.

– Это не совсем проверка. Из-за жары нас направили проверять объекты. Частые возгорания. Просто визуальный осмотр, – Робинзон поджал губы и протянул удостоверение.

– У Вас редкое имя, да и отчество..., пожалуй. Никогда не слышала. Извините.

Робинзон приосанился. Благодаря своему имени, фамилии и отчеству он считал себя особенным.

– Все сначала удивляются, – заметил инспектор, пригладив издевательство над усами. – Дедушка был физик, а бабушка потомственный химик. Долгая история, но после сов-

местных лабораторных испытаний отца назвали Валь-Дер-Фрам. Татьяна Алексеевна, давайте пройдемся по комплексу, сделаем осмотр. Я Вас долго не задержу. Меня интересует наличие огнетушителей, свободные запасные выходы...

– Откуда начнём? – перебила Татьяна.

Инспектор посмотрел на очередь и на дверь, куда она направлялась. Участники процесса, скорее всего, уже обсудили производственные вопросы, завязали деловые контакты и плавно приступали к конструктивному мордобитию. Смотрелось опасно.

– Давайте сюда, – указал Робинзон на лестницу, ведущую на третий этаж.

Татьяна и инспектор стали подниматься.

– У вас тут жарко.

– Кондиционеры сегодня не работают, – Татьяна покосилась на кожаный пиджак инспектора. – А Вы сегодня не по погоде оделись.

– Ничего страшного, я привык.

На самом деле Робинзон очень хотел снять пиджак. Инспектор мечтал это сделать весь день. Он страдал и потел от нестерпимой жары. Но на спине под пиджаком, на белой футболке скрывалась картинка с писающим мальчиком и надписью: «Есть такая работа – Пожары Тушить».

Чудо текстильной промышленности Робинзон купил в Геленджике по случаю крайнего отвращения к отечественному отдыху и анабиозного опьянения ввиду протеста. Утром Ап-

полинарий Вальдерфраммович неаккуратно надел черноморский сувенир, не разобравшись спросонья в художественном посыле, который несёт изображение. Инспектор сам не понимал, откуда он вытащил эту футболку, если не надевал её даже дома.

Коллеги по работе всё утро горячо жали руку, а женщины бросали восхищенные взгляды и говорили: «Ты мой герой». Тымойгерой разгадал ребус всеобщего внимания только через час, в туалете около зеркала, но было поздно. Весь отдел строил предположения, что лучше тушить таким способом: горящее масло или электрические провода.

Сегодня инспектор не выспался, впрочем, как и всегда.

Люди не высыпаются по разным причинам. Мотоциклисты гоняют по пустым улицам. Подростки переписываются. Любовники изощренно любят друг друга. Апполинарий же всю ночь, не смыкая глаз, отчаянно долбил по клавиатуре. И пока мотоциклисты, подростки и любовники развлекались – Робинзон разоблачал.

Наплевав на геморрой, Апполинарий Вальдерфраммович решительно боролся с вертикалью государственной власти.

Не любил Робинзон нашу вертикаль, начиная от начальника их отдела и заканчивая кончиком кремлёвской звезды. Не за что её было любить. Зато любил инспектор ту вертикаль, которая там, за морями. Вот её было, за что.

Здесьняя вертикаль прогнила совсем, непонятно, как держалась-то вертикально. А за морями вертикаль стояла све-

женькая, политкорректная, ровно под девяносто градусов к земле без каких-либо неприятных отклонений в сторону. Народ свой уважала, с соседями дружила, а главное – в соцсетях про неё говорили только хорошее.

То, что сам Робинзон служил основанием здешней вертикали, да ещё потакал её интересам, его мало беспокоило – временные жизненные перипетии, не более. Как только представится возможность, рассуждал Апполинарий Вальдерфрамович, он тут же покинет здешнюю вертикаль и по зову сердца уйдёт служить заморской. Наконец его оценят и переведут на банковскую карточку нобелевскую премию мира за многолетний подпольный труд.

Каждый вечер, приходя домой, инспектор садился у монитора, откупоривал пиво, раскупоривал форумы и блоги, и, стуча пальцами по клавиатуре, беспощадно множил в соцсетях своё мнение по любому вопросу.

Несчастной вертикали просто некуда было скрыться. Она металась по просторам сети, хоронилась по закоулкам новостных лент, но Робинзон её ловил, выводил на свет и заставлял признаваться в содеянном.

Измывался, как хотел. Жёг словом литературным и пикселем животворящим. Робинзон охотился за ней по всем фронтам необъятного интернета. Вертикаль изворотливо скрывалась, но от всевидящего ока Робинзона уйти не могла.

В отличие от тамошней вертикали, нашенькая постоянно косячила. Морду нажрала наглуую, глаз алчный, зубом цыка-

ла, вся лоснилась от безнаказанности.

То щебень со строительства Дальнего Востока утащит себе во дворец, то любовницу по Лазурным берегам танцует, а то давай по болотам разгуливать, свободу слова притеснять.

Нечисть натуральная, ни дать ни взять.

А бывает, берёт двуручную пилу и на самом деле пилит бюджет. Вжиг-вжиг, вжиг-вжиг! Дзинь! Остальным только копейки по углам собирать. А красиво жить не только вертикаль хочет. У Робинзона может тоже есть планы на жизнь. Инспектор измотался весь. Устал молодец ясный выкладывать в интернет достоверные данные.

Вертикаль, безусловно, старалась реабилитироваться. То дорогу кое-где построит, то мостик через море перекинет, то урожай, видите ли, рекордный соберёт. Но Робинзона подобными фактами с тропинки не собьёшь. И вертикаль, конечно, проигрывала. Силы оказались неравные.

Что бы ни происходило здесь, там всегда было лучше.

Политик честнее, урожай богаче, чиновник умнее.

И люди там гуманней и добрей.

На мясокомбинатах прощаются со свиньями всем коллективом. Поплачут, рисунки любимых чад хрюшкам покажут. Накормят домашними штруделями и только потом режут. У нас же работники животноводства – натуральные злодеи с каменными сердцами. Хрясть ножом по горлу, даже колыбельную не споют. А всё почему? Потому что вертикаль такая. Вот и едим мясо жёсткое с прожилками.

Детей там наказывать не разрешают, любить можно кого хочешь, говорить можешь чего вздумается.

Медицину нам не догнать, борьбу за космос не выиграть. С минуты на минуту там запустят корабль до Альфа-центавры на пальчиковых батарейках. Свободным гражданам сейчас акции сбывают. Очередь от статуи свободы до силиконовой долины выстроилась, все купить хотят. А мы? Ну что мы? Травка запрещена, гей-парады запрещены, свободы слова нет. Остаётся вопрос! Куда сходить в выходные?

Апполинарий Вальдерфраммович рассуждал категорично. Он ненавидел всё, что здесь, и очень любил всё, что там. Там он пока не был, но надеялся, что пригласят. Гордился, что на его страницу в интернете подписаны Чарли Чаплин, Жанна Д'Арк, Дарт Вейдер и все американские президенты, начиная с Авраама Линкольна.

Жаль только, что эти уважаемые люди не знают, как зовут его на самом деле.

Бороться приходилось инкогнито, используя подставные имя и фамилию.

Робинзон опасался проблем на работе. Серьёзным специалистам сегодня никуда не устроиться, поэтому, помимо воли, приходилось держаться за место. Зарплата, конечно, маленькая – не то, что там. Но зато здесь временно, инспектор всегда подчеркивал для себя – это временно, можно брать посильную помощь с представителей бизнеса.

Взятки угнетали, но с другой стороны, а как не брать?!

Робинзон начал строить уютный домик под Москвой – на такую зарплату не вытянешь. Тем более предприниматели сами предлагают, что отказываться? Апполинарий Вальдерфрамович чувствовал несостыковки в своей непокорной душе. Внутри него насмерть боролись подпольщик и рациональный человек. Даже хотел бросить брать эти распроклятые взятки, в аккурат после покупки машины, но так удачно подвернулся участок земли, что отложил решение на конец стройки. Но тогда уже окончательно и бесповоротно.

Компенсировал сей казус Робинзон ночью, нещадно разоблачая прогнившую власть своими постами.

Во время борьбы с вертикалью Робинзон приобрёл много навыков.

Он наизусть знал сто бытовых привычек миллиардеров, двадцать шесть вариантов познать себя, десять способов влюбить в себя женщину и как с помощью лечебного пения избавиться от лишних килограмм.

Робинзон подошёл к вопросу основательно, со всей серьёзностью. Он выдвинул на середину комнаты кровать, а на освободившейся стене, сверху вниз расчертил подробную шкалу измерений. Недалеко от облезлого плинтуса Робинзон поставил жирную красную точку и обозначил аршинными буквами: ЦЕЛЬ. Каждый вечер Апполинарий Вальдерфрамович заливался соловьём у себя на балконе и подробно записывал снижение веса на цветастых обоях.

Несмотря на протесты соседей, кривая графика неуклон-

но тянулась к паркету.

Только ангина помешала довести дело до логического завершения, и график, описав крутую дугу в районе средних значений, скорректировался на полметра выше отправной точки.

Апполинарий Вальдерфрамович был крайне настойчив в своих убеждениях. Он доказывал и рассказывал собственную точку зрения везде, где у собеседника не получалось ускользнуть.

Вот и сейчас, пока они шли по лестнице, инспектор поведал Татьяне несколько примеров, почему там намного лучше, чем здесь.

– Ничего не понимаю, – сказала Татьяна. Она заинтересовалась тем, что рассказал инспектор. – Вы хотите сказать, что скандал произошёл на подводной лодке? Но туда же не берут женщин!

– В отличие от наших, их женщины имеют равные права с мужчинами, – горячился Робинзон, – Женщины служат на подводных лодках, а многие становятся министрами обороны. Представляете, какие перспективы?

– Представляю! – ответила честно Татьяна, живо представив, как она полгода бороздит мировой океан, и в Марианской впадине⁴¹ начинается самый низкий сексуальный скандал.

«Ну, а там до министра обороны недалеко», – предложил

⁴¹ Марианская впадина – самая глубокая точка Тихого Океана.

свою версию голос Никанорыча.

– Ну так в чём преимущество? Я имею в виду службу женщин на подводной лодке. Запретить в одной каюте мужчин, женщин и надеяться, что моряки начнут думать о несении вахты?

– Важно другое. Женщины могут поднять вопрос в обществе.

– Понимаю, – Татьяна внимательно посмотрела на инспектора. – Неясно только, зачем создавать прецедент. Вы знаете, что такое плавбаза, инспектор?

– Нет.

– Это огромный завод-корабль, который уходит в море на многие месяцы. Там работают и мужчины, и женщины. Так вот, в этом маленьком городе есть медпункт, вендиспансер и родильный дом. Мы пришли.

Татьяна с Робинзоном подошли к дверям «Жёлтого ручейка».

Когда открыли дверь, инспектор даже немного присел, чтоб не сбило с ног жарким потоком.

В бане, когда подкидывают на камни, ощущается легче.

Глава 6 Тимбилдинг

Инспектору пришлось стащить с себя кожаный пиджак, иначе от жары он свалился бы без сознания. Робинзон повесил его через плечо так, чтоб прикрывать спину. Ничего, буду прижиматься к стене, никто не заметит.

Они с Татьяной прошли пустую стойку администратора и оказались в большом помещении. Оба застыли на месте.

Такого Апполинарий Вальдерфрамович Робинзон раньше не видел. Даже не представлял. По долгу службы он лицезрел разные традиции в компаниях, но такое! Рот сам собой развалился, открыв тёмный проём. Глаза, не мигая, уставились на сказочную обстановку. На миг инспектор даже забыл о невероятной жаре, писающем мальчике, наличии огнетушителей и неугомонной государственной вертикали. Всё перестало существовать.

– Это секта? – еле выдавил он вопрос.

– Нет, вроде, – сказала Татьяна, но уверенности в голосе не ощущалось.

На фоне того, что она видела сейчас, события, происходившие в «Жёлтом ручейке» до этой секунды, показались обыденностью.

Все столы знаменитого братского полукруга сдвинули к окну.

В самом центре остался сиротливо стоять пересохший

фонтан. Две некогда блестящие серебром рыбины белели вековым налётом, который наблюдается в чайнике после долгой эксплуатации. Морские обитатели жадно глотали воздух открытыми ртами, из которых ранее журчала вода. Земля под фонтаном растрескалась и выглядела безжизненной.

От яркого солнца в окнах заболели глаза. Вдохнуть глубоко не получалось, душный воздух комом вставал в горле и не позволял кислороду проникнуть в лёгкие.

Рядом с пересохшим фонтаном расположился десяток менеджеров. Участники расселись кружком лицами внутрь. Стулья поставили наоборот – так, что грудью менеджеры упирались в спинки, оставляя открытыми спины, на которые они перекинули свои амулеты. На глаза всех участников были повязаны чёрные широкие ленты. Белые рубашки насквозь пропитались потом и прилипли к спинам. Под рубашками проявились все недостатки офисных тел.

Напряжённые спины менеджеров склонились внутрь кружка. Если бы не повязки на глазах, казалось бы, что они что-то рассматривали. Но рассматривали интенсивно, руки всех участников решительно суетились в центре.

Иногда то один, то другой поправлял амулет, сползающий на бок от энергичной вибрации, и закидывал его снова за спину, чтоб не мешал общему делу внутри круга.

Вокруг грациозно расхаживала Вера – новый сотрудник «Жёлтого ручейка», облаченная в странный наряд. На память администратор здания не жаловалась. По версии де-

вушки, насколько Татьяна запомнила, тимбилдинг – это наука, которая создаёт атмосферу доверия и понимания в коллективе, приводит к слаженной работе, что в свою очередь способствует процветанию компании и её дальнейшему развитию.

То, что сотрудники компании объединились в кружок, подтверждало первую версию, но остальное! на практике никак не вязалось с тем, что Вера так чётко обрисовала в своей теории.

Вера наматывала круги вокруг менеджеров, одетая во всё черное и блестящее, напоминая героиню, сошедшую с обложки журнала для мужчин. Облегающее боди, ботфорты до середины ляжек, чулки в крупную клетку, перчатки до локтей и маска на глазах. На голове застыла платиновая грива, а из-под черной маски горели ярко красные губы. В руке Вера держала плеть.

Даже для сюрреалистичного офиса Иван Ивановича это как-то чересчур. Общая картина не вязалась ни с каким тимбилдингом и ни с каким офисом.

Менеджер с огромным слоном на спине что-то сказал, и Вера от души приложила плетью к его спине. Владелец черного амулета выгнулся от боли, повесив слона в пустоте и снова склонился в круг. За ним вздохнули девушка и юноша. Плётка опустилась ещё два раза, чуть помягче.

– Неправильно. Думаем, – скомандовала Верочка.

Татьяна подошла поближе.

Руки сотрудинок то вместе, то по отдельности тискали какую-то игрушку. Они шептались и по часовой стрелке, догадалась Татьяна, пытались угадать, что наминают их руки.

Татьяна подошла ещё ближе. Игрушка резиновая вроде. Толстый рябой менеджер передал игрушку тощему.

– Резиновая грелка! – взвизгнул тощий.

Кулачки взметнулись вверх, а плётка опустилась вниз.

Игрушку снова передали по кругу, и администратор наконец рассмотрела, что тискали суетливые руки...

Татьяна покраснела.

В жуткой жаре, в абсолютно неподвижном воздухе двадцать потных рук одновременно теребили резиновую вагину.

Руки ощупывали вагину со всех сторон. Сжимали, пробовали на скручивание, пальцами забирались в укромные уголки, трясли и нюхали.

– Я предполагаю... мне кажется... у меня в детстве была такая игрушка, – предположил неуверенный голос.

«Бойскаут, не иначе!» – подал голос Никанорыч.

– Ии! – потребовала героиня журнала.

– Возможно – это утёнок для ванны, – озвучил тот же голос неверное предположение.

Плеть со свистом разрезала воздух и смачным шлепком опустилась на мокрую спину.

Татьяна осмотрелась вокруг.

Инспектор понадзору так и стоял с открытым ртом, при-

жавшись к стене. Где-то в глубине офиса за стеклом мелькнули испуганные глаза и огромная окладистая борода. Голованов – узнала Татьяна. Инженер по коммуникациям прятался за столом.

Справа у стены сидел Иван Иванович. Он радовался происходящему, как ребёнок. Лицо просто светилось счастьем, словно на день рождения к генеральному директору приехали выступать клоуны со своим стриптиз-шоу. Остатки волос на голове как всегда торчали в стороны.

Глаза их встретились. Татьяне даже показалось, что взгляд Чарки не такой мутный, как всегда. Непривычно. Он улыбнулся администратору.

«Демон», – заметил Никанорыч.

Татьяна постепенно оправилась от удивления и взяла себя в руки.

Менеджеры продолжали тискать вагину, выдвигать прогрессивные идеи и фантастические предположения. Но плётка не принимала ответы, опускаясь на их неспортивные спины.

Татьяна подошла и села рядом с директором «Жёлтого ручейка».

Немного помолчали. Звук ударов кожаной плети по мокрым спинам умиротворял.

– Я боюсь спрашивать, что Вы придумали на этот раз, Иван Иванович.

Ванваныч размашисто улыбнулся.

– Татьяна Алексеевна, опять Вы меня подозреваете? Как, по-вашему, сколько надо иметь фантазии, чтоб осилить хотя бы малую долю от всего этого? – Ванваныч кивнул на символы плодородия и успеха, разбросанные по всему офису. – Благодарю за Ваше мнение о моих скромных способностях, но это не я. Сейчас Вы видите оригинальную идею нашего нового ведущего сотрудника по укреплению нестандартных линейных связей. Верочка находит, так сказать, точки соприкосновения между уставшими от повседневной работы служащими, добиваясь неслыханного до сегодняшнего дня взаимопонимания. Верочка – настоящий гений тимбилдинга. Может, и вообще гений, только мы не способны это заметить. Мы со всех сторон окружены правилами поведения. Мы привыкли к обыденности и всё, что не укладывается в привычные рамки, для нас чуждо. Не хочу останавливать стремление человека к новому и неизведанному. Посмотрите на лица участников. Не правда ли, они милы? Если б не повязки, мы бы разглядели, что их глаза светятся азартом, а мозг рисует манящие картины неизведанного. Подлинные корпоративные маньяки. Очень целеустремлённые. Первый раз в жизни они силятся что-то понять! Просто рукам не хватает житейского опыта. Тактильные ощущения не вызывают в голове подходящие образы. Родители совершенно не подготовили детей к взрослой жизни.

– Не понимаю, – помотала головой Татьяна.

– Ну как же! Покупают всякую дребедень, типа резино-

вых утят и грелок. Дети вырастают, а вспомнить нечего. Первый же серьёзный вопрос ставит в тупик. И сейчас им некогда. Соцсети, ипотека. Пальцы кроме смартфона ничего не узнают, зато здесь они вне конкуренции. На ощупь определяют марку, модель и год выпуска.

– Я не этого не понимаю.

– Вот у нас было детство, – продолжил Ванваныч, не обращая внимания на слова Татьяны. – Если бы не разные парткомы и горкомы, обязательно бы сделали всё сами своими руками. Раньше мы всё делали своими руками. А что? Депутаты принимают решение на очередном съезде партии, что для поддержания армии и флота, а также боевого духа солдат и матросов нужно изготовить резиновое изделие номер три. Директиву спускают в местком, а оттуда вниз по цепочке – в кружок «Умелые руки». Пионеры тогда в стране были творческие, быстро бы набросали чертежи, – Ванваныч весело глянул на Татьяну. – Нынешнее пионерское движение, кстати, могло бы тоже озаботиться насущной проблемой. Пионер всем пример, а также будущий защитник Родины. Должен думать о скромном солдатском быте заранее. Под барабанную дробь обратились бы к министру обороны с просьбой оказать содействие в разработке походного образца для нужд армии и людей, по долгу службы работающих долгое время вдали от цивилизации.

Ванваныч хмыкнул.

– Полистали на досуге журнал «Сделай сам», нашли по-

хожие чертежи, применили воображение, обсудили бы детали в красном уголке. Оп, и вот, пожалуйста! Крепкий и надёжный, как наша оборонная промышленность, прототип из старых велосипедных покрышек, ну или автомобильных. Конечно, в резине металлический корд, но солдат должен стойко переносить тяготы воинской службы. Зато! Образец выдерживает любые нагрузки. Сохраняет изначальную форму. Износоустойчив. Невосприимчив к многолетней эксплуатации. Годится для использования в полевых условиях, а также за полярным кругом. Изделие компактно, крепится на ремень взамен морально устаревшей фляги, не требует специальных знаний, так как способ применения интуитивно понятен, даже без инструкции. Будет рекомендован Минздравом для выдачи военнослужащим вместе с сухим пайком. Одно изделие на взвод. Провинился – свой черёд пропускаешь. Сослуживцы наслаждаются на привале, ты завидуешь. Заодно решим вопрос с мусорными свалками. Утилизация плюс оптимизация. А на каждом изделии выжгем историю его прошлой жизни. Это обязательно. Политпропаганду никто не отменял. Желательно использовать покрышки от автомобилей известных политиков, спортсменов или грузовиков, доставляющих гуманитарные грузы. Во время использования зубришь матчасть, потом докладываешь командиру. Солдат доволен, здоров и подкован. Непременно надо снять блокбастер и пригласить всех известных актёров. Они у нас как раз в каждом фильме снимаются. Представляете! Зана-

вес поднимается, идут боевые учения. Сидят усталые танкисты в новой Армаде. Красивый закат, можно немного расслабиться. Достают солдатскую кашу, заботливо разворачивают изделие номер три... Смазывают нерафинированным подсолнечным маслом...

– Иван Иванович, остановитесь, пожалуйста, – попыталась пресечь речевой поток Татьяна, сама еле сдерживая улыбку.

– Что? Не моторным же! Мне кажется, технически разумно, плюс афродизиак. Запах жареных семечек в поворотной башне – неповторим.

Ванваныч вытер салфеткой пот со лба.

– Чудесный день сегодня! Кстати! Фрагменты фильма с использованием изделия необходимо распространять в соцсетях для устрашения противника. В съёмках задействовать все спецподразделения. Горный отряд совершает восхождение на Пик Коммунизма. Солдаты в парадной форме стоят на вершине, дует шквальный ледяной ветер, а им всё ни почём. Пользуются изделием, смеются и палят из автоматов. В это время северные части останавливаются на привал, непосредственно под Полярной звездой. Раздаётся приказ командира: расчехлить изделие номер три. Белые медведи разбегаются в стороны, в смятении прикрывая лапами глаза. Вопли защитников животных придётся задушить на корню. Враг полностью деморализован, рассудок мутнеет, незаживающий рубец ужаса кровоточит всю жизнь. А на подводной

лодке, обязательно жёлтой,⁴² происходят вообще жуткие вещи. Довольный командир «Борея»⁴³ с ненавистью смотрит в перископ на вражеский берег. Правая рука сжимает револьвер системы наган, левая – только что использованный образец. С ужасным акцентом и словами «твоя очирiedad таваристч» он бросает изделие на пульт, накрывая им красную кнопку ПУСК. Раздаётся звук стартующей торпеды. Картинка в перископе пропадает. Очень символично, Вам не кажется, Татьяна Алексеевна?

Татьяна искренне засмеялась.

– Ну и воображение у Вас, Иван Иванович. У них, кстати, на подводных лодках женщины есть.

– Не может быть! Профессиональные?

– Да, но не в том смысле, который Вы вкладываете.

– Представляю, что там творится. Каждой твари по паре. С учетом всех меньшинств, просто НАТОв Ковчег. После ядерной зимы на поверхность всплывёт новое человечество, – Ванваныч покачал головой. – Наша Родина в опасности.

– Иван Иванович, несмотря на то, что Ваша идея оснащения нашей армии очень интересна и может повергнуть в шок не только наших противников, но и союзников, Вы не ответили на вопрос.

⁴² Ванваныч намекает на известную песню The Beatles «Yellow Submarine» (Жёлтая подводная лодка).

⁴³ Российская подводная лодка.

– Разве?

– Нет, Иван Иванович. Так в чем задача?

Директор «Жёлтого ручейка» поглядел на кружок «Неумелые руки». Менеджеры продолжали попытки связать свои ощущения с мысленными образами. Но судя по активной работе плётки, образы были бедны.

– Это тимбилдинг, Татьяна Алексеевна. В самом ярком его проявлении. Выжимка основной идеи, – Ванваныч скрутил руки, как будто отжимает бельё. – Раньше людей объединяли пионерингом, комсомолингом, а сейчас тимбилдингом и корпоративингом.

– Не пойму, в чем задача? Почему такая одежда? Почему... – Татьяна замялась подбирая слова.

Ванваныч помог:

– Вы имеете в виду вагину? Не знаю. Они – другое поколение, видят мир по-своему. Возможно, вагина это аллегория полного погружения в процесс или рождение новой идеи, а может, дешевле стоила по сравнению с резиновым членом.

Татьяна поморщилась.

– А одежда, – продолжил Ванваныч. – Вы представляете Верочку в своём розовом костюме и с плёткой? Брр. Непрофессионально как-то.

– Силиконовая форма для выпечки?! – донеслось из кружка.

Но плётка сухим ударом опровергла предположение.

– Такого раньше не было! – завопил тот же голос. Но плёт-

ка тут же звонким ударом прекратила беспорядки в рядах знатоков.

Татьяна посмотрела на несчастного с редкой соломой и лошадиным лицом. Даже повязка не прятала выдающиеся черты.

– Я не пойму, Иван Иванович, почему сотрудники терпят... никак не подберу слово, как назвать работу в «Жёлтом ручейке»?

– И я не знаю. Но тому, кто отгадает, мы обещали высокую премию. Остальным участникам – прощение всех корпоративных грехов и индульгенцию на целый месяц.

– Ну, если уж мы с Вами начали говорить, то происходящее сегодня – квинтэссенция вашей работы, – Татьяна кивнула в сторону кружка. – Такой тимбилдинг у вас каждый день происходит, в различной степени тяжести.

Ванваныч серьёзно посмотрел на Татьяну.

– Думаю те, кто себя уважают и умеют работать, уже покинули нашу весёлую гавань. Остальных устраивает. Вы не представляете себе, какой гремучий симбиоз – желание получать и ничего не делать. Так что будут терпеть. Их будут хлестать, а они терпеть. Надо ведь возвращать кредиты за купленный телевизор.

Татьяна уставилась на Ванваныча, как на символ плодородия, который решил заговорить.

Это уже слишком.

– Зачем? – Татьяна опять задумалась. – Зачем Вы вообще

решили руководить компанией? Какой остался запас прочности? Зачем тимбилдинг ваш, если скоро не будет самой фирмы?

– Лень!

– Что лень?

– Лень трудиться, вот меня и назначили. Первого проходимца, который несёт чушь, но чушь, которую хотят слышать.

– И что будет дальше.

Ванваныч посмотрел на Татьяну.

– Дальше никакого не будет.

– Что Вы имеете в виду?

– Мне осталось работать от силы пару дней.

Плётка активно засвистела в воздухе, нанося многочисленные удары.

– Не подглядывать, – закричала Верочка.

– Вы хотите уйти? – спросила Татьяна. – Неожиданно.

– Мне всё равно. Я получил, что хотел, и сейчас смертельно устал от этого цирка. К тому-же, владелец компании должен скоро вернуться. Ему кто-то сообщил реальное положение дел. В обед наследник весь телефон мне оборвал.

– Думаю, что этот кто-то прав.

– Может быть. Только какое *этого кто-то* дело?

– Сперва-наперво мы подумали, – начал голос из кружка, и плётка взметнулась вверх на изготовку, – первоначально мы предполагали, хотя первым делом пришла мысль...

– Ну?! – потребовали красные губы.

– На первых порах даже были уверены...

Плеть не стала ждать дальше.

Татьяна смотрела на Верочку. Она деловито ходила по кругу и профессионально орудовала плёткой.

«На галерах в прошлой жизни работала», – подал голос Никанорыч.

– Вы думаете, это сплотит людей? – спросила Татьяна.

– Конечно! – усмехнулся Ванваныч. – Пережитое всегда объединяет. Вот увидите, после работы все вместе пойдут пить пиво и обсуждать нового монстра. Не одному же мне пахать на износ. Весь вечер будут обниматься, размазывать по плечам сопли унижения и говорить, что если б не ипотека, давно бы ушли. Но кто их ждёт? Амбиции требуют решительности и знаний. А из всего набора требований они умеют только терпеть. Но терпеть унижение и терпеть трудности – разные вещи.

Татьяна смотрела на сотрудников «Жёлтого ручейка». Они продолжали теревить изделие номер три, вырывая его друг у друга, когда у кого-нибудь возникало озарение. За что немедленно получали плёткой. В компании друзей или на весёлых студенческих вечеринках было бы весело, но здесь... сейчас... в такой жаре...

Татьяна задала вопрос о другом:

– Зачем соврали, что Вера – Ваша дочь? Опять что-то задумалось, но не Вами? Собрались сжечь весь комплекс до-

гла?

Ванваныч засмеялся.

– Я, как на экзамене в церковной школе. Но слава богу отвечаю на вопросы прилежно, и награда за плохую успеваемость достаётся моим одноклассникам. Татьяна Алексеевна, Вы же работали учителем, почему ушли? – ответил Ванваныч вопросом на вопрос и посмотрел на Татьяну. Даже намёка на насмешку в глазах не было.

– Сложилась такая ситуация, – чуть подумав сказала Татьяна.

– Понимаю, – Ванваныч покачал головой. – Такая ситуация сложилась у многих учителей. А тем временем ученики подросли. Кто-то под столом сидит, свои знания в бороде прячет, кто-то очередь занимает, чтоб в «Студёный ручеек» нужду справить. Остальные перед Вами. Получают награду за хорошую успеваемость.

Татьяна молчала.

– Вы бы хотели вернуться в школу? – после паузы спросил Ванваныч.

Татьяна не ответила на вопрос.

– Странно, что Вы никого ещё не отпустили с работы. Жара у вас в офисе убийственная. Кстати, а почему фонтан не работает, он бы немного освежал помещение.

– Смывали в туалете доказательства сытой жизни. Их оказался такой объём, что перетаскали туда весь фонтан. А кто это с Вами? – Ванваныч указал на инспектора.

Робинзон отчаянно жестикулировал и подходил к ним.

– Забыла совсем, это из пожнадзора – инспектор.

– Отлично! – обрадовался Ванваныч.

– Справлюсь сама, – предупредила возникшую радость

Татьяна.

Но Ванваныч уже хищно скалился.

Глава 7 Коммунальное хозяйство Амстердама

Даже Ванваныч растерялся и не нашёл, что сказать, когда администратор комплекса представила Робинзона. Поэтому первые минуты не вмешивался в разговор, и инспектор общался только с Татьяной. Беседа шла под ритмичные посвистывания плётки. Но от мутных глаз полководца не ускользнул ряд особенностей. Во-первых, инспектор поглядывает на Верочку, во-вторых, любит сравнивать кислое с ядерным, отчего недоволен тем, как обстоят дела «у нас». В-третьих, научная база, которую он подводит под свои сравнения, сильно хромает.

– Абсолютно согласен с Вами, инспектор, – встрял Ванваныч в монолог пожарного о преимуществах гигиенической жизни там, в отличие от здесь. – Там действительно всё продумали.

Татьяна бессильно вздохнула.

Робинзон уставился на директора «Жёлтого ручейка».

– Допустим – Амстердам, – продолжил Ванваныч. – Занимает первое место в рейтинге гигиена-ориентированных городов. Туалеты там расположены непосредственно под открытым небом. Крестиками отмечены углы, куда справлять нужду можно, а ноликами куда нельзя. За справедливое размещение углов по городу отвечает лично мэр, а его помощ-

ник наносит необходимую разметку. И ведь всё продумали до мелочей. Дождь смывает нечистоты в каналы, каналы выносят в Северное море, оттуда – в открытый океан, затраты энергии – ноль. В отличие от нашей погоды, как Вы могли заметить, в Амстердаме дожди идут не переставая, город стоит чистый и блестящий.

– Да, погода у них не то, что у нас, – согласился Робинзон с неоспоримостью фактов.

– Здесь главное что? Иметь широкие плечи, чтоб заслонять своё достоинство от назойливых глаз туристов. Одних только китайцев в столице страны тюльпанов одновременно слоняется миллионов десять. Эти проныры так и норовят всё заснять и показать родственникам у себя в поднебесной.

– Да, эти китайцы ничем от нас не отличаются, – поддержал Робинзон.

– Вы абсолютно правы, инспектор. С китайцами у нас единое начало – ученые нашли неопровержимые доказательства нашего родства. Оказалось, что давным-давно Ева приехала из Китая на заработки в область среднерусской равнины, где и познакомилась с Адамом. Семейная жизнь у них как-то не заладилась, правда причины пока не раскрывают – сейчас документы исследуют, но не суть. Закончилось тем, что они подали на развод, разделили отпрысков, имущество, и Ева вернулась обратно в пойму реки Хуанхэ. Таким образом, наши общие предки захватили основную территорию восточного полушария. В настоящее время, кстати, переписывают

Ветхий Завет с учетом новых неоспоримых данных. Надеюсь, вы читали последние исследования антропологов?

У Апполинария Вальдерфрамовича отразился на лице мучительный процесс поиска информации в кладовой своей головы.

– Да-да, вроде читал где-то, просто не помню, где.

– Конечно, не помните, в интернете столько фальшивой информации расплодилось. Но ещё год назад эту новость обсуждал каждый второй пользователь сети, правда, конечно, на свободной территории – у нас эту тему стараются замалчивать.

– Тогда всё становится понятно, – прозрел Робинзон.

Татьяна закатила глаза.

– Давайте всё-таки вернёмся к проблемам Амстердама или правильнее сказать, к нашим проблемам, потому что в Амстердаме проблем нет. Так вот, постоянные дожди не только освежают отхожие углы, но и смывают туда же, в каналы, всю грязь от назойливых туристов. Природное преимущество позволило руководству города кардинально сократить расходы. На весь Амстердам работает один дворник. При этом заметьте: коммунальные расходы – один человек, затраты энергии, как я уже говорил – ноль. Деньги налогоплательщиков в сохранности, возможности воровать нет. Как и нет ни одного повода усомниться, что там намного лучше, чем здесь. Вы несомненно правы, инспектор.

– Вы так много знаете, летали в Амстердам? – обрадовал-

ся Апполинарий неожиданной поддержке.

– По долгу службы я облетел весь Европейский союз. Везде лучше, чем у нас.

– Вот видите, Татьяна Алексеевна, – повернулся Робинзон к администратору. – У людей правильное мнение.

Татьяна всё видела.

– Ну, насчет одного дворника Вы всё-таки преувеличиваете, – позволил себе засомневаться инспектор.

– Преувеличиваю, конечно, но! Вы не догадаетесь почему, – согласился Ванваныч.

– Почему?

– Они и его хотят заменить, перейдя на полную автоматизацию. Был неприятный случай, писали во всех Голландских газетах. Мэр Амстердама, выходец из южного Бирюлёво⁴⁴, хотел заставить единственного дворника отдавать половину зарплаты. Представляете!? Как они допустили этого самозванца во власть? Но общественность встала на защиту. Гражданские институты там работают не то, что у нас. Дворник являлся активным членом и платил взносы в лигу любителей плотоядных животных, а с этим, понимаете, строго. В отличие от наших окостенело-патриархальных взглядов, у них любовь записана в Конституции пунктом номер один. Человек волен любить – точка. Никто не имеет права препятствовать соитию индивидуума с возжеленным объектом. Кстати, объекты перечислены в трёх дополнительных томах

⁴⁴ Район на юге Москвы.

и постоянно обновляются. Вы знали об этом? По долгу службы мне пришлось ознакомиться со второй публикацией основного издания.

– Нет, не знал. Но я за свободную любовь, – на всякий случай заметил Робинзон.

– Ну так вот. Лига обратилась в Гаагский суд, что для европейцев обыденное дело. Здание суда, как для нас дача под Москвой, полчаса езды, и ты на любимых грядках. По воскресеньям жители Старого Света отправляются в Гаагу на соседей заяву писать. Малейший вопрос – сразу туда. Хорошая привычка, согласитесь.

– Не то, что наши суды. До старости ничего не решат.

– Согласен, с нашими лучше не связываться. На прениях сторон зарабатывают только служители фемиды. Чем дольше процесс, тем больше зарабатывают. Да, забыл сказать самое основное. Дворник был мигрантом и ему пришлось согласиться на преступные требования мэра. Сел он в своей дворницкой, посчитал оставшиеся евроценты. Что делать? Семью надо кормить. Жену он, конечно, не любил, сами понимаете.

– Это понятно, прогрессивные интересы, – закивал головой инспектор.

– Вы очень образованный человек. С Вами приятно разговаривать.

– Спасибо, – зарделся Апполинарий Вальдерфраммович.

– Посчитал он свои скромные сбережения, и оказалось,

на публичный дом не хватает.

– Там есть публичные дома для... ну с плотоядными животными?

– Друг мой, обязательно слетайте в Амстердам, проветритесь. Вы, конечно, слышали об улице Красных фонарей?

– Да, но там вроде...

– Там есть всё. Травоядные, пресмыкающиеся и целое семейство плотоядных представителей. Ходят из угла в угол за витриной, облизывают морды в ожидании щедрых клиентов. Кормить животных просто так никто не собирается, взрослые уже. Пора самим зарабатывать. Рыночная экономика накладывает некоторый колорит на повседневную жизнь Амстердама, поэтому на помощь пришла наука. А наука у них не то, что у нас. Ситуацию спасли Британские ученые. Выяснили, что согласно исследованиям Павлова, условные рефлексы проявляются не только у собак. После ухода посетителя плотоядным кидают в тазик свежего мяса и при виде клиента у тех выделяется обильная слюна, так что процесс происходит по обоюдному согласию. Животные не просто любят, а с нетерпением ждут человека – кормильца.

– Вот всё у них, как у людей.

– Не говорите. Развитое общество. С нами сравнить невозможно. На чем мы остановились?

– Дворник деньги в дворницкой подсчитывал.

– Да, точно. Апполинарий... извините, не запомнил.

– Вальдерфрамovich.

– Очень красивое имя и отчество. Такое, с размахом! С глубокой сутью! С историей развития интеллигентного общества. И фамилия у Вас благородная, островная. Не хватает приставки «Грейт».

– Мой папа – известный ученый. Открыл закон сохранения энергии. – похвастался Грейт Робинзон.

– Что Вы говорите, он жил в девятнадцатом веке?⁴⁵

– Да нет же! Законов сохранения энергии очень много. Мой папа доказал один из них – закон сохранения энергии, дальше не совсем помню, что-то связано с информацией. Мне мама рассказывала.

– Матушка Ваша тоже физик?

– Нет, она, как и бабушка, потомственный химик. Её прадедушка дружил с Менделеевым.

Ванваныч умолк, переваривая противоречивый поток информации. Поэтому пустоту в разговоре заполнил Робинзон.

– Честно говоря, папа ушёл из семьи ещё до моего рождения, так что от него мне остались только фамилия, отчество и, чего там лукавить, хорошие гены.

– Извините меня, инспектор, за мою близорукость с дальнорукостью вместе, не разглядел ваши гены с наскока. Зрение от работы окончательно помутнело. Но в качестве извинений хочу сказать, что слышал о законе Вашего папы. Кажется, он звучит как – закон сохранения энергии при полном

⁴⁵ Закон Сохранения Энергии – основной закон природы. (первые опыты – начало 19 века)

исчезновении разума в агрессивной информационной среде. Ваш отец не просто феноменальный ученый, а выдающийся гений!

– Вы знакомы с трудами моего папы? – обрадовался инспектор.

– Не то, чтобы знаком – сосед по лестничной клетке немного рассказывал, но Вам повезло, Апполинарий Вальдерфрамович, видно, что Вы получили хорошее образование. Только одарённый человек может с такой энергией применять этот закон на практике.

Апполинарий стоял весь красный от жары и удовольствия.

– Давайте вернёмся к нашему дворнику, – продолжил Ванваныч. – Так как деньги остались только на еду, а жену наш герой не любил, он стал чахнуть без обычных житейских радостей, которые обретал на улице Красных фонарей. Спал с лица, захирел и блуждал по набережным каналов, пугая своим видом китайских туристов. Так что в один чудесный день он совершил преступление. После платного сеанса дворник убежал, не заплатив. Хозяину содержать скотину оказалось не на что, а плотядное, боясь, что кормить перестанут, наплевало на условные рефлексy и съело очередного бедолагу.

– Кошмар!

– Да-да. Началось следствие. Арестовали хозяина притона, дворника, а животных отправили в Бельгийский зоопарк, где поставили на продуктивное довольствие, пока шли судеб-

ные разбирательства. В зоопарке у бельгийцев хаотично плодились жирафы, и, чтобы обуздать бесконтрольное размножение, их потихоньку стали скармливать плотоядным, заодно показывая детям нехитрую цепочку пищевых предпочтений. Всем хорошо. Плотоядные отъедаются перед новым сезоном, а дети знакомятся с рыночной экономикой.

– Точно, я же видел по телевизору! У нас-то всё наизнанку вывернули, а там благородным делом занимаются. Чем же закончилось разбирательство в суде? – инспектор своим видом выражал крайнюю заинтересованность.

– Татьяна Алексеевна, может, мы Вас задерживаем с Апполинарием Вальдерфрамовичем. Мы сами разберёмся, если что. Я всё объясню, покажу, с дочерью познакомлю. Вы меня поддерживаете, инспектор?

– Ну, я не знаю, – замешкался инспектор, сделав официальный вид. – Кто Ваша дочь?

– Так вот она! Прекрасная фея с плетью, – Ванваныч кивнул на Верочку.

Пожарный переменялся в лице и затеребил руками.

– Действительно, Татьяна Алексеевна, мы тут сами с Иван Ивановичем. Вы не волнуйтесь, – залепетал Робинзон. – Я сейчас быстро заполню бланки, никаких нарушений же нет. Вы подпишите, и всё. Куда можно сесть?

Инспектора усадили за стол, где он быстро составил акт проверки, не выявив никаких нарушений.

Пока он записывал, Татьяна и Ванваныч изучали агитаци-

онный плакат, как стать настоящим «пожарником», которую инспектор неосмотрительно выставил на обозрение.

Как только инспектор дописал акт и встал, оба отвернулись в разные стороны, создав образ двуглавого орла.

Татьяна внимательно прочитала акт и подписала.

– Действительно, много дел сегодня навалилось. Иван Иванович, но я надеюсь, Вы мне потом расскажете, чем кончилась эта история с дворником и плотоядными животными с низкой социальной ответственностью,⁴⁶ – Татьяна благодарно посмотрела на Ванваныча.

– Не переживайте, Татьяна Алексеевна. Выложу всё как на духу.

Татьяна повернулась и пошла к выходу.

Ванваныч посмотрел на инспектора.

– Друг мой, приглашаю Вас в мой кабинет. И хотя у нас не тот микроклимат, как там, предлагаю тяпнуть настоящего односолодового здесь с двенадцатилетним воздержанием там. Под него и закончим историю. Пусть пока доченька поучит уму-разуму этих бездарей.

В это время доченька с размаху оходила полные плечи рябого менеджера.

– Извините, хотел спросить. Чем они занимаются? – поинтересовался Робинзон.

– Ищут разгадку. Всех страшно беспокоит тайна проис-

⁴⁶ Аллюзия к выражению президента России В. В. Путина.

хождения мира.⁴⁷

⁴⁷ Ванваныч имеет ввиду картину художника-реалиста Гюстава Курбе Происхождение мира (1866). Более ста лет не выставлялась на показ.

Глава 8 Робинзон и Чарка

Накатив по стакану, новые друзья уселись напротив друг друга за огромным дубовым столом. Около часа разомлевший Робинзон рассказывал Ванванычу подробности своей жизни и политической борьбы.

В кабинете было жарко, но терпимо. Солнце сместилось правее, позволив немного вздохнуть. День клонился к вечеру.

После двенадцатилетнего воздержания градусы наконец-то отыскивали выход и с удвоенной инициативой, пользуясь жарой и крепостью, растворяли мозги собеседников.

– Вот умеют, – Робинзон разглядывал виски на свет, – Наши-то только водку бадяжат. А здесь искусство. Иван Иванович, так чем закончилась история с мигрантом?

Ванваныч налил ещё по одной. Пригубили.

– Дворника взяли в семью жить.

– Какую семью?

– Европейскую!

– Не понимаю.

– Дело в том, что европейцы обожают мигрантов на уровне ДНК. Любовь записана линейным штрих-кодом, черным... по какому... – Ванваныч задумался, допил остатки в стакане и плеснул ещё. – да неважно. Со времён Римской империи европейцы души не чают в гастарбайтерах. То кре-

стоносцы к ним в гости на месяц-другой, теперь, значит, обратный визит. Мигранты приезжают в Европу и живут в какой-нибудь семье до тех пор, пока к ним не присоединятся их друзья и родственники. Сейчас даже закон готовят – у каждой европейской семьи должна быть дополнительная комната. А для богатых условия ещё жёстче: подключается прогрессивный налог. Должны на своей территории целый клан расселить. Вот в таком доме и жил наш дворник со своей роднёй.

– Странно. Я думал, мигранты проблема для Европы. В новостях лагеря беженцев показывают.

– Пропаганда. Голимая пропаганда. Перегибы на местах есть, но в целом...

– Всё ясно. Хорошо я не поверил. Что ещё можно ждать от нашей вертикали власти?

Инспектор поднял свой стакан, но он выпал из потных пальцев и закатился под стол. Причитая, он полез его доставать.

Ванваныч немного поразмыслил и последовал вслед за Робинзоном, прихватив бутылку и свой стакан.

– Тут ничего, – Ванваныч уселся рядом с собутыльником. – Неплохо устроились, здесь даже теплее, сквозняка нет. Подмёрзли, инспектор?

Робинзон непонимающе уставился на Чарку.

– Не обращайтесь внимания, Апполинарий Вальдерфрамovich – Ванваныч махнул рукой и наполнил Робинзону стакан,

так как предыдущая порция расплескалась по ковровину.

– Ну, Иван Иванович!

Ванваныч продолжил.

– Так как случай с дворником произошёл весной. А весна у них, в отличие от нас, начинается в январе, в аккурат после старого нового года, согласно православному календарю. Голландцы, выпив женевера⁴⁸ и закусив пошехонским сыром, расселись на газон любоваться тюльпанами. Январь самый сезон.

– Я думал Пошехонский – наше название⁴⁹...

– Вы ещё верите в сказки, друг мой? Содрали название у голландцев, ещё при Петре первом.

– В Голландии отмечают Старый Новый год?

– Конечно! Пётр позаимствовал у них название сыра, но взамен научил праздновать Новый год с размахом. Две недели – наше ноу хау. Но! Даже новогодние праздники у них лучше. В отличие от нас, Новый год теперь они празднуют три недели, начиная со своего рождества.

– Да, нам только мечтать, – Апполинарий воздел мечтательные глаза к столешнице. – Горбатим спину без продыху.

– Не переживайте, Апполинарий Вальдерфрамович, к старости наши новогодние праздники будут начинаться с Ивана Купалы. В борьбе за избирателей изворотливые кандидаты быстро наматывают дополнительные деньки. Кто два, кто три

⁴⁸ Крепкий напиток. Голландская вариация джина.

⁴⁹ Пошехонский район – Ярославская область.

дня, потихоньку заполняют копилку – к четвертому тысячелетию замкнём праздничный круг.

Чокнулись за Новый год.

– Ну мы отвлеклись. Вся Голландия затянула косячок.

– Они же на тюльпаны смотрели.

– Интересно, как Вы представляете себе просмотр тюльпанов? Как кёрлинг с ведущими игроками НХЛ? Под пиво и воблу? Здесь Вам не ток-шоу среди бела дня, здесь красотой проникнуться надо, пропитаться запахом и созерцать. Сидят вокруг полей, передают косячок, подбивают пяточку. Из космоса снимок делали: разноцветные поля и все в дыму – завораживающее зрелище.

– Не пойму ничего. При чем тут тюльпаны с косячком, когда дворника замели просто так? А мэр разгуливает на свободе. Преступник может от правосудия обратно в Бирюлёво удрать.

– Что значит просто так? Халява в Голландии не приветствуется. За удовольствие надо платить.

– Так ведь это мэр преступник. Деньги отобрал у дворника.

– И что ж, по-вашему, преступления надо по эстафете передавать, как чуму двадцатого века? Работник коммунальной службы должен быть образцом для горожан, показывать пример достойного поведения. А он субботник плотоядным устроил. Так и начинается бардак.

– Тук-тук, Иван Иванович, – раздался голос Верочки.

Ванваныч выполз из-под стола и застыл перед Верочкой на коленях. Специалист по тимбилдингу стояла свернув плеть в правом кулаке, пунцовая от физического труда. Кожа на лице блестела капельками пота.

– Верочка! – воскликнул Ванваныч. – Так быстро закончили? Ваши подопечные разгадали тайну?

– Нет ещё, но надо передохнуть, набраться сил. Отпустила сотрудников, пусть в «Студёный ручеёк» сходят. Симулятор мозгового штурма я от них спрятала.

При этих словах инспектор появился из-под стола и тоже встал на колени.

– Здравствуйте! – неуверенно произнёс он.

– Добрый день! – отчеканила Верочка.

Ванваныч поднялся с колен, подошёл к девушке, взял под руку и увлёк из кабинета.

– Правильно, что спрятали. Надеюсь, надёжно?

– Более чем, – сказала Верочка, уверенно закивав головой.

– Главное, чтоб не нашли, а то беды не миновать. Верочка, Вы очень соблазнительны в этом наряде, – Ванваныч отодвинулся от девушки, чтоб лучше её рассмотреть. – Очень жаль, что Вы так скоропостижно стали моей дочерью, и отеческий долг не позволяет мне в полной мере насладиться нашим деловым союзом.

Верочка засмушалась.

– Мне надо тоже отойти, Иван Иванович, только переде-

нусь.

– Зачем же менять такой стильный облик?

– На первом этаже много народа.

– Верочка, нет причин волноваться. Вас проводит мой друг. Давайте вас познакомлю. Ванваныч вернул девушку обратно в кабинет.

Инспектор так и стоял на коленях со стаканом в руках.

– Апполинарий Вальдерфраммович! – представил Ванваныч Робинзона. – Уважаемый человек на районе. Специалист по пожарной безопасности и энергичный борец с режимом. Лично знаком с Чарли Чаплиным. Холост, не пьёт, потомственный учёный.

Робинзон покрылся молодецким румянцем, смущаясь от лестных эпитетов в свой адрес.

– Верочка, моя дочурка. Старшенькая. Талантливая, вся в отца. Ну Вы уже заметили, – продолжил знакомство Ванваныч.

– Да, Верочка... Вера, – поправился инспектор, – я был поражён. Первый раз такое вижу у нас, раньше мог представить только у них. Понимая, насколько передовых взглядов придерживается Ваш отец, не сомневаюсь, что свой талант он передал по наследству, – выдал на одном дыхании инспектор.

– Думаю, инспектор, Вы нигде не могли видеть подобный масштаб творческой идеи. Это целиком и полностью заслуга моей дочери. Верочка – исключение и единственный случай,

когда у нас лучше, чем у них.

Теперь и Верочка стояла довольная.

– Апполинарий Вальдерфраммович, прошу Вас наконец встать с колен и проводить мою дочь в «Студёный ручеёк» на первый этаж. У нас, как видите, авария, поэтому сейчас там самое интересное место.

– Да-да, я видел, – с энтузиазмом спохватился инспектор, вставая на ноги. – Там большая очередь.

– У нас обожают очереди и на досуге хвастаются друзьям – кто где отстоял.

– Верочка, позвольте Вас проводить. Мне и самому надо освежиться и умыть лицо.

На выходе из офиса «Жёлтого ручейка», мимо Робинзона и Верочки прошуршала юбками Мила, она улыбалась в экран телефона.

За ней понуро брели четыре человека.

Глава 9 Галантный прапорщик

Усталые от жары и умственной работы служители Млечного пути развалились на стульях, обмахиваясь бумагой, изуродованной космическим сачком.

На полу продолжал шуметь шланг: он не только потел конденсатом, но и в нескольких местах моросил тонюсенькими фонтанчиками.

Пётр Петрович растерянно ходил взад-вперёд, шлёпая по мокрой глине. Его чувства оголились всем вселенским ветрам и нещадно подверглись атакам со стороны космического мусора. Университеты безжизненно болтались по краям подбородка.

Бывший прапорщик был эмоционально раздавлен нахлынувшими со всех сторон сомнениями.

Повелитель Млечного Пути нагрузил таким объёмом советов касательно отношений с Верочкой, что от их обилия Сорнякова изрядно подташнивало. Особенно от понимания, что определяться с подходящим способом придётся ему самому. Но красиво на словах, а как сделать-то?

Надо показать достаток. Допустим, покажу машину и расскажу про квартиру: без ипотеки, собственность, кроме меня никто не прописан. И что дальше? Повелитель говорит, что любовные дела требуют терпения, обещает солидную скидку за свои услуги, пока сердце Верочки окончательно не разо-

млеет. А если надолго? Как тут вытерпишь? Петра Петровича передёрнуло. Большие расходы он не потянет.

К чувству романтического вожделения незаметно присоседилось новое – досады и неприятия. Очень не хотелось напрягаться так много, чтоб в награду получить так мало. Даже стало появляться ощущение лёгкой ненависти и злобы. Нашлась тут, королева! Человек сам всего добился, его уважают, он имеет вес в обществе, а обязан напрягаться на пустом месте.

Бывший прапорщик боролся с искушением послать всё к чертям и отказаться от сомнительной затеи. Разряд электричества прошиб от пяток до макушки, взъерошив и на мгновение воскресив его опавшие университеты. Может, звёзды ошиблись? Может, его счастье не Верочка?

Но Пётр Петрович тут же вспомнил о своём возрасте и понесённых расходах. Разряд испуганно ушёл в космос. Один только чудо-сачок уйму денег стоил. А ещё два помощника, калибрование звёздных прогнозов, выравнивание путей светового отсчета, протяжка невидимых нитей созвездий. Тысяч двести наберётся, с гаком.

Нет. Как теперь отказаться? Столько брошено сил и эмоций, растрачено чувств. Не может такого быть, чтоб он старался напрасно? А если всё-таки зря? Начало подташнивать сильнее.

Чёрт! Надо было гарнитур шведский купить, а ещё лучше – литые диски. Машина бы смотрелась очень круто. До-

сада терзала бывшего прапорщика, не давая расслабиться. Пётр Петрович живо представил себе свою ласточку. Бабы сами бы лезли знакомиться. Даже Клавка, соседка по лестничной клетке, не сдержала бы своего порыва. Вечно смеётся над моим достоинством. Дура! Старым называет. Сама старуха! Всего на пять лет младше, а гонору, будто восемнадцать стукнуло. С другой стороны – Клавка неплохая партия. У неё квартира трёшка, можно совместить с моей. С утра на рынок ходила в розовой футболке. Может, я ошибся? Эх, поздно прогноз прочитал.

Бывший прапорщик повёл головой в сторону, будто строптивый конь, отказываясь от уздечки.

– Пётр Петрович, пора действовать, – прервал раздумья адъютант.

Пульс бывшего прапорщика загремел от страха на весь кабинет, но адъютант был неумолим.

– Берите себя в руки и шагайте в «Жёлтый ручеёк» за Верочкой.

– Может, ещё какой-нибудь способ есть, – взмолился Сорняков.

– Мы с Вами всё перебрали. Звёзды говорят – это лучший способ. Удача сегодня на Вашей стороне, хотя есть некоторая сумятица, – твёрдо заявил адъютант.

– Вдруг она не захочет?

У троих служителей обмякли плечи и округлились глаза.

– Как можно не захотеть? – не выдержал Повелитель. –

Все хотят, а она не захочет. По-вашему, звёзды чепуху мелят? Пётр Петрович, подходит к концу время вызова. Будете продлевать? Сверхурочные оцениваются в двойном размере. Мы Вас предупреждали.

– Я просто боюсь, что вдруг Верочка – ошибка, а судьба в розовом свете – кто-то другая.

– На ошибку всего пять процентов. Маловероятный исход событий, – напомнил адъютант.

– Но бывают же исключения, – сомневался бывший прапорщик.

– Вселенная – это не сборник ответов по алгебре. Ступая по млечному пути, иногда встречаются чёрные дыры. Если Вас постигнет сия участь, Повелитель немедля придёт к Вам на помощь. Не сомневайтесь, Пётр Петрович, ступайте, а мы пока потревожим нити созвездий, чтобы отыскать выход в случае Вашей ошибки.

Сорняков тяжело вздохнул, всхлипнул напоследок, собрался духом и решительно шагнул из кабинета навстречу судьбе.

Двери на выходе из «Студёного ручейка» трещали под натиском страждущих. Менеджеры его компании изо всех сил старались сдержать напор. В кабинетах творился бардак, сотрудники прохлаждались без работы, хотя слово «прохлаждались» явно не соответствовало жару, царившему в офисе. Но Сорнякову не хотелось думать ни о работе, ни о вечном сложном периоде. Его занимал главный вопрос: с какой

стороны подойти к Верочке и как предложить свои незаметные услуги.

Повелитель настаивал, что сегодня звёзды благоволят Петру Петровичу. И, на первый взгляд, такая катастрофа, как отсутствие воды в комплексе, обернулась громадной удачей, в виде наличия оной в офисе «Студёного ручейка».

Теперь Пётр Петрович мог править бал. Захочет, впустит без очереди, захочет – не впустит, а может вообще отказать. Бывший прапорщик почувствовал свою значимость и даже обрадовался, когда осознал потенциал своего положения. Но! Всегда есть «но». Как уговорить Верочку воспользоваться его потенциалом? Да ещё в офисе Чарки – её отца, как выяснилось. Конечно, такой потенциал можно распределить на обоих. В любом случае зачтётся и можно выцыганить у Ванваныча каких-нибудь привилегий.

Сорняков готовился к разговору со всей тщательностью.

Подхожу к Верочке и предлагаю:

– Верочка, Вы, конечно, знаете про аварию в комплексе? Не стесняйтесь, если вдруг чего, обращайтесь ко мне. Проведу без очереди.

Нет, так не годится. Звучит непонятно. Что значит вдруг? Или чего?

Надо объяснить яснее:

– Верочка, внизу стоит очередь в галерее, сотрудники комплекса справляют нужду в нашем офисе. Если почувствуете непреодолимое желание, сразу бегите ко мне.

Чёрт, сложно. А так:

– Верочка, положение директора позволяет мне игнорировать некоторые особенности нашей ситуации. Я могу проходить сквозь двери столько раз, сколько захочу. Вот Вам номер моего телефона, обращайтесь.

Навязчиво. Да и звучит как-то не очень. Надо визитку дать.

– Верочка, вот мои контакты. В случае желания немедленно звоните мне.

Двусмысленно.

– Верочка – это моя визитка. В ней указан адрес электронной почты, если стесняетесь позвонить, но желание переполняет, пишите, я часто проверяю почту.

Опять не то. Неправильно поймет. Я же не предлагаю ничего такого. Просто без очереди в туалет провести. Надо как-то похолоднее.

– Вот Вам моя визитка, Вера. Дайте знать, как возникнет желание.

Опять не то.

– Вера, возьмите визитку. Внизу к нам огромная очередь, но я знаю, как её обойти. Один Ваш звонок, и двери откроются. Надеюсь, Вы осознаёте, какое я делаю предложение? Заметьте, только Вам.

Пётр Петрович обрадовался. Вот теперь более-менее. Настроение скакнуло, как стрелка на напольных весах. Гордость всей жизни тут же ощетибилась, словно барометр хо-

рошего настроения.

С первым покончено, теперь надо и её отцу сделать предложение. Здесь легче.

– Иван Иванович, давайте забудем нашу вражду. Заходите к нам в туалет, когда вздумается. Мы рады Вас видеть.

Рассуждая о разных предложениях, от которых невозможно отказаться, Пётр Петрович миновал своих сотрудников, выполняющих роль часовых, и вышел в галерею.

К дверям его офиса стояла огромная очередь. Кто-то дождался счастливой секунды, кто-то не выдерживал, убегая на улицу. Четверо везунчиков вышли за ним. Часовые впустили следующую партию.

Вся очередь с завистью посмотрела на директора «Студёного ручейка». Некоторые вежливо здоровались, интересовались – помнит ли Пётр Петрович Фёдора с третьего этажа, Людмилу с левого крыла, Геннадия из офиса напротив. В глазах лучилась надежда справиться нужду по знакомству.

У бывшего прапорщика непроизвольно расправились плечи. Он вежливо отвечал на приветствие, но панибратства не позволял.

Так он, здороваясь, улыбаясь и теребя своё достоинство, дошёл в конец очереди, где стояла Верочка с лысым, грузным, но более молодым мужчиной. Парочка оживлённо беседовала, а Верочка смеялась.

Пётр Петрович не сразу узнал розовое видение в странном чёрном наряде, более подходящем к вечеринкам его мо-

лодости или фильмам для взрослых. Но когда узнал, чувство ревности украдкой садануло под дых.

В руках Верочка держала плётку, небрежно похлопывая ей по своей полной ляжке, и заливалась смехом от рассказа лысого.

– Представляете, бесплатно пользовался услугами плотоядных животных, – услышал Пётр Петрович, когда поравнялся с ними.

Верочка опять рассмеялась, красиво откинув голову, и её взгляд упал на усы бывшего прапорщика.

– Ой, Пётр Петрович! Здравствуйте ещё раз!

Но Пётр Петрович уже потерял настроение. Он недовольно поглядывал на инспектора.

– Я полагал, мы уже не используем отчество в наших отношениях, но если хотите, Вера Ивановна...

– У меня не такое о... – осеклась Верочка. – Извините Пётр...эээ Пётр.

– Просто Пётр. – помог бывший прапорщик, – Так лучше. Верочка нервно помахивала плёткой.

– Ваш отец устроил вечеринку? – спросил просто Пётр, оглядывая костюм Верочки.

– Почему Вы так решили?

– Вы в такой одежде...

– А, это... Это по работе. Сотрудников тренирую. Некогда переодеваться. Надо быстро туда-обратно, и опять за работу, – махнула Верочка плёткой.

– Странно... – Пётр Петрович осуждающе оглядел девушку ещё раз. – Я считал, Вы тимбилдингом занимаетесь?

– Так и есть, – обрадовалась Верочка. – Это рабочая одежда.

– С таким отцом неудивительно, – пробормотал бывший прапорщик.

– Извините, я не расслышала?

– Очень хорошо, Верочка, что Вы меня встретили. Вы же быстро хотите – туда и обратно?

– Ну да, я бы с радостью.

– Вы же знаете, что это мой офис? – Бывший прапорщик, расправил плечи и подмахнул вверх правый корпус своих университетов.

– Да. Мне Иван Иванович говорил.

– Странно, что вы своего отца... – начал Пётр Петрович, но его быстро перебила Верочка.

– Мы с ним договорились – на работе забываем о родственных чувствах и обращаемся друг к другу строго по имени-отчеству.

– Тогда передайте Ивану Ивановичу, пусть заходит. Несмотря на прежние разногласия, двери нашего заведения всегда открыты. Даже во время засухи в Африке бывает перемирие, и тигры не трогают антилоп. Пусть проходит без очереди. Вместе посидим, поболтаем.

– В смысле? – Верочка испуганно посмотрела на Сорнякова.

– Просто так, без всякого смысла, – Пётр Петрович поёрзал усами, – Что ж Вы думаете, если мы раньше не находили общий язык, то никогда не наладим отношения? Перестаньте. Сядем как люди. Пожмём руки. Выкурим трубку мира. И пусть вокруг подождут, пока мы с Вашим отцом не закончим, как говорится, на мажорной ноте и в приподнятом настроении.

Верочка хлопнула глазами.

– А пока, Верочка, давайте я Вас отведу без очереди.

Бывший прапорщик снова, как на крыше, закруглил правую руку, приглашая Верочку без очереди.

– Но я не одна... – Верочка посматривала на инспектора.

– Ничего, подождёт Ваш спутник, потерпит, – перебил девушку Сорняков и, как будто не замечая инспектора, продолжил. – На этот случай поговорка есть – на всякое хотенье имей терпенье.

– Пётр Петрович – это инспектор, он...

– Не важно, – отрезал Сорняков. – Как говорит Повелитель: в бане и в очереди все равны. Согласитесь, очередь в туалет не является исключением из правил. Я многих в ней знаю, но помочь не могу. Для вас, Вера, я сделаю исключение.

Верочка беспомощно смотрела на инспектора, обдумывая только что сказанное.

– Нет, Пётр, либо Вы нас проводите вместе, либо мы остаёмся ждать в очереди, – красные губы приняли упрямое вы-

ражение.

– Вера, ну что Вы, идите, я сам как-нибудь. – заговорил до этого молчавший инспектор, бросив тоскливый взгляд на очередь.

– Нет, – отрезала Верочка и с вызовом посмотрела на бывшего прапорщика.

– Вы меня ставите в неловкое положение, – расстроился Пётр Петрович. – Я же не могу с вами двумя пройти под ручку.

– Или вместе, или никак, – упрямо заявила Верочка.

Бывший прапорщик пошерудил усами, обдумывая ультиматум. Глаза лихорадочно скакали с Верочки на инспектора и обратно.

Через несколько секунд он просиял.

– Придумал! Сначала, Вера, мы пройдем только вдвоём, а Ваш спутник подождёт у двери, а через пару минут я пошлю за ним человека.

Верочка сделала вид, что обдумывает решение вопроса. После чего сказала:

– Хорошо. Мы согласны.

Петра Петровича как дубиной по голове ударило это «мы». Ничего себе поворот! Не на того напали. Морж принял боевую стойку, но рука галантно осталась в округлённом положении.

Верочка под ручку с бывшим прапорщиком и инспектором чуть позади, подошли к дверям.

– Ждите здесь, – холодно скомандовал Пётр Петрович, обернувшись к инспектору.

Вместе с Верочкой они исчезли в дверях «Студёного ручейка», оставив Апполинария Вальдерфрамовича одного у дверей, лицом к лицу с враждебным миром.

Враждебный мир устоялся на инспектора с любопытством каннибальского племени. Глаза, полные ненависти, беззастенчиво сверлили пожарный надзор. Одно неосторожное движение, и Робинзона порвали бы на клочки.

Атмосфера в корне отличалась от домашней.

– Ещё и без очереди начали пускать.

– По блату нужду справляют.

– Хамы студёные.

– Совести нет.

По строю пробежал боевой ропот. Очередь сделала шаг к инспектору. Инспектор – шажочек от двери.

Колени стали ватные.

– Надо самим порядок наводить.

– Предлагаю номера на ладонях записывать.

– Точно. И выбрать ответственных представителей, кто за порядком следить будет.

– Сегодня этот туалет – общественный.

– Правильно.

– Всех, кто без очереди, будем наказывать.

Очередь сделала ещё шаг. Инспектор – два шага в сторону.

– Почему двери закрыты? Мы хотим видеть, что происходит.

– Сотрудники «Студёного ручейка» должны со всеми вместе в очереди стоять.

– А если кому-то не нравится...

Очередь сделала ещё один широкий шаг.

Робинзон дал слабину и под боевой вопль враждебного мира покинул негостеприимную галерею вприпрыжку на третий этаж.

Глава 10 Крах Млечного пути

Перед Повелителем Млечного Пути витал образ прохладного пива – насыщенного янтарного цвета, с воздушной белой пенкой, которая после розлива медленно сползает по запотевшему краю гранёной кружки. Было бы здорово, посаывая спинку вяленой рыбки, спрятаться сейчас в тени топей неподалёку от Донского кладбища и как раньше, прогуливая пары, наслаждаться вкусом хмельного напитка. Нет, пожалуй, лучше у другого какого-нибудь кладбища. Повелитель задумчиво потёр родинку на лбу.

Но вместо любого кладбища Повелителю приходилось торчать в отвратительном кабинете усатого индюка – Сорнякова, да ещё в рабочем наряде, который уж точно не соответствует температуре на градуснике.

Повелитель пребывал в полудрёме, убаюканный шипением шланга на полу.

Хотя, что жаловаться – грех это! Сегодня самый чудесный день за последний год. Улов, без сомнения, впечатляет. Когда ещё так везло? Повелитель не смог припомнить, сколько ни напрягался. Двести сорок пять тысяч за пару часов – такая удача ждёт не каждый день.

Правда пришлось попотеть, буквально. Работа отняла слишком много сил, но в итоге овчинка стоила выделки. Да что там овчинка! Сорняков – просто клад, золотое руно с

бриллиантовыми прожилками. Сил и напряжения требует ежедневно, но отдача колоссальная, комбайном можно косить золотые купоны.

Как он сказал? Наконец обрёл своё розовое счастье и в благодарность щедро меня вознаградит. Наивный козерог. Зачем мне подачки? Какое счастье? Пока баран холостой, его можно стричь годами, а это стабильный доход. Такими возможностями не разбрасываются, к тому же конкуренция.

Столько шарлатанов появилось повсюду, честному астрологу прислониться негде. Эпидемия какая-то! На прошлой неделе случилась первая неприятность, одна из дойных коров расплевалась с ним вдрызг. Цены у него, видите ли, завышены. Интернет наступает, снижая привычные удои, будь он неладен. Баранов обрабатывать надо, шлифовать, а конкуренты работают грубо, посредственно, только и делают, что демпингуют – звездофилы-любители.

Чёрт бы его побрал с этой бабой. Как вообще могло получиться, что все супротивные предсказания сошлись на одном человеке, да к тому же дочери Чарки? Мистика какая-то, не иначе.

Интересно посмотреть на эту Верочку Чарка. Похожа она на него? От этой фамилии Повелитель вздрогнул и снова потёр родинку на лбу. В мозг ворвались воспоминания молодости.

Повелитель расстегнул верхние пуговицы халата. Да, сегодня жара, однако.

– Павел Аркадьевич, время уже кончается. Будем продлевать? Может, выставить счет ещё на пару часов? – нарушил неспешную думу адъютант.

Повелитель нахмурил брови.

– Сколько вас учить, не пойму? Нельзя обдирать до конца. Потеряем, что потом делать прикажете? Такого клиента найти тяжело, я ему год бесплатно прогнозы предоставлял, и только потом он первые гроши перевёл. Нет! Усы сейчас на пределе. Мы сегодня их и так пощипали, Старик Хоттабыч бы грохнулся в обморок от такой эпиляции, – Повелитель повернулся к помощникам, – Вы лучше подумайте, как нам избавить усы от посягательств со стороны этой Верочки – поверьте, она может быть опасной.

– Уже думаем, – забасил слуга.

– Давайте-давайте! Не только у вас ипотека.

В коридоре слышались приближающиеся шаги – гулкие тяжёлые и лёгкие ударные.

Дверь отворилась и в кабинет зашли усы и дама из кино не для всех.

– Верочка, ну я же не могу взять и выгнать людей. Команду я дал. Сразу, как освободится место, менеджер нас оповестит. Он самый ответственный в «Студёном ручейке». Сейчас у дверей только ответственные сотрудники стоят, которым я доверяю, – Пётр Петрович пропустил девушку вперёд, и Верочка красивыми чёрными ботфортами зачавкала по мокрой грязи на полу.

– По личному опыту могу Вам сказать, что если кто-то так долго сидит, лучше после него дать пройти паре тройке человек для... так сказать, озонирования воздуха.

Повелитель закатил глаза и замотал головой.

Пётр Петрович продолжил.

– Кстати, познакомьтесь – Повелитель Млечного Пути, его адъютант и слуга.

Верочка ошалело уставилась на трёх мужчин в цветных халатах и треуголках.

– Вы не поверите, Верочка, – бывший прапорщик тёр свои ладони друг об друга, – эти люди предсказали наше сегодняшнее знакомство.

– Предполагалось, что девушка будет в розовом, – не выдержал Повелитель. – А Вы, Пётр Петрович, повстречали королеву бурлеска.

Верочка недовольно взглянула на владельца красного халата.

– Так она и была в розовом, – заступился Сорняков за свои идеалы, – розовом костюме. Просто работа у Верочки ответственная, в течение дня приходится переодеваться.

– А-а-а, – протянул Повелитель и задумался.

Бывший прапорщик, тем временем, извивался горящим пламенем вокруг Верочки.

– Давайте покажу Вам свой кабинет. Сегодня немного не убрано, сами понимаете – авария. Плюс душновато, благодаря Вашему отцу, но это не должно испортить приятное впе-

чатлению от моего рабочего логова.

Верочка пересекла логово, прошлёпав к единственной более-менее чистой стене, на которой мирно уживались боевые фотографии и искусство супрематизма.

– Я эту картину знаю!

– Оригинал, между прочим, – подбежал бывший прапорщик к оригиналу. – Подойдите поближе, не бойтесь. Намочите палец и потрите вот здесь в углу квадрата.

– Разве так можно.

– Разрешаю, – любезно склонил голову бывший прапорщик.

Верочка послунявила палец и потёрла нижний правый угол мирового шедевра. Палец стал чёрный.

– Видите! Видите, Верочка! Настоящий оригинал. Лично доставал через знакомых своих друзей. Жуткий дефицит! Пришлось напрячься, – Сорняков как жеребец подпрыгивал рядом с жутким дефицитом.

– Я видела такую в ларьке!

– Не будьте наивной. В ларьке возможна подделка, а тут товар штучный. Просто так не найдёшь. Тем более кисти мастера. Здесь надо связи иметь.

Повелитель закатил глаза ещё круче, перенеся их со лба на затылок.

– Вот я молодой, узнаете? – Пётр Петрович, как герой рекламного ролика, направил указательные пальцы обеих рук на свою фотографию с автоматом. – Видите? Служба – дело

нелёгкое. Да, были времена лихие, героические, – бывший прапорщик смастерил мечтательное выражение, и усы уверенно создали решающую роль в бравом облике.

– Вы воевали? – поинтересовалась Верочка.

– Не совсем, – замялся бывший прапорщик.

– Как не совсем? Вы же бывший офицер?

– Я не могу об этом говорить. Государственная тайна.

– ...понимаю, – помахала утвердительно головой Верочка. – Пётр Пет..., да-да, просто Пётр, я помню. Может, уже освободилось? Я бы хотела...

– Ждём сигнал от нашего менеджера. Всё под контролем. Как только он махнёт рукой, мы немедленно с Вами, ну я имею в виду, Вы без меня. В общем, надеюсь, и сами справитесь. – Пётр Петрович замолчал, запутавшись в хитросплетениях обычных фраз.

За дверями кабинета послышался недовольный рёв толпы, ругань и шум. Хор уверенных шагов, дверь отворилась, и на пороге появились Ванваныч на пару с Робинзоном. Они угрожающе ввалились в кабинет.

Слуга решительно поднялся, закрыв Повелителя могучей грудью в синем халате.

Но следом в кабинет шагнул Голованов, и даже при беглом осмотре оказалось, что детина – просто мальчик для битья, по сравнению с габаритами инженера по коммуникациям. Слуга повелителя произвёл в голове нехитрые расчеты, сопоставил свои модельные данные с параметрами бородатого

великана и понял, что любой конфликт закончится банальным избиением. Поэтому слуга уменьшил могучую грудь в размерах и не менее решительно уселся обратно на стул. Он отвернулся в окно, сделав вид, что ничего не заметил.

Повелитель даже не встал с места, только приспустил голову, укрыв лицо треуголкой.

– Вот они все! – взвизгнул инспектор.

– Интересная разыгрывается сцена, – ухмыльнулся Ван-ваныч, осмотрев обстановку развала. – Значит вы тут дочь мою обижаете? – он сделал шаг в сторону хозяина кабинета.

– Что Вы, Иван Иванович, – приосанился Пётр Петрович, – наоборот, пошли навстречу в нынешней тяжёлой обстановке. Видите, что творится, – он развел руками на мокрый шланг, глину на полу и грязь на стенах.

– Во что Вы превратили свой кабинет, я вижу, но я ещё раз спрашиваю: что здесь делает моя дочь?

– Вы заметили, что творится при входе? Справиться с очередью под силу только одному человеку, и он сейчас перед Вами. Так вот, я любезно предложил провести Вашу дочь сквозь проблемный участок, переложив заботы на мои плечи, и сосредоточиться на конкретной задаче. Правда, Верочка? – Пётр Петрович подправил усы и распрямил плечи помощи, всем своим видом передав преимущество географического положения, которым завладел его офис. – Так что, Иван Иванович, обращайтесь. Для Вас всегда наши двери открыты. Сегодня я единственный управляю ситуацией.

В кабинете с интересом наблюдали за развитием разговора.

Целую минуту висела гробовая тишина, нарушаемая шлангом и сопением Голованова.

Первым пришёл в себя, конечно, Ванваныч.

– Сегодня самый славный день, Пьеро! – он подскочил к Сорнякову и начал энергично трясти его руку. Закончив горячее приветствие, Ванваныч, не отпуская руки, отстранился немного от бывшего прапорщика, чтобы задать вопрос. – Надеюсь, Вы надо мной не смеётесь, Пётр Петрович? Ведь в мире столько лжи!

– Моё предложение в силе, – подтвердил Пётр Петрович.

– Так значит, зря я горевал? Теперь я смогу обращаться к Вам сразу, как прижмет?

– Ну да, в целом, – согласился хозяин ситуации, польщённый таким вниманием.

– Боже, как здорово! – Ванваныч положил вторую руку на руку Петра Петровича, прикрыл мечтательно глаза и грубо вздохнул. – Вы слышите, Апполинарий Вальдерфрамovich? Теперь все двери открыты. Абсолютно все. И даже если вдруг нечаянно нагрнет, когда уже совсем терпеть не могу – имею право Вам сказать: пора, Пётр Петрович, – встречайте, я бегу.⁵⁰

– Конечно. В любое время.

– И дня, и ночи?

⁵⁰ Аллюзия к стихотворению «Любовь нечаянно нагрнет» (Жан Поль)

– Ну не совсем ночи, но до позднего вечера точно, – кивнул Пётр Петрович.

Ванваныч благодарно всхлипнул и смахнул несуществующую слезу.

– Теперь я совсем ничего не понимаю.

– Что Вы не понимаете?

– Зачем мы с Вами, Пётр Петрович, так долго ссорились? Вы же благородный человек, нет, благороднейший. А я! Я создал из Вас Ивана Никифоровича!⁵¹ Сколько ошибок, друг мой! Могу я Вас называть просто Пётр?

– Конечно. Ваша дочь меня уже так зовёт, – просто Пётр умилённо мотал головой, положив вторую свободную руку на руки Ванваныча.

– А Вы меня Иваном. Нет – Ваней! Так будет даже лучше.

– А Вы меня Петей! – совсем растаял хозяин географического положения. – Да и что мы всё на ВЫ.

– Конечно, Петя, Петенька, Петушок, – Пётр Петрович поморщился, но Ванваныч продолжал стоять с закрытыми глазами. – Сколько же мы пропустили... Могли бы запросто, без церемоний, пойти к друг другу, если прижало. Ведь так? – Ванваныч открыл глаза.

– Конечно Ив... Ваня, – выдавил Петя.

– Помнишь, как в детстве? Пока товарищ сидит в лопухах, ты караулишь поляну от назойливых глаз. Ты же стоял

⁵¹ «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголь.

в карауле, Петя?

– Я стоял в карауле до тридцати лет! Родина позвала, – Петя бросил гордый взгляд на Верочку.

Повелитель обхватил голову обеими руками и окончательно спрятался в треуголку.

– Что ты говоришь? Сама позвала? Да, конечно... Тяжёлые девяностые. Кого только Родина не звала. У тебя теперь, Петя, богатый опыт несения службы, я смогу тебе доверять. Ну и как она?

– Кто?

– Ну Родина... Никто не беспокоил её, пока ты на карауле стоял? Быстро она?

– Что быстро?

– Петя! – сделал строгий взгляд Ванваныч. – Ты, пока Родина свои дела справляла, на карауле долго стоял?

– Десять лет! – подтвердил Петя.

– Ух ты, как долго-то! – воскликнул Ванваныч, – Наверно, она съела чего-нибудь.

– Мне кажется, у нас вышло недопонимание, В-В-Ваня, – попытался оправдаться Петя.

– Как недопонимание? Ты же бывший офицер, Петенька, вот и фотография как доказательство отданного тобой Родине долга, – Ванваныч подошёл к стене. – Пока она справляла естественные надобности, ты фотографировался с автоматом. Посмотри, доченька, – Ванваныч повернулся к Верочке. – Ну ведь герой! Герой лихого времени! Охранял Ро-

дину от назойливых глаз и отвлекал на себя противника. Он тебя не подведёт, у него есть автомат. Ты, кстати, уже сходила зачем пришла?

Не успела Верочка ответить, как Пётр Петрович опередил её, произнеся речь в свою защиту.

– Нет, мы ещё не успели, там занято было. Плюс я очень беспокоился за свежесть атмосферы. Очередной посетитель застрял в туалете слишком надолго.

– Мы? Вы хотели туда вместе зайти на брудершафт?

– Да нет же! – Петя всплеснул усами. – Но я не мог позволить Верочке страдать в тяжёлой атмосфере в одиночестве.

– Петя! Ты смеёшься? Разве так ухаживают за девушкой? То есть, пока она здесь месит глину, переминаясь с ноги на ногу, ты, вместо того, чтоб расчистить путь и занять почётный пост, показываешь свой квадрат?

– Это квадрат Малевича, – вступил в разговор Робинзон.

Семь человек посмотрели на инспектора. И хотя Повелитель быстро спохватился и опустил голову, от Ванваныча не ускользнул знакомый до боли образ.

Чарка вплотную подошёл к равнобедренной фигуре и фамильярно задрал ту треуголку, которая принадлежала красному халату.

– Ба, какая встреча! – Ванваныч неотрывно смотрел на повелителя. – Морозкин! Ты ли это? Вот это уже точно сюрприз.

Повелитель понял, что его разоблачили и прятаться даль-

ше не имеет смысла.

– Ты чего в таком виде, Морозкин? Ты тут на секретном задании или патриотический фильм снимаете, как Пётр Первый арапа женил? Дворец бракосочетания готов, декорации возведены с изюминкой, лечебная грязь на стенах, спасительный шланг, родители, свидетель – убранство под стать молодым! А где аппаратура? – Ванваныч осмотрелся. – Апполинарий Вальдерфрамович, ты свидетелем будешь или женихом? Невеста уже в подвенечном платье стоит, осталось только Мендельсона позвать.

– Женихом лучше, – машинально ответил инспектор.

– Ты Петенька, что скажешь?

– Вы усложняете ситуацию, Иван Иванович, – процедил Петенька.

– Я? Да ты что? Если хочешь, можешь тоже оставаться женихом, в свидетели Голованов пойдет. Сейчас это называется терпимостью. Поставят штамп в паспорте, и ты, Петенька, станешь Робинзоном, а на свадьбу тебе Родина подарит медовый месяц на Новой Земле.

– Иван Иванович! – возмутилась Верочка.

– Верочка, милая, можешь называть меня просто папой. Атмосфера соответствующая, называется – кэжуал⁵² брединг.

Верочка опустила глаза, не понимая, что сказать. Ванваныч продолжал:

⁵² От английского casual – повседневный.

– Умница моя, примерная дочка. Отца надо слушаться. – Ванваныч повернулся к Сорнякову. – Ты не серчай, Петенька, дети иногда не знают, чего хотят. Нужны мудрые наставники. У нас в семье так повелось ещё со времён Лжедмитрия второго.⁵³ Когда наступает срок, родители помогают определиться с выбором, – Ванваныч снова обратился к Верочке. – Меня, Верочка, тоже никто не спрашивал. Отец поставил перед фактом, и, как я ни плакал, сколько ни бил посуду, силой выдали за твою маму. А там, потихоньку стерпелось-слюбилось.

– У нас обычаи не то, что у них! – подключился в разговор инспектор.

– Спасибо, Апполинарий Вальдерфраммович, за Ваше тёплое участие в неоднозначной истории нашей семьи. Вот Морозкин был на свадьбе свидетелем со стороны невесты. В его задачу входило, чтоб жених не ушёл от неотвратимого наказания. А если что, докладывать наверх в комитет родительский безопасности. Правда, Морозкин?

– Иван Иванович, Ваня, – это Повелитель Млечного Пути! – вступился за Морозкина Петя.

– Обалдеть! Повелитель Млечного Пути?

– Да. Он известный знахарь, уважаемый астролог, признанный прорицатель. На прогнозы Повелителя подписаны сто человек!

Ванваныч опёрся на директорский стол и открыл рот

⁵³ Лжедмитрий 2 – самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного.

от удивления не в силах что-либо сказать. Молчание висело несколько секунд. Шланг шипел, менеджеры в коридоре продолжали бороться за отхожее место.

– Не волнуйся, Петя, я уже вижу всю трагичность ситуации, – пришёл в себя Ванваныч. – В те далёкие времена твой Повелитель являлся обычным свидетелем. Надо признать, уже тогда показывая задатки вселенского специалиста. А сейчас расцвел до настоящего управленца. Ни много ни мало руководит, да нет, повелевает миллионами галактик. Хорошая карьера, Морозкин, а учился шить сарафаны.

В это время в кабинет зашёл ответственный менеджер.

– Кхм-кхм, Пётр Петрович, Вы просили сообщить, когда освободится местечко в правом.

– Да-да, Соколов, не надо подробностей, – Петя засуетился и почему-то обратился к Ванванычу. – Можно идти. Видите, как у нас тут всё хорошо организовано.

– Петенька, куда? – ласково пропел Ванваныч.

Петя непонимающе ерзал усами, пока до него не дошло, что Ванваныч имел в виду. Он развернулся к менеджеру.

– Соколов, проводи Веру. Покажи ей там всё, – скомандовал Петя, не смотря на Верочку, и уселся в своё кресло.

Менеджер сделал ответственное лицо и удалился с Верочкой, решительно собираясь показать ей всё.

Бывший прапорщик устал. Он тоскливо уставился на шланг, когда Верочка покинула кабинет, и бормотал себе под нос проклятия.

– Петенька, а ты давно знаком с Морозкиным? Мне даже интересно, кто кого завербовал? Морозкин у нас идейный осведомитель, видишь, какие глаза бесстыжие.

Петенька угрюмо молчал.

– Мы бы Вас попросили! – встали на защиту повелителя адъютант и слуга, но Голованов сделал шаг вперёд, и заступники снова сели.

Из-под мышки Голованова выглядывало мужественное лицо инспектора. Земной отряд явно превосходил живую силу небесного противника.

Понимая, что предстоит избиение вселенского масштаба, Повелитель дал знак своей команде не вмешиваться.

– Какая неожиданная встреча! – сощурил глаза Повелитель, – Не ожидал тебя увидеть в здравии, да ещё на такой должности. Ты, Чарка, когда успеваешь? Директор! Взрослая дочь. Ты же не просыхал лет десять. Неужели водочные заводы закрылись, и тебе пришлось отправить свою печень в отпуск. Наверно, жутко болела голова от осознания действительности. Сейчас же, судя по всему, печень позвали обратно в строй; у заводов склады переполнены? На твоих же плечах целая отрасль всегда держалась.

Ванваныч довольно улыбнулся.

– Морозкин, наша встреча доставляет мне эстетическое наслаждение. Ты так же виртуозно владеешь предметом, как и раньше. Язык никогда не подводил своего хозяина. Но согласишься, с трудом можно было представить в то тёмное время

нашего молодого грехопадения, что твой гибкий инструмент вознесёт тебя настолько, что ты воспаришь к звёздам. Ты правда поверил в параллельную вселенную? Надо же! Лучше бы ты остался служить привычной системе. Из казённых коридоров напрямик на млечный путь.⁵⁴ Головокружительная карьера. Или это командировка? Ты же понимаешь, что нарушил законы всемирного тяготения, набрав сто подписчиков! Страховка-то есть?

Повелитель тоже ухмыльнулся, но Ванваныч не смутился. – До сих пор нет? Опасно, Морозкин! Звёзды заботятся о той части тела, которая их содержит. Неужели они тебе не рассказывали? Неблагодарные! А ведь у них всё застраховано. У кого буфера, у кого жопа. Твой уникальный язык по праву втиснулся в эту шеренгу. Ты должен подумать о последствиях, а то вдруг чего – время беспокойное. Может, среди подписчиков дворник-маньяк? Или сомкнётся блаженной судорогой бесчувственная толстокожая задница, которую ты так тщательно вылизываешь. Оп! И нет орудия труда. Ты же не дельфин – волны в космос посылать – ты повелитель. Как докладывать? На подчинённых клоцкать придётся. Слушаться перестанут, разбегутся по небосводу. А страховка с лихвой покроет рабочую травму. Страховщики, конечно, ещё те прохиндеи, не чета тебе – по миру не пустят, но за износ и амортизацию вычтут.

Слуга и адъютант для вида приподняли сидалища от сту-

⁵⁴ Аллюзия к словам из песни В. Высоцкого «Баллада о детстве».

льев, но тут же опустили обратно, с опаской взглянув на бородатого монстра.

Осознав, что защиты ждать бессмысленно, Повелитель стиснул губы в прямую бледную ленточку.

– Послушай, Чарка! Время не научило тебя нормальному поведению в приличном обществе, – Повелитель встал и обернулся к Сорнякову. – Мы больше не желаем оставаться в такой обстановке, да ещё в обществе Ваших новых друзей. Мы уходим отсюда, – Повелитель кивнул помощникам, и они вскочили с нескрываемым облегчением на лицах. – Да, вот ещё что, Чарка. Руководить тебе осталось недолго. По моему совету Пётр Петрович отправил сигнал наверх владельцу вашей плешивой конторы. Тогда я не знал, кто ей руководит, но Пётр Петрович очень жаловался.

– Повелитель... – Петенька обхватил голову руками и опустил глаза к столешнице.

– Не волнуйтесь, Пётр Петрович, мы подыщем Вам другую партию, которая станет подчёркивать статус делового человека, а не вносить в него сумятицу. Эта Верочка – ошибка эволюции. Свяжитесь с моими помощниками и обсудите условия, – Повелитель развернулся к двери.

В проёме стояла Верочка.

Она держала в зубах плётку, а руками подбивала на голове хвост. Латексное боди соблазнительно обтягивало её пухлое тело. Серые зрачки помутнели и неподвижно следили за Повелителем. Красные губы нервно подрагивали, а лицо не

предвещало ничего хорошего.

Чёрные глянцевые ботфорты сделали шаг в кабинет.

Инспектор и Голованов предусмотрительно отпрянули в сторону.

– Как Вы сказали? Ошибка эволюции?

Верочка изъяла из зубов плеть и ритмично постукивала кнутовищем по полному бедру в роскошных чёрных чулках.

Повелитель сглотнул подступивший к горлу комок.

– Верочка, я этого не говорил, – пискнул Петя из-за стола. – Вы – эталон красоты и...

Но было поздно исправлять ситуацию. Оскорблённая женщина с плетью много хуже, чем без неё.

Ванваныч только и успел, что отпрыгнуть в сторону.

Плеть музыкально просвистела в воздухе и опустилась на головной убор Повелителя. Треугольный символ власти спружинил на голове, сделал несколько кульбитов в воздухе и плюхнулся в грязь.

Плеть, не останавливаясь, описала ещё один круг и с силой приложилась к спине владыки млечного пути.

Все замерли на месте, а слуга с адъютантом синхронно, как будто тренировались всю жизнь, отскочили по разным углам кабинета.

Плеть описала новую дугу, прозвенев в формате ля-минор, и опустилась сочным звуком на беззащитную голову работника космической индустрии.

Повелитель завизжал, прикрыв беззащитное место рука-

ми.

Тщетно.

Верочка очень ответственно готовилась к своей работе, поэтому плётка в умелых руках не испытывала никаких затруднений, с лёгкостью преодолевая заслон из пальцев и перстней.

Град ударов обрушился на все выпуклые части несчастного звездочёта. Плеть извивалась и резала воздух, наполняя кабинет восхитительной мелодией.

Как древний воин, с перекошенным лицом и растрёпанным платиновым хвостом, Верочка крутила плетью, выписывая знак бесконечность.

– Помогите! А-аааа! – орал Повелитель. – Помогите, метеориты вы неблагодарные, чёрные дыры космические, а-аааа.

Несмотря на принадлежность к предыдущим эпитетам, слуга и адъютант вмешиваться не торопились. Схватившись за щёки и открыв рты, в разных углах кабинета помощники, словно персонажи известной картины «Крик»⁵⁵, наблюдали зрелище вселенского избиения.

Повелителю оставалось надеяться только на себя. Сначала неуверенно, но потом всё быстрее и быстрее он юлой закружился на скользком грязном полу, тщетно пытаясь уйти от наказания разъярённой эволюции. Тело извивалось под ударами, а ноги выписывали замысловатые кренделя. Атлас-

⁵⁵ Картина норвежского живописца Эдварда Мунка.

ные башмачки месили глину, и через секунду определить их первоначальный цвет оказалось невозможным. Правая нога зацепилась за шланг, Повелитель поскользнулся и с громким чавканьем грохнулся на четвереньки.

Верочка добавила энтузиазма.

Плеть с новым вдохновением принялась охаживать млечные бока повелителя.

Оракул на четвереньках побежал к открытой двери, но полы халата то и дело мешали ему. Он наступал на них коленями и падал в глину лицом.

Плеть свистела – Повелитель визжал.

В конце концов жертве всё-таки удалось вырваться за дверь, правда на озверевшую Верочку сей факт возымел обратное действие, и ярость ударов только возросла.

Оказавшись в коридоре и увидев вдалеке спасительный выход, Повелитель рванул, что было сил.

Топот коленей и ладоней, сдобренный ударами хлыста, стремительно удалялся.

Послышались радостные крики и улюлюканье участников туалетной очереди. Хлопнула дверь.

Воцарилась тишина. Только в местах порыва шланга весело шелестела вода.

Воспользовавшись минутным затишьем, помощник с адъютантом аккуратно по стеночке стали пробираться к выходу. Очутившись в коридоре, они, топоча ногами, рванули на свободу за своим вожаком.

В кабинете осталось четверо.

– Так это ты, Петенька, оказывается, лезешь не в своё дело? – нарушил сцену молчания Ванваныч, очнувшись от жуткой картины избиения.

– Иван Иванович, это неправда! – проныл Сорняков.

Университеты бывшего прапорщика стали больше похожи на исправительное заведение периферийного масштаба – Пётр Петрович явно скинул с лица.

– Ну а кто же, Петенька? – ласково продолжал Ванваныч, рассматривая Черный квадрат бывшего прапорщика.

– Я не знаю, но я не виноват, – скулил одноимёнец великого императора.

– Здравсти приехали! В зятя набиваешься, а тестя решил по миру пустить. Странная военная арифметика у тебя, Петенька.

Петенька вдруг как вскочит, да как заорёт:

– Не нужна мне твоя Верочка! Извращенка несусветная. Я приличный человек, офицер. Звёзды ошиблись! Правильно сказал Повелитель. Никакой ты не друг, Чарка. Я тебя уничтожу, всё выложу вашему собственнику. Очень приятный человек – закончил он пламенную речь и усы немного реабилитировались.

– Звёзды ошиблись... Ошиблись звёзды, – задумчиво повторял Ванваныч.

Руководитель Жёлтого ручейка повернулся к инспектору.

– Вы не находите, Апполинарий Вальдерфраммович, некое

несоответствие условий пожарной безопасности с буквой закона?

– Тут почти везде непорядок, – прохрипел инспектор от долгого молчания, с трудом приходя в себя.

– Да, Петенька, забыл тебе представить моего настоящего друга и жениха моей чудо-доченьки. Кстати, по совместительству инспектора пожарной службы. И сегодня у него как раз проверка нашего комплекса. По долгу службы он обязан провести учения на порядок действий в случае пожара. Не так ли, Апполинарий Вальдерфрамovich?

Робинзон приободрился от нового статуса жениха, стряхнул остатки ужаса и сделал торжественный шаг вперёд.

– Да. Здесь непочатый край работы.

Ванваныч искренне заулыбался.

– Товарищ инспектор, оставляю Вам в помощь последнего пионера безвозвратно ушедшей эпохи. Знакомьтесь – юный ленинец – Голованов. Пока ещё не пионер-герой, но если понадобится, съест живьём. Голованов! – скомандовал Ванваныч.

– Ну что...? – закричал инженер, предчувствуя тяжёлые заботы.

– Нет, Голованов, так не пойдёт. Как тебя учили, когда принимали в организацию? Тем более у тебя серьёзные преференции – стулчак можешь не опускать.

– Не работают Ваши преференции.

– Согласен, но это по причине форс-мажора, а вот по

разнарядке сверху после сегодняшнего тяжёлого дня тебе предоставляется внеочередной недельный отпуск, оплачиваемый в двойном размере. Так ты готов, Голованов?

– Всегда готов! – воскликнул довольный инженер.

– Ну, мне пора наверх, у нас тимбилдинг, – сказал Ван-ваныч. – Ты, Петенька, тут учись, как надо вести себя при пожаре, ну а Вы, инспектор, построже с учениками. Ведь на кону жизни работников «Студёного ручейка». Мы в ответе за тех, кого подчинили. И зайдите потом ко мне. Вы же не откажетесь проводить Верочку домой?

Глава 11 Ожидание бури

Черное небо почти заполнило весь горизонт, раскинувшись несметной тёмной ордой от Орехово-Борисово до Очаково-Матвеевского.⁵⁶ Кое-где ещё пробивалось солнце, но плотные кучевые авангарды скорого ненастья быстро заполняли внезапно посеревшее небо. Оставались небольшие пробелы, сквозь которые косыми столбами спускались лучи солнца, вырезая на сером асфальте яркие островки.

Туча надвигалась медленно и величественно, порывая отдалённым утробным рокотом и угрожающе сверкая десятками миллионов вольт.

Черное чудовище поджало беременное брюхо, боясь распороть его о многочисленные новостройки и разродиться раньше времени где-нибудь на окраине Москвы. Туча берегла свой подарок для всего мегаполиса целиком.

Ванваныч стоял на крыше и смотрел на надвигающуюся катастрофу. В руке он держал бутылку виски, к которой периодически прикладывался.

За бетонным забором торопливо перемещались прохожие, стараясь заранее укрыться в надёжном месте и успеть до начала облачных схваток.

По территории забитой до отказа парковки оживлённо сновали водители. Кто-то орал в мобильный телефон, кто-

⁵⁶ Районы Москвы.

то в отчаянии нажимал на клаксон, кто-то колотил ногами по колёсам автомобилей, вызывая истошный перезвон автосигнализации. Выбираться из парковочной свалки оказалось делом непростым. Менеджеры истошно выражали своё недовольство из раскрытых окон своих кредитных вложений.

Около ворот, не поделив очерёдность проезда, притерлись крыльями друг к другу даже не ласточки, а два белых лебедя.

Владельцы лебедей в дорогих с отливом костюмах лупили друг дружку по холёным старообрядческим мордам, падая на капот то одной белой птицы, то другой. Они самозабвенно погрузились в процесс, выкрикивая в адрес оппонента грязные ругательства.

Лакированная поверхность постепенно покрывалась красными художественными кляксами.

Вокруг стояли менеджеры и снимали сей перфоманс на камеры телефонов.

– Забавно, – раздался знакомый голос.

Ванваныч обернулся.

– Вы меня почти напугали, Татьяна Алексеевна.

– Покрытие крыши смягчает звуки шагов. В вашем офисе сказали, что Вы здесь.

– Захотелось подышать, – Ванваныч улыбнулся.

– Посвежело.

– Перемены приходят неожиданно.

– На то они и перемены, хотя как всегда – эти перемены никто не обещал. Говорили, что первый дождь возможен

только через неделю.

– Ничего удивительного. Метеостанция находится на ВД-НХ, за телебашней туч не видно. Узнают по факту, когда в емкости набирается месячная норма осадков.

Татьяна посмотрела вниз.

– Что там происходит?

– Встреча в низах, при большом скоплении репортёров.

– Понятно.

Постояли пару минут молча, наблюдая как потасовка плавно перетекла в обещания устроить противнику проблемы в недалёком будущем.

– Я Вам бутылку пива принесла. Холодное, даже ледяное, – нарушила молчание Татьяна.

Ванваныч поднял и показал свою бутылку виски.

– Понятно. Вы не против, если составлю компанию. Очень хорошо сейчас здесь. Поможете?

Администратор протянула бутылку Ванванычу и тот легко свернул пробку по резьбе.

– Раньше бутылки обручальным кольцом открывал. Прогресс не стоит на месте, только достижения сильно измельчали.

– Давно было Ваше раньше?

– Настолько давно, что можно отнести те годы к средним векам.

Татьяна взяла бутылку и сделала глоток.

– Как вкусно! Помню подростками мы любили сидеть в

жару на крыше и пить холодное пиво, которое покупали ребята. Помню, как один раз прятала бутылку в морозилке за пельменями, чтоб родители не нашли. Какое же горе было, когда бутылку так и не удалось выудить незаметно. Помню, как ребята бегали по краю крыши или прыгали на семнадцатый балкон, мы так называли балкон без квартиры. Не знаю, зачем его ставили в новых домах? Мы орали от страха, а потом вытаскивали их оттуда. Самостоятельно выбраться ребята не могли. Вы вспоминаете своё детство, Иван Иванович?

Ванваныч сделал глоток из своей бутылки.

– Ну... если только период сразу после революции.

– Да? После какой? Надеюсь, ваше детство проходило не в Зимнем Дворце и не в начале девятнадцатого века во Франции.

– Вряд ли я бы дожил до сегодняшних дней. Казнили бы на гильотине. Нет, я вырос здесь, а революция тогда охватила весь мир.

– Что-то не припомню мировых революций в этот период? – Татьяна покачала головой.

– Как же! Настоящая, сокрушающая все мировые устои и порядки. Ломающая стереотипы, общественные нормы и принципы. Я имею в виду движение Хиппи.

– А! Понятно. Вы, Иван Иванович, себе не изменяете. Вы чем-нибудь увлекались, когда учились в школе?

Ванваныч улыбнулся. Приятные воспоминания осветили лицо.

– Играл в школьном театре.

– Вам нравилось?

– Думаю – это были лучшие годы.

– Никто не ценит школьные годы, когда учится в школе.

Ностальгия приходит уже в зрелые годы.

– Нет, я не вспоминаю. Что было, то было. Сейчас этого больше нет.

– Вы так думаете, а как же вся жизнь – игра? Мне кажется, Вы в полной мере воплотили свой талант в реальной жизни. Кого Вы играли на сцене?

Ванваныч сделал большой глоток. Кадык виртуозно перенаправил содержимое бутылки в желудок.

– Я был Пьеро!

– Другом Буратино? – администратор рассмеялась.

– Татьяна Алексеевна, какое невежество. Я был Пьеро! –

Ванваныч смастерил позу театрального персонажа. – Я был слуга, но господа мне пели песни! – продекламировал он напыщенно.

– Bravo, Иван Иванович, аплодисменты на крышу! Это многое объясняет. Почему Вы не продолжили?

– Произошла трагичная история. На день комсомола я вдохновил будущих строителей коммунизма идеями частной собственности и разъяснил, как осуществить мировую революцию пролетариата, используя для борьбы с врагами законы Фэн-шуй.

– Они согласились? – Татьяна улыбнулась.

– В целом, да! Но нашу молодёжную ячейку застукал комсорг школы в разгар аргументированной полемики, а председатель собрания был в костюме Пьеро.

– Бо-оже.

– Да, вот так. Педсовет передовые идеи не поддержал и слугу народа в моём герое не разглядел.

– Сколько же Вам было лет?

– Последний класс, семнадцать.

Помолчали.

– Вы бы хотели снова на сцену? – прервала тишину Татьяна.

– Мне кажется, уже поздно думать о возвращении. А Вы бы хотели обратно в школу? Вы же преподавали историю.

– Вы знаете, Иван Иванович, возможно в этом году всё изменится. Не хочу забегать вперёд. Помните тогда, полгода назад нашу первую встречу? Вы только-только приступили к своим нынешним обязанностям по разрушению всего и вся. И, как ни странно, именно Вы нажали на тот курок, который спровоцировал мои мысли о школе. А может, слишком много всего вдруг сплелось в один узел. Так что да, я думаю вернуться. Вы тоже, Иван Иванович, подумайте о моём вопросе, я Вас прошу. Мне звонила моя бывшая ученица, тоже Татьяна, она сейчас руководит небольшим театром. Вы бы могли попробовать снова. Театр совсем маленький, но сцена настоящая. С удовольствием приду на Вашу премьеру. Не отказывайтесь, Иван Иванович! Я запишу Вам её телефон.

* * *

На парковку боевым маршем вышел Апполинарий Вальдерфраммович в неизменной кожанке. Вид имел деловой, лицо сосредоточенное. В руке он держал телефон, словно карту боевого наступления, и настраивал на нём секундомер.

Вокруг мельтешил Сорняков. Его вид напоминал депутата государственной думы, у которого хотят забрать последнюю. Бывший прапорщик складывал руки в молитвенный замок, заискивающе ерзал усами и блял сквозь них нечленораздельные просьбы.

– Товарищ, господин инспектор! Ну не надо, пожалуйста... Ну что я Вам сделал, видите, ситуация и так сложная...

– У «Студёного ручейка» огнетушители просроченные, нет пожарного шланга.

– Есть, Вы же сами видели.

– Это не ваш. У вас даже нет песка, чтоб засыпать открытое горение. Как, спрашивается, вы будете бороться с огнём? Пиджаком пламя сбивать? – инспектор сосредоточенно пытался разобраться в хитроумной программе «таймер».

– Ну откуда в офисе песок, господин инспектор. Тут же вода подведена. А шланг есть общий, – стонал Пётр Петрович.

– У вас свой шланг должен быть, в каждом кабинете, а также план эвакуации персонала, видимый в кромешной темноте. И, кстати, как вот прямо сейчас Вы планируете тушить пожар?

– Но ничего не горит!

– На Ваше счастье, Пётр Петрович. А если загорится? Воды-то нет! А?! – Пожарный оторвал взгляд от телефона и уставился на директора «Студёного ручейка». – Как Вы собираетесь действовать? Должен висеть стенд с правилами, которые написаны кровью, между прочим, таких же ответственных пожарных, как я. Вы правила читали? В них предусмотрен небольшой пунктик для всех коммерческих организаций без исключения, ма-а-а-аленький такой пунктик.

– Мы очень законопослушные, выполняем всё согласно последней букве в любом своде правил. Мои работники наверняка развесили всё в коридоре. Пойдёмте, господин инспектор, осмотрим стены внутри.

Инспектор так широко улыбнулся, что сморщилась кожа на всей поверхности его лысого черепа.

– Этот ма-а-а-аленький пунктик надо искать не внутри, а снаружи. И это не свод правил, а пруд. Искусственный пруд! Если на территории нет природного водоёма, его надо выкопать. Вы пруд тут где-нибудь видите?

– Вижу! Вижу! – бывший прапорщик от радости подпрыгнул на уровень крыши, где находились Татьяна и Ванваныч.

– Где же он?

– С другой стороны, прямо напротив окон моего кабинета. Пойдёмте, инспектор, я Вам покажу. Там целое море!

– Ваш пруд завтра закопают, но и сейчас к нему нет свободного подъезда спецтранспорта. Не справляетесь с обя-

занностями! Халатно относитесь к своей работе. А это ни много ни мало чья-нибудь загубленная жизнь. По статистике тридцать процентов среднего менеджерского звена сгорит в открытом огне, непосредственно на работе. Полностью! Родственникам в наследство остаётся только урна с прахом. Против статистики никуда. Давайте просто проверим умение ваших людей действовать в условиях экстремальной ситуации. Мне на территории урны не нужны. Да чёрт, ничего не получается, проклятые гаджеты!! – пожарный недовольно убрал телефон в карман и холодно посмотрел на Сорнякова. – Ладно, буду считать вслух. Вы готовы, Пётр Петрович? Уложите во времени, поставлю вам зачет, и будем считать, что проверку вы прошли успешно. Через минуту начинаем.

Бывший прапорщик поник, плечи опустились, усы приобрели страдальческий вид, и он побрёл обратно в офис.

Глава 12 Учения

– На старт... Внимание... Пожар!!! – заорал, как сирена Робинзон.

И спокойное течение времени мгновенно обернулось суматохой.

Участники учебного пожара выбегали из здания, забегали обратно, орали, махали руками, снова выбегали из здания и снова забегали, но существенно ничего не менялось – всё, как на настоящем пожаре.

Правда в проёме окна застрял стол самого Петра Петровича, который пытались спасти из учебного пожара в первую очередь и вынести кратчайшим путём.

После элементарных сложений и вычитаний решили, что стол проходит в окно, как раз – тютелька в тютельку. Но практическая сторона ответа, как всегда, сильно разошлась с расчётной – в вычислениях закралась ошибка. Одна из тютелек притерлась к проему и в аккурат встала в распорку между рамами. Ошибка произошла где-то на середине полукривой, что красиво изгибалась стол со стороны, где сидел бывший прапорщик.

Вокруг стола или, точнее, с двух его сторон, внешней и внутренней относительно стены здания, неистово дергались горе-самозванцы математических наук, стараясь всеми силами доказать теорему и исправить ошибку в вычислениях.

Рядом с подопытной группой стоял научный руководитель данного процесса и отмахивал рукой, громко считая в такт.

Под чутким руководством движения персонала быстро синхронизировались и на раз-два-три ошибка в расчётах поддалась физической силе и с треском рухнула, прихватив с собой раму.

Научный руководитель принимал поздравления.

«Теоремы больше не работают», – сделал вывод голос Никанорыча.

– Есть ощущение, что Ваш протеже перегнул палку. Пора уже вмешаться в ученья, иначе от здания к концу сегодняшнего дня ничего не останется, – Татьяна покачала головой, глядя на Ванваныча. Немного постояла в нерешительности, не зная, куда деть недопитую бутылку и, так и не подыскав подходящего места, направилась к шахте.

На крышу упали первые капли дождя.

Стемнело. Свинцовая туча наконец полностью закрыла небо. Начал поддувать ветерок – предвестник скорой бури.

– Осталось пять минут! – оповестил окружающий воздух Апполинарий Вальдерфрамovich.

Не успел инспектор закончить фразу, как небо полыхнуло обжигающим глаза светом и шарахнуло так, что инспектор присел, с опаской поглядывая по сторонам.

Тем временем двор понемногу превращался в склад офисной мебели. Менеджеры поймали воодушевление и задорно

бегали со стульями и канцтоварами.

Ветер всё усиливался. Он подхватывал графики продаж и презентации товаров. Кружил в вальсе отчётами о проделанной работе и назначениями на должность. Разбрасывал в стороны официальные письма и важные приказы. Капли дождя размывали на них витиеватые подписи и синие печати. Ливень изо всех сил старался внести свою лепту в такой сложный период «Студёного ручейка».

Бывший прапорщик выбежал из здания, на полусогнутых подбежал к суровому инспектору и начал бурно изъясняться. Пётр Петрович складывал руки домиком, разводил в стороны, указывал пальцем вверх, что-то усердно доказывал. Слова уже не долетали наверх. Ветер гудел, капли падали чаще, ненастье вступало в свои права.

Бывший прапорщик всплеснул руками, наклонился и зашептал в ухо инспектору.

Робинзон проявил интерес, но с сомнением покачал головой. Сорняков отодвинулся назад и показал ему ладонь с растопыренными пальцами. Инспектор замотал головой и отвернулся, показав своим видом, что слушать не желает. Оппонент создал на лице страдание собаки у обеденного стола, обежал Робинзона вокруг и поднёс к его лицу растопыренные пальцы на одной ладони и указательный на другой. Тогда инспектор несколько раз сжал кулаки и растопырил пальцы перед лицом директора «Студеного ручейка», как будто колдовал. Пётр Петрович обернулся вокруг себя, дёр-

гая руками как капризная девочка и предложил Робинзону раскрытую пятерню на одной руке и два пальца на другой. Инспектор снова показал, что не хочет иметь дело с сумасшедшим и просемафорил обеими руками, правда не очень частил. Сценка с пальцами и ладошками продолжалась ещё некоторое время, но усиливающийся дождь поставил точку этой захватывающей игре. Инспектор упер растопыренные пальцы обеих рук непосредственно в усы бывшего прапорщика, а затем скрестил руки, показывая, что продолжать далее не намерен. Пётр Петрович вздохнул.

Оба отошли за машины, где произвели необходимые расчеты.

Небо больше не могло держать в себе накопленное. Полилось, посыпалось, загудело.

Ванваныч, который до последнего наблюдал картину, происходящую внизу, еле успел добежать к выходу.

Глава 13 По закону первобытного племени

Робинзон, мокрый, но весьма довольный, насвистывая Чижика-пыжика, влетел в кабинет Ванваныча и постучался, лишь когда его тучный организм полностью пересёк линию двери. С кожаной куртки стекала вода.

– Не заняты, Иван Иванович?

Ванваныч заседал за своим столом в позе античного мыслителя. Перед ним стояла почти пустая бутылка виски. Когда инспектор завалился в кабинет, полководец взял её и налил себе очередную порцию в тяжёлый толстостенный стакан.

– Что Вы, Апполинарий Вальдерфрамович, заходите. Не откажитесь? – Ванваныч плеснул остатки виски в другой стакан, который стоял рядом на столе. – Это Ваш, инспектор, с обеда остался.

Пожарный немного помялся.

– Не много будет? Боюсь переборщить, мне же ещё Верочку провожать. Мы с Вами договаривались.

– Конечно пойдёте провожать, я на этом настаиваю. Гляньте, что на улице творится. Но это не повод отказывать мне в компании, тем более у Вас уже на́лито, а Ваша планида ждёт не дожждётся, чтоб её испили до дна. Верочка сейчас занята, и поверьте, пока коллектив не сомкнётся в кулак, никто не покинет «Жёлтый ручеёк». Что прикажете делать всё

это время? Чай пить?

Робинзон махнул рукой, соглашаясь, и показал на взмогший вид.

– Не откажусь! Условия у нас, как видите, скотские, в отличие от них.

– Вот и отлично, давайте скрасим наши мрачные условия! – Ванваныч поставил пустую бутылку на пол.

Робинзон подошёл с противоположной стороны стола.

– Иван Иванович, официально заявляю: с этой секунды Вы можете обращаться ко мне на ТЫ.

– Отлично, ну а ты ко мне на Вы, нет смысла менять привычный уклад дел.

– Конечно, Иван Иванович, как же по-другому! – Робинзон поднял свой стакан.

– Да, Апполинарий, скажи... Тебе молоко за вредность дают?

– Позвольте, я разве вредничаю? – инспектор сделал обиженный вид.

– Нет, конечно, что ты! Но работа у тебя вредная. Ученья проходят в любую погоду. Ну, давай, вместо молока, – Ванваныч поднял свой стакан. – За сотрудничество!

– За сотрудничество! – обрадовался Апполинарий.

Выпили. Каждый за своё.

Уселись в кресла.

За окном бушевало! Бушевало всё, что имеет право бушевать в природе во время летней грозы. Яркие краски мега-

полиса за одно мгновение потускнели, утратив свою былую насыщенность. Ливень водопадом лил в окна, стирая воспоминания о таком ещё недавно чудесном дне.

Сквозь потоки воды расплывался свет фар проезжавших машин. Как отражения в кривом зеркале мелькали не успевшие спрятаться пешеходы и искажались силуэты гнувшихся от шквального ветра деревьев. Словно призраки пролетали рифленые ограждения балконов и предметы уличной архитектуры. Ураган не щадил ничего: опрокидывал мусорные баки, ломал ветки, обрывал провода и с корнем выдираал рекламные конструкции. На фоне чёрного неба, под вспышки молний, величественно парила жестяная кровля, размером с небольшой стадион, а рядом с ней стремительным танго кружился красный маленький беззащитный зонтик.

Не обращая внимания на рёв бури и раскаты грома, около пересохшего фонтана, держась за руки, стояли работники «Желтого ручейка», создав монолитный сплоченный круг. Уйти не удалось никому.

Тряс покладистой бородой Голованов, хмурилась весёлая Мила. Плакал Твердынов, уткнув свой волевой подбородок в плечо отдела логистики. Шатались на тонких ножках Кашалоткина и Гальдт. Била копытом пристяжная тройка отдела маркетинга. Охапет Ахрименович раздувал свои конские ноздри, держа под ручки верных пристяжных – Косоглазина и Кривозорина. Нетерпеливо тряс кулачками, извивался тощий менеджер, стиснутый между толстым Лёвой и старым

Кордоном.

Финчасть в лице Франца Магдалиновича уже давно пребывала в коматозном состоянии, держась на ногах только благодаря Вовану, который подпирал её с одной стороны, и Плыунову – с другой.

На разных полюсах затихала шекспировская трагедия.

Он и Она, молчаливые и печальные, стояли друг напротив друга. Она – в мятой белой рубашке, Он – в помятом сером пиджаке. Она не смотрела на него, Он больше не глядел на неё. Она вздыхала, не поднимая глаз, Он вздыхал, не отрывая свой взор от пола. Она сильнее сжимала губы, Он крепче стискивал руки. Волны их вздохов плыли навстречу, но угасали, так и не встретившись.

Печали не было конца. Между ней и ним лежала пропасть.

По краю пропасти уверенно ступала Верочка. Она была дьявольски красива в своих черных ботфортах и обтягивающем боди. Разряды молнии высвечивали её мистический облик во мраке братского полукруга и освещали бледное лицо с ярко-красными губами. В правой руке Верочки извивалась плеть, а в левой она сжимала резиновый симулятор мозгового штурма.

Гром был не в состоянии справиться с сопрано специалиста по тимбилдингу.

– Вы хотели знать, что это? Тогда прижмите руки ещё сильнее, почувствуйте локоть товарища! Только так ваши серые будни превратятся в бесконечный чудесный день! Ваши

сердца начнут биться в унисон, и ничто не сможет разрушить ваш коллектив.

Верочка хлестанула плеткой и бросила симулятор об пол в центр круга.

Ударил гром.

* * *

– Инспектор, у вас коррупция в ведомстве есть?

Ванваныч развалился в кресле и не обращал никакого внимания на происходящее на улице.

– Не только коррупция, там всё прогнило! Каждый первый особняк себе построил, – инспектор поднял левую руку вверх и стряхнул капли дождя с рукава на пол.

– Надеюсь, и у тебя есть особняк?

– Только строю... Что Вы имеете в виду?

– Пекусь о приданом.

– Вы не подумайте ничего такого, ничего общего с коррупцией я не имею, если когда-нибудь кто-нибудь что-нибудь предлагает, то только в качестве благодарности за оказанную помощь, – ответил раздражённо инспектор.

– То есть дают?

– Не дают, а предлагают. Это разные вещи. Просто отказываться неудобно. – инспектор покрылся мелкой испариной.

– Да уж... Ты мне напомнил Александра Яковлевича, завхоза дома Старсобеса.⁵⁷ Известный персонаж. Не знаком с ним?

⁵⁷ Персонаж из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

– Что-то не припомню.

– Жаль. Между тем, высокой нравственности был человек, стыдился той ситуации, в которой сам же и находился. Кумовство, воровство, взяточничество, злоупотребление полномочиями, – Ванваныч уже изрядно набрался, тембр голоса и расстановка ударения в словах стали напоминать тирольские напевы. – Стыдился он от невозможности исправить систему.

– Нашу систему исправить невозможно, нам нужна революция!

– Ничего себе, да ты романтик. – пропел Ванваныч, полностью перейдя на йодль.

– Неисправимый! – инспектор закинул ногу на ногу и активно размахивал ботинком вверх-вниз.

– Кому же интересно, вам нужна революция?

– Всем! Имя нам – интернет. У вас страничка есть в сети?

– Нет.

– Вот! Вы не пользуетесь соцсетями, а там можно встретить толковых, даже умных пользователей...

– Кого?

– Это люди, которые используют соцсеть для общения с другими пользователями.

– Прекрасно! Я не это имел в виду, но всё равно прекрасно! За это необходимо срочно выпить! – Ванваныч в одно мгновение выудил из-под стола новую бутылку виски и начал разливать по стаканам. Полководец оживился,

в глазах загорелся огонёк. – Монументально! Революционеры-умные-пользователи. Невероятное сочетание. Как приторный горный коктейль!⁵⁸ Давай, Апполинарий, поднимайся, бери бокал. Нам срочно нужен тост. За сладкое!

Снова выпили.

Каждый за своё.

– Вы вот, Иван Иванович, не понимаете. Раньше как, если с царём не согласен – печатаешь листовки: Искру или Огонёк, например; потом распространяешь с риском для жизни... Ага, спасибо, а то уже урчит в животе, – Инспектор проглотил пару охотничьих колбасок с хлебом, которые Ванваныч извлек из шкафа и поставил перед инспектором.

Возникла необходимая пауза, в течение которой Робинзон уплетал охотничьи припасы. Но накал классовой борьбы не давал спокойно дожевать до конца. Язык хотел продолжать.

– Те-ерь сё с-ало п-осто. Мы об-ениваемся м-ениями ежеминутно. Читаем, пишем, а по-ом де-аем пе-епост, чтоб могли уви-еть т-угие, – инспектор обеими руками поддерживал рот во избежание потери пережёванных, но неусвоенных калорий.

– Апполинарий, ты не волнуйся, дожуй до конца, твоё личное мнение не пропадёт, я весь во внимании. Твой перепост увидят и тугие, и не очень, – Ванваныч снова разлил.

⁵⁸ Ванваныч намекает на основателя сети Facebook М. Цукерберга. (в переводе с немецкого zucker – сахар, berg – гора)

Инспектор поднялся, схватил стакан и одним глотком отправил содержимое стакана с остатками пищи в желудок.

– Ух, хорошо, – Робинзон удовлетворенно плюхнулся обратно в кресло. – Другие, Иван Иванович, другие. Человек обязан иметь своё мнение.

– По какому вопросу?

– Да по любому! Вы знаете правило пяти рукопожатий? Представьте, если я вечером напишу пост, то завтра утром его сможет прочитать президент США. Это невероятно, но нас с президентом разделяет всего четыре человека.

– Действительно невероятно. Кто же эти счастливичики?

– Да кто угодно!

– Ну, кто для примера?

Инспектор почесал спину.

– Ну, например, Голованов – предположим, он будет вторым в цепочке; мы с ним уже обменялись контактами. А далее такие же точно пользователи, как он, только в Америке.

– Замечательно! В самом деле бесподобно. Сам президент США! – Ванваныч отхлёбывал виски из стакана. – Меня даже немного знобить начало от такой невероятной вереницы головановых. Робинзон – голованов – друг голованова – дальний друг голованова из Вашингтона – голованов из Госдепа – и, наконец, президент Америки. Ничего я не напутал?

– Вы ерничайте, Иван Иванович, потому что не в силах себе представить, что правило уже доказали. В этом и состо-

ит прогресс!

– Даже не буду спорить. Представляю, сидит президент в трусах перед монитором, позёвывает, мажет хлеб ореховой пастой, хлебает Колу и так, небрежно, взмахом руки, прокручивает соображения электората. А мнения, надо признать, одно лучше другого, и электорат, исключительный, горячий, за своё мнение горой. Грызутся насмерть. Масштабная соцсетиальная война головановых! Чтоб все мнения прочесть, надо рукой до вечера прокручивать... Кстати, хочу уточнить. Теперь между моей Верочкой и президентом США топчутся целых пять головановых? Ты и ещё вот эти, как их, четыре одаренных пользователя.

– Не совсем так. Если обращаться к президенту через меня, то получается пять, но у Веры могут быть свои знакомые, тогда четыре человека. И четыре – это максимум... или в среднем, не помню, – инспектор почесал подбородок, – в любом случае, она может знать кого-то, кто знает президента лично, и тогда только один.

– Кто бы это мог быть, интересно? Суперголованов?

– Это я так, образно.

– Понятно. Тогда короткий путь отмечаем.

– Но через четыре человека – твёрдо!

– Постой. Мы считали, пять получается.

– Да, но пять через меня.

– Ты не хочешь помочь? Тебе что, не нравится моя дочь?

Мне казалось, у вас полыхнула искра. Ещё огонёк не возго-

релся, а ты уже тушить собрался.

– Верочка мне очень нравится, Вы просто меня не так поняли. Пусть обращается через меня...

– И я так считаю. Нельзя бросать Верочку одну в этом мире бушующем.⁵⁹ Пусть на одного человека дольше, но зато не чужие, по дороге вы поможете ей, а Верочка поможет вам. Сплотит всех пятерых в единый комок, будете как липкое тесто дрожжевое, коллективное письмо президенту стряпать. Ну! За наших соратников!

Подняли бокалы. Выпили.

Каждый за своих.

– Где вы находите столь ценную информацию, чтоб написать своё мнение?

– Ну как где? – покровительственно улыбнулся инспектор, – Там же, в соцсетях.

– Надо же! Ленинская библиотека, ни дать ни взять. Интеллектуальное наследие. Наши дети унаследуют невероятный по красоте мир. Мир мнений, расцвеченный всеми цветами радуги.

– Да, так и есть, Иван Иванович! Называется плюрализм мнений. Слышали такое?

– Даже участвовал.

– Вот видите, Вы участвовали, но никто не знает, а в интернете всё остаётся.

⁵⁹ Аллюзия к словам песни «Есть только миг» (композитор А. Зацепин, слова Л. Дербенёва)

– Вижу. Нашим правнукам придётся узнать, что думали их отцы и деды, не беря в руки лопаты, а отвертеться от такого наследства не получится.

– Правильно, Иван Иванович! Всё будет сжато и заархивировано. Просто нажимаешь на кнопку и знакомишься с результатом.

– Ведь без труда не выловишь и рыбку из пруда, – Ванваныч задумчиво налил новые порции. – Мы, Апполинарий, забыли народную мудрость. Теперь каждый высказывает своё мнение, основываясь на чужом мнении, без понимания сути и практического опыта.

– Ну, я могу не соглашаться с человеком. Написать, что думаю по этому поводу. Это может сделать любой пользователь. И мы вместе обсуждаем...

– Читал, читал... ваши обсуждения. Тогда за труд! Не чокаясь.

Ванваныч запрокинул голову и выпил до дна.

– С кем идет такая самоотверженная борьба, а главное, за что? – продолжил Ванваныч, обтирая губы.

– Мы хотим демократии и свободы. Это же понятно. – удивился Апполинарий.

– Предельно.

Буря за окном, оказалось, давно стихла. Просто за разговором никто не заметил. Возникла неловкая тишина.

– Иван Иванович, скажите, ваш туалет работает? – прервал молчание инспектор.

– Нет.

– Как же тогда... ну Вы меня понимаете?

Ванваныч поднял свой мутный взгляд на инспектора и несколько секунд его изучал, силясь что-то вспомнить.

– Точно! – хлопнул он себя по лбу.

Ванваныч вскочил на ноги, подбежал к окну и скинул с подоконника стадо деревянных слонов, каждая фигура размером с небольшую овчарку. После чего пододвинул стул, открыл створки окна и забрался на подоконник.

– У меня предложение.

– Я прыгать отказываюсь.

– Это и не нужно. Предложение безопасное, но обязательное. Отвертеться не получится, инспектор. По правилам дома Чарка, каждый будущий зять обязан доказать другим носителям гордой фамилии свою мужскую силу, иначе в семью не примут. Условия простые. Кто дальше добьёт, тому все лавры победителя. Победишь – Верочка твоя. Проиграешь – достанется другому. Всё честно, по закону первобытного племени.

Инспектор удивлённо хлопал глазами.

– Апполинарий, ты чего рот раскрыл?

– Что? Вы собираетесь... здесь... отсюда это делать? – инспектор стал заикаться.

– А ты предлагаешь в очереди постоять или по окрестным харчевням прошвырнуться? Лезь сюда, не стесняйся, тут безопасно.

Инспектор, немного пошатываясь, подошёл к окну и поглядел вниз.

– Невысоко, конечно, но мы же как в телевизоре, у всех на виду.

– Это и есть настоящее шоу, инспектор!

– Но ведь увидят!

– Люди должны видеть правду, а не то, что им показывают по телевизору.

– Мне страшно.

– Ты «Хочу и буду»⁶⁰ читал? Полезная книжечка, мотивирует. Хочешь жениться – будь мил, соблюдай первобытные правила.

Инспектор неуверенно забрался на стул, а с него на подоконник. Высота над уровнем парковки увеличилась на рост Робинзона. Стало ещё страшней. Голова закружилась, и инспектор схватился за раму.

– Ты так, Апполинарий, в штаны себе наделаешь. Тебя не учили, что это плохо? Просто поверь, пятно на штанах – это фиаско, а для решительной победы понадобится хотя бы одна свободная рука. Ты правой держись за раму, а левой участвуй в соревнованиях. Если так несподручно, давай поменяемся местами.

– Я лучше останусь здесь, – промямлил инспектор.

– Тогда готовься, – Ванваныч провёл необходимые мероприятия со своими брюками.

⁶⁰ «Хочу и буду» М. Лабковский.

– Но внизу же машина, – опять занял инспектор, не смотря вниз.

Под окном, в метре от стены всё так же стоял большой и солидный американский пикап черного цвета. После дождя цвет кузова приобрёл насыщенность – бока горели черным пламенем.

– Это не машина, это мустанг иноходец, – заключил Ванваныч, завершив подготовительные действия и приняв необходимую позу.

Оба взглянули в глаза друг-другу. Мутноватые глаза Чарки обожгли ехидным дьявольским туманом маленькие глазки Робинзона.

Инспектор жаждал призыва и вызова принял.

Директор Жёлтого ручейка приступил к выполнению упражнения.

Отсутствие тренировочной базы, неправильный образ жизни и увлечение спиртным плохо сказались на спортивной форме. Ванваныч дрыгался на подоконнике, как зебра в брачный период, но всё оказалось тщетно. Максимальная цель, которую достигли его усилия – передний бампер автомобиля, да и то самый краешек. Глухой звук асфальта возвестил о бессмысленности дальнейшей борьбы.

То ли дело молодой здоровый организм будущего зятя.

Звонкий звук пустого железа разлетелся по парковке.

Закрыв глаза, с блаженной улыбкой Робинзон поливал пикап со всех сторон. Звук то угасал на лобовом стекле, то

вновь нарастал на капоте. Он шелестел на дверях и барабанил на крыше. А в голове у Апполинария Вальдерфрамовича звук заменял победный клич.

Всё, что так давно копилось, наконец нашло выход. Унижения на работе, издевательства одноклассников, непонимание и неприятие его, как личности, оскорбления в интернете. Наконец – это просто свобода. Абсолютная свобода.

Он стоял на краю окна, распахнутого в мир, и ссал на этот мир с высоты подоконника третьего этажа. Что, твари, получили? Пусть это первая победа, но зато какая! Робинзон наслаждался. Облегчение разливалось по телу приятной дрожью, уютным одеялом накрывало его истерзанную душу. Теперь никто и ничто его не остановит. Верочка теперь его награда. Кто посмеет отнять её? Он победитель! И это только начало. Теперь он бронепоезд, который на всех парах несётся к своей цели – успеху и славе. А если кто-нибудь хочет остановить – милости просим, ложитесь на рельсы. Апполинарий Вальдерфрамович Робинзон вряд ли вас заметит. Робинзон и победа – теперь синонимы, однокоренные слова.

– Молодость не оставляет нам шансов, – вздохнул Ванваныч.

Они оба стояли в проёме окна в этот чудесный мир и поливали его, каждый на свой манер.

Солнце снова светило как ни в чём не бывало, а облака в страхе разбежались от его горячих лучей, и, если посмотреть из кабинета, то можно было увидеть на ярком экране неба

настоящую картину жизни. Две контрастные фигуры: тощая субтильная фигурка Чарки с торчащими на голове волосами и грузная, солидная фигура Робинзона.

Близкая старость и почти ещё молодость. Победа и поражение. Наше противоречивое прошлое и наше неотвратимое будущее. То, что всегда будет проигрывать и всегда побеждать.

– Что здесь происходит? – раздался визг сзади.

Глава 14 У разбитого корыта

Разве можно просто так взять и выпустить победу из рук? Закончить, когда до заслуженной награды даже не рукой подать, а так, остаются одни формальности. Разве можно? Уже поднят кубок над головой, от шума трибун лопаются барабанные перепонки. Ты утопаешь в цветах и конфетти, делишь призовые между своими кредиторами, мысленно встаешь на пьедестал и поливаешь всё вокруг и себя в том числе, шампанским. Впрочем, миг победы очень краток. И победитель ногтями цепляется, чтоб его продлить как можно дольше.

Визг на заднем плане немного пошатал трибуну, на которой стоял Робинзон, но в целом из анабиоза не вывел. Его победный миг всё ещё продолжался.

Ванваныч же застегнул ширинку и, придерживаясь за стул, спустился на пол.

В дверях стоял пухлый мужчина до сорока, в мокрой одежде и грязных штиблетах на босу ногу.

– О, законный наследник к нам пожаловали! Из дальних стран диковинных. Вы что же, к нам прям с дороги, уставши? Смотрю, на Вас камзол весь промок. Вы вплавь добирались? Что-то с яхтой? – Ванваныч распотрошил пачку влажных салфеток и принялся ожесточенно тереть руки.

– Не заговаривайте мне зубы, Чарка! Что происходит, я

Вас спрашиваю? – визг взял новую октаву, чем наконец вернул инспектора с неба на подоконник. – Это форменный бардак!

– Здесь не могу Вас не понять, не согласившись, – Ванваныч задумался, – хотя, не согласившись, не смог Вас не понять.

Наследник застонал, а Ванваныч продолжил:

– Что за паника?! Действительно, ситуация больше никем не контролируется. Можно сказать, полностью вырвалась на свободу, – Ванваныч бросил смятую салфетку под стол. – Но не волнуйтесь так горячо, мы старательно ищем необходимые рычаги. Кстати, познакомьтесь, инспектор Пож-Тех-Вынос-Оборон-Надзора Робинзон Апполинаруй Вальдерфраммович. Призван разруливать неразрешимые ситуации. В данный момент находится на службе.

Инспектор как раз финишировал с громким кряхтением и пытался справиться с хитросплетением запорного узла своих брюк. Пошатнулся, но вовремя схватился обеими руками за раму. Штаны безвольно повисли на широких бёдрах.

– Ну-ну, инспектор, ещё рано сводить счеты с жизнью, тем более, когда победа у Вас в руках. Спускайтесь скорее, я познакомлю Вас с наследником империи Инь-Ян. Уверен, вы подружитесь. Наследник, Вы не хотите промочить горло с дороги? – Ванваныч извлёк третий стакан и налил всем виски.

Наследник стоял пунцовый настолько, что покраснели бо-

сы ноги в грязных штиблетах.

– Как Вы смеете со мной так разговаривать? Вы превратили мою компанию в притон. Во всех кабинетах полное разложение.

– Вы сильно ошибаетесь, но это простительно, давно не были в наших краях. Слышите монотонный шум за стеной? Вы думаете, просто так? Нет. Мы работаем. Создаём из коллектива единый сплоченный кулак для ответа нашему конкуренту.

За стеной действительно уже давно нарастал шум, и сейчас он превратился в гвалт, который можно услышать на бирже в день падения основных акций.

– Вы работаете? Вы работаете? – наследник начал наступать на Ванваныча, сочно чмокая штиблетами, – Вы это называете работой?

Наследник уже не контролировал свои эмоции. Он тыкал пальцем в сторону братского полукруга, визжал на непонятном языке, брызгая слюной во все стороны.

– Вы просто пока не разобрались в деталях. Предпринимательство – сложная наука, могу я Вам сказать. – Ванваныч на всякий случай спрятался за спиной Робинзона, который уже стоял на полу, плавно покачиваясь и удерживая левой рукой штаны от падения.

Наследник дошёл до стола и без сил упал в кресло генерального директора. Он закрыл лицо руками, плечи задрожали от рыданий.

– Вам всё-таки необходимо выпить, я настаиваю, – Ванваныч добавил в голос сочувствия.

Наследник схватил бокал и залпом опрокинул содержимое в глотку.

Ванваныч утвердительно моргнул, взял свой бокал и ещё один сунул в правую руку инспектору.

– Разорён. Я разорён, а у них там стриптиз! И не просто стриптиз, а стриптиз с извращением. Вы это называете работой? – наследник всхлипывал и указывал пальцем в сторону предполагаемого стриптиза с извращением.

– Я же говорю, Вы просто не разобрались в деталях, – покачал головой Ванваныч, – ситуация требует нестандартных решений. Только человек с диким воображением сможет обогнать конкурентов в этом не менее диком соревновании. То, что Вам показалось стриптизом – на самом деле тимбилдинг, а стриптизёрша – наш новый сотрудник, тимбилдер.

– Кто? – наследник протянул руку к бокалу инспектора, но никак не мог поймать его. Рука Робинзона, державшая бокал, описывала в воздухе малопрогнозируемые узоры.

– Тимбилдер – коллективный строитель. В простонародье – коллективизатор.

– Тогда почему коллектив её бьёт?

Наследник наконец справился с рукой инспектора и завладел стаканом.

Пока Ванваныч размышлял над ситуацией, наследник

смачно направлял содержимое стакана в горло.

– У неё получилось! – прошептал Ванваныч.

– Что получилось? – наследник протянул руку и к стакану Ванваныча, который тот отдал без сопротивления.

– Ведь получилось. Не думал, что прямо сегодня.

Директор «Жёлтого ручейка» бросился трясти за плечи наследника «Жёлтого ручейка».

– Вы понимаете, что это значит?

После трёх стаканов понимание стало проникать в голову наследника, но как-то расплывчато и в общих чертах; что-то типа – понимать понимаешь, а ощутить не можешь.

– Не до конца... – проямлил он.

Ванваныч забежал по кабинету. Две пары осоловелых глаз двигались за ним, пытаясь поймать в объектив.

– Тимбилдинг – академическая наука. Мы просто смотрели не с того места, не под тем углом и не на то, что надо. Коллективизация должна строиться не на любви к ближнему, а на ненависти к рядом стоящему. Ненависть должна засесть вторым «Я» в коллективном сознании. Какой смысл в совместных выездах на природу, если натаскивать коллектив можно не выходя из офиса. Стоп. Но если коллектив растопчет один объект, придётся создавать другой, что финансово затратно. Холодная война, как квинтэссенция науки о тимбилдинге. Рухнул идеальный противник, и западный мир, так заботливо вскормленный на глубокой и уважительной ненависти, просто растерялся. Назначает врагами кого

попало... Две Верочки на дороге не валяются. Легче сохранить существующую и взращивать на ней командный дух.

Ванваныч остановился перед инспектором.

– Апполинарий, ты что, ещё не понял, что я тут говорю?

Инспектор непонимающе моргнул.

– Надо срочно спасать Верочку. Люди творят, что не ведают. Они хотят развалить своё будущее, уничтожив то, что является для них путеводной звездой, без чего не может обойтись ни один коллектив – свою ненависть, а по совместительству твою безответную любовь. А проще, забирают награду, доставшуюся тебе в неравном бою, – Ванваныч выудил из-за двери швабру и предал инспектору. – Вот тебе копьё. Покажи этим приматам, кто в племени хозяин.

– Где!? – взревел Робинзон криком одичавшего островитянина. – Моё не трогать.

– Золотые слова, инспектор. Любой пылкий либерал, у которого отнимают собственность, в конце концов становится беспощадным консерватором, – Ванваныч заботливо обнял инспектора и уверенным движением направил его в раскрытую дверь. – Настало время Робинзону спасать свою Пятницу.

В братском полукруге началась межвидовая война.

* * *

– Вы мне зубы не заговаривайте, Чарка, меня предупреждали о Ваших способностях, – начал наследник заплетающимся языком, когда инспектор покинул кабинет. – Вы ра-

зорили компанию, использовали ФЭн-шуй в этих... в личных целях, я подам на вас в Верховный суд.

– Ну что Вы, наследник? Сразу Верховный суд. Давайте начнём с малого. Вот моё заявление на увольнение, – Ванваныч извлёк из-под бумаг подготовленный заранее бланк. – Сначала надо избавиться от меня, затем провести внутреннее расследование, и только после этого подавать в верховный суд. Такая процедура, ничего не поделаешь, – Ванваныч развёл руки в стороны.

– Тогда, я Вас увольняю! – наследник махнул рукой в сторону двери и начал укладываться спать прямо в кресле, пытаясь свернуться клубком.

– Не засыпайте, наследник. Сначала подпишите документы, а я Вам потом постелю на столе, он у меня дорогой, двуспальный. Вы не представляете, с какой болью в сердце оставляю его здесь.

Ванваныч всучил наследнику ручку и бланк заявления, где владелец «Жёлтого ручейка» поставил историческую подпись.

– Ну вот и всё, с формальностями покончено. Давайте помогу.

Ванваныч вытащил пухлую тушу наследника из кресла и помог забраться на стол. Под голову подоткнул увесистую папку с годовыми расходами и тоненький файл с годовыми доходами – чтоб лучше спалось. Тело заботливо укрыл картой России, которую снял со стены.

– Вы меня оставили у разбитого корыта, – всхлипнул наследник засыпая.

– Не расстраивайтесь. На этом столе, да в таком состоянии, Вам явятся во сне изумительные золотые унитазаы. Обещаю – это случится. Золотой унитаз лучше золотой рыбки, единственное – ему не загадаешь желание, за него придётся сражаться.

Ванваныч последний раз взглянул на наследника глазами, полными заботы, выключил свет и закрыл за собой дверь.

– Остальное уже не важно.

Занавес опускается. Нас сцена ждёт, Пьеро!

Глава 15 Конец

Татьяна стояла около стола в своем кабинете. Перед ней лежал чистый фирменный бланк с единственным словом: заявление.

За креслом администратора на стене висела чёрно-белая фотография, в центре которой стояла молодая красивая девушка в окружении улыбающихся детей. Малыши обступили её со всех сторон и в руках держали цветы и шарики. Мальчики были в строгой школьной форме, а девочки в белых фартуках и с огромными бантами, заплетёнными в волосы.

В тот год, первого сентября, стояла изумительная погода. Светило солнце. Был самый настоящий чудесный день.

Мой первый класс.

Татьяне поручили его сразу после института. Она помнила, как двадцать шесть любопытных пар глаз неотрывно следили за ней на уроке мира. Она рассказывала малышам историю нашей Родины, конечно, не так как в старших классах, но она запомнила, как детишки сидели, сложив свои маленькие ручки на партах, и внимательно слушали, познавая такой незнакомый для них новый мир.

Татьяна помнила, как дети выросли, становились самостоятельными, как они радовались пятёркам и хватали свои первые двойки. Как ребята готовились к экзаменам, как ходили в музей, как ночевали в палатках в лесу и как на вы-

пускном вечере на Татьяну смотрели повзрослевшие лица тех юношей и девушек, которые для неё всё равно оставались такими, какими она их увидела в первый день.

Татьяна смотрела на свою фотографию, такую далёкую и такую близкую.

Сейчас тем малышам больше тридцати, но они продолжают поддерживать связь со своим первым учителем.

Ольга – врач психотерапевт.

Сергей – служит на Дальнем Востоке.

Мишка, тот Мишка – отъявленный хулиган, который и дня не пропускал, чтоб не устроить переполох, теперь сам преподаёт в школе.

Лена – химик-технолог.

Таня – её тёзка – руководит театром.

Самый маленький, Лёшка – покоряет горные вершины. Этот малыш никогда не сдавался.

Володя – инженер, работает на севере.

Катя – стала предпринимателем, у неё свой ресторан неподалёку.

Татьяна помнила их всех, и каждое первое сентября все, кто мог, встречались около стен родной школы. Этот год тоже не станет исключением.

Только в этот год Татьяна попросит своих первых учеников приехать в другую школу, туда, где она опять станет преподавать.

Татьяна снова пойдет в первый класс.

– Иван Иванович прав. Детей надо учить, а я действительно хочу вернуться в школу, – прошептала Татьяна.

На стене работал телевизор.

Повторяли общественно-политическое ток-шоу «Алтарь Политика».

– Зачем это повторять? – еле слышно, сказала Татьяна.

«По просьбам телезрителей», – отозвался голос Никанорыча.

Тем временем в студии разворачивался горячий спор на тему, о которой целый день кричали новостные порталы со всех устройств, где встроен динамик.

Орал в студии известный депутат Свинобоков.

– Это происки моих политических противников. Нет ничего проще оболгать честного человека...

Ведущий перебил.

– Напомним нашим телезрителям, что жители Малых Таракан Околокукуевского района на последних выборах отдали свои голоса за Свинобокова, создав необходимый перевес. Таким образом, депутат станет представлять в Государственной думе один из самых промышленных районов страны.

Камера взяла Свинобокова.

– Спасибо, Родион, грязь которую мои оппоненты распространяют в СМИ – отвратительна. Да, я лично занимался поставками металлических труб, не отрицаю. Но материал за-

возился качественный, с сечением, рассчитанным непосредственно под нужды дворян. Я имею в виду жителей этого злополучного комплекса. Полюбуйтесь, пожалуйста, я захватил образец, – Свинобоков нагнул и появился над столом с куском увесистой стальной тубы, в которую легко бы прошла голова бегемота. Депутат обратился в камеру. – Ваши обвинения оскорбительны! Пожалуйста, полюбуйтесь. Видите, какое отверстие. Даже если бы все дворяне всего вашего осинового гнезда нажали на смыв одновременно... да что гнезда, все дворяне нашего района...

– Скажите, а что, много таких комплексов на районе? – опять перебил ведущий.

– Как бывший районный депутат, я курировал строительство трёх комплексов, но у меня все бумаги в порядке. Их я тоже захватил, – Свинобоков выудил из-под стола огромный ворох бумаг.

Камера взяла ведущего.

– Как видите, на столе у бывшего и нынешнего депутата Свинобокова неопровержимые доказательства его непричастности к хищению, немыслимому по своему масштабу. Проблема серьёзная, на контроле у президента. Ведётся расследование, подключились все силовые органы. Как показала практика, расслабиться не может никто: ни известный писатель, ни музыкант, ни космонавт, ни знаменитый актер. Никто не застрахован от того, что придя с работы буквально негде будет присесть. Коммунальная проблема как язва

расползлась по всей нашей стране. «Дворянское гнездо» – словно зеркало нашей с вами действительности. Сейчас там полная антисанитария. В самом комплексе и вокруг него работает сан-эпидемиологическая служба. Напоминаем, что в отставку подал глава коммунальной службы страны. Депутат Свинобоков временно назначен исполняющим обязанности и уже завтра приступит к работе. Мы поздравляем депутата с оказанным ему доверием. И ещё одно замечательное событие.

Ведущий глотнул воды.

– Подтвердилась информация, которую мы получили от наших источников сегодня днём. Мы ещё раз хотим поздравить депутата Свинобокова с тем, что у него появился родственник в деревне Диканькино, Околокукуевского района, который и представляет сам депутат. Пока единственная информация о нём, что зовут его – сосед Виталий. Тесты ДНК совпадают на 100 процентов. Свинобоков и сосед Виталий являются братьями-близнецами. А сейчас Давайте посмотрим репортаж из «Дворянского гнезда», так сказать, прямо с полей.

На экране показалась толпа людей с транспарантами...

Раздался звонок. На экране телефона появилась надпись: муж. Татьяна выключила телевизор.

– Да, Игорь, привет. Уже приехали?

– Привет, поезд прибыл около часа назад. Детей уже забрали родители. Сейчас выхожу с вокзала. Слушай, давай я

сегодня за тобой заеду? Прогуляемся домой пешком. Машины твою завтра заберём. Ты как? Такая погода чудесная, помнишь? Давай! Мы тысячу лет с тобой не гуляли.

– Я не против, просто как-то неожиданно.

– Понимаю. Но мы так долго шли в разные стороны друг от друга, что пора разворачиваться. Я не хочу, чтоб мы вот так просто... Я люблю тебя, Тань. Здесь больше нечего обсуждать.

Татьяна помолчала.

– Приезжай. Буду ждать тебя около ворот, – ответила она и повесила трубку.

Татьяна подошла к окну.

Через ворота на выезд нервно проехал большой черный пикап, скрипнув покрышками.

Отряд в белых рубашках и серых костюмах, обнявшись, шёл через дорогу в сторону ближайшего бара.

Из комплекса вышли новый сотрудник «Желтого ручейка» – Вера с инспектором пожарного надзора. Девушка всё ещё была одета в свою рабочую одежду, только сильно изорванную. Инспектор висел у неё на плече и агрессивно размахивал шваброй. Он был без штанов и без своей кожаной куртки. К воротам подъехало такси. Вера с трудом затолкала инспектора на заднее сиденье и села следом за ним.

На пороге появился Иван Иванович. Он дошёл до проходной, на миг обернулся и посмотрел на окна Татьяны. Видеть он её не мог, свет в офисе она отключила. Татьяна не сдер-

жалась и помахала рукой. Иван Иванович улыбнулся, поднял воротник пиджака и вышел за ворота.

Уже совсем стемнело. Проходя, через КПП, Татьяна оставила ключи и расписалась. Охранник Василь, не отрываясь от телевизора, уминал картошку с тушенкой и хохотал до слёз.

– У-ха-ха, у-ха-ха!

По телевизору передавали шоу для взрослых со спортивным уклоном – «Поджарая клубничка». Депутат Свинобоков в эластичном голубом трико в облипку и плаще супермена стоял на маленьком трамплине бассейна. Он походил на человечка известной компании по производству шин. Впрочем, Татьяне было всё равно, у ворот её ждал муж.

И пока на западе страны жители засыпали у голубого экрана телевизора под залиvistый смех охранника Василя, на востоке вставало солнце. Будильники поднимали из кровати ответственных менеджеров и их руководителей, которые храбро ступали в новый чудесный день!

У-ха-ха, у-ха-ха!

Конец!

Говорю спасибо, не изменяя законам жанра

Моим первым читателям и моим первым редакторам. Тем, кто потратил на книгу свои силы и своё время. Тем, кто воодушевил меня и поддержал. Тем, кто позволил мне справиться с сомнениями и, в конце концов, издать свой дебютный роман «Чудесный день».

Юлии Александровой, Инне Александровой, Анне Гудзь.

С удовольствием развёл бы здесь сопли листов на пятьдесят и рассказал, как я отчаянно сражался один на один с чистыми страницами программы Word. И как в итоге через пару лет победил, а страницы заполнились убористым шрифтом двенадцатого размера. Но оставим в сторонке мой героический подвиг, так как результат вы уже прочитали.

Просто, чтоб вы поняли: писать книги оказалось настоящей каторгой. Переделывал роман я раз десять, а отдельные главы, абзацы и предложения – бесконечно.

Наш домашний уклад изменился.

Я внезапно выпрыгивал из кровати или выскакивал из-за обеденного стола. Бормотал себе под нос мысли, боясь их упустить, и мчался к компьютеру в любое время дня и ночи, потому что, видите ли, «великого писателя» посетило озарение. Уже тогда жена подумывала пригласить профильных

специалистов из не менее профильных медицинских учреждений.

Но в итоге бесконечный «Чудесный день» подошёл к завершению, и в лучах заходящего солнца я написал слово *КО-НЕЦ* – самое волнующее и долгожданное слово.

К той секунде, когда на небе загорались первые звёзды, я прочитал своё творение раз пятьсот и знал его назубок. При таком раскладе понять, что в романе хорошо, а что в романе плохо, оказалось невозможно. Моя соображалка сломалась.

Что делать? Надо заканчивать каторгу. Пусть книгу читают и выносят вердикт, каким бы он ни был.

Первым испытателем воздействия романа на душевное состояние человека стала моя жена, Юлия Александрова.

Я принял на грудь и передал ей драгоценную рукопись.

Для Юли это тоже оказалось непросто. Представьте, как подбирать слова для близкого человека, если его многолетний труд, мягко говоря, окажется нечитабельным? Плюс, по всем внешним признакам этот близкий человек давно попрощался с рассудком.

Пока Юля читала и делала пометки, я кружил вокруг неё, как Сорняков вокруг космического сачка. Заглядывал через левое плечо, менял дислокацию и заходил со стороны правого. В конце концов меня отправили в дальнюю комнату в район Чёрного Квадрата (друг «нарисовал» после вытрезвителя).

Роман действительно оказался сырым, и его пришлось пе-

редельвать. Но Юля прочитала его запоем, и даже тот полуфабрикат, что представлял из себя первый вариант, привел её в восторг. Она говорила искренне:

– Мне понравилось! Я действительно в восторге! Просто, если честно, не ожидала. «Чудесный день» имеет право на жизнь.

Разве нужны ещё слова?

Я воспарил к потолку.

Весь следующий день я бесцельно летал по квартире, а подоспевшие санитары пытались меня изловить. Работать не мог, так как не получалось приземлиться, но это же обстоятельство не позволяло медицинским работникам перенаправить «великого писателя» в самое подходящее для него на тот момент место.

Когда же наконец удалось совершить посадку, каторга началась снова.

В течение последующих двух месяцев я читал и переписывал, читал и переписывал. Исправлял целые абзацы, убирал нестыковки, работал с орфографией, вычеркивал из текста всё лишнее, добавлял необходимое. Я откорректировал всё, что указала Юля, и многое сверх того. Работал с полным воодушевлением, ведь моя книга понравилась первому читателю! Да – жене! Да – субъективно! Но я видел – интерес настоящий.

И роман преобразился. Ну... На тот момент мне так показалось.

В восторге я кружил с ним вальс по скрипучему паркету гостиной, пока...

... «Чудесный день» не попал под редактуру моей старшей дочери, Инны Александровой. Русский язык – высшая оценка 100 баллов по ЕГЭ. С великим и могучим Инна дружит, с литературой дружит, с плохими текстами – нет.

Я часто ловил на себе её печальные взгляды (Печальные! Комедия! Ну вы поняли...), пока она читала, помечала ошибки и нестыковки в тексте. Единственное обстоятельство, мешавшее ей швырнуть мои труды в помойку – наше прямое родство.

И всё завертелось заново.

В общей сложности ещё порядка двухсот часов ушло на новые исправления и новую коррекцию. Честно говоря, я начал уставать от бессмысленности затеи. Кому вообще это нужно? Зачем и почему я пишу эту книгу? Ответить ни себе, ни другим я не мог. Просто писал, потому что писал. Мне нравилось, несмотря на все трудности.

Наступил торжественный час. Пора отдавать «Чудесный день» новому испытателю.

Я распечатал роман на принтере, придал ему божеский вид и усилил впечатление массивной скрепкой. Затем причесался, надел парадную олимпийку и отнёс своему другу, Анне Гудзь.

Аня сопротивляться не стала и согласилась пройти бесчеловечные испытания над своим душевным состоянием. Я

хотел одного: чтобы она прочитала роман и просто высказала своё мнение. Стоит ли вообще показывать книгу вменяемым людям?

Я не предполагал, что Аня подойдёт к вопросу более чем основательно. Редактура подверглось всё, даже отдельные слова и незначительные факты.

– Макс, я прочитала 13 страниц. Мне нравится, – коротко сказала она мне по телефону через три дня.

Тринадцать страниц – только начало книги. Как мало за три дня... Но тринадцать страниц, которые понравились твоему читателю!!! Как передать словами чувства? Я скакал до потолка (они у нас дома высокие, противосанитарные) и вновь ощущал себя вполне «великим писателем».

Своими ощущениями я поделился с женой. Она потрогала мой лоб и посоветовала соблюдать постельный режим.

Ползли долгие-долгие дни, пока Аня читала роман: время тянулось невыносимо. С каждым часом я осознавал – чуда не будет. Только тринадцать страниц! Опять с восклицательным знаком, но уже с другим контекстом, ведь если книга забирает, читать её так долго невозможно. Тогда я не знал, что Аня изучает роман под микроскопом.

Через десять томительных дней мне вручили «Чудесный день», заботливо обклеенный со всех сторон цветными стикерами – с замечаниями и исправлениями. Огромный труд. Просто так. Без всяких просьб. Аня проделала гигантскую, необходимую и такую значимую работу.

Но самое важное! Аня сказала:

– Макс – это бомба! Просто шедевр! Ты обязательно должен его выпустить.

Я не поверил, но всё равно подпрыгнул. На гипсокартоне в трёх метрах над уровнем пола появилась вмятина от моей головы.

Снова пришлось исправлять, но на этот раз не так долго.

(Юля теперь сможет прочитать новый роман. Он отличается от той версии, которую я распечатал на первом испытании).

Дорогой читатель, если Вы сейчас на этих строчках, то, надеюсь, Вы прочитали книгу до конца. А также, смею надеяться, «Чудесный день» Вам понравился.

Единственное, есть одна загвоздка!

Комедию я всё-таки отдал прочитать вменяемому человеку. Откуда среди моих друзей оказались такие люди не знаю. Ведь, как говорится, человека определяет окружение. Но что есть, то есть.

О самой ткани повествования автору ничего не поведали, ограничились словами Л. Н. Толстого (не уверен): «Если можешь не писать – не пиши». А по поводу самой комедии: «Школьное сочинение».

Может, оно и на самом деле правда, только поздно исправлять ситуацию, спасая мир от таких, как я.

Со школой я давно распрощался, а завершённый роман

лежал на моём столе. Его глянцево́ый чёрный текст переливался по идеальной мелованной поверхности.

Засмотрелся даже.

Красота-то какая! Ну не выбрасывать же в самом деле!

Так что, дорогой читатель, если «Чудесный день» Вам действительно понравился, примите мои соболезнования и на будущее: выбирайте жилище с потолками повыше, чтоб не поймали.

Юлия Александрова, Инна Александрова, Анна Гудзь – огромное вам спасибо!

Материалы для обложки использованы с сайта www.canva.com